

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»

(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

СЫКТЫВКАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени Питирима Сорокина

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
И ПРАВА

СОЮЗ ЖЕНЩИН РОССИИ
THE UNION OF RUSSIA
L'UNION DES FEMMES DE LA RUSSIE
THE WOMEN'S UNION OF RUSSIA

РОССИЙСКОЕ
ВОЕННО
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

**XXIII Всероссийская научная конференция студентов
и аспирантов**

Сборник статей

Текстовое научное электронное издание на компакт-диске

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2024

ISBN 978-5-87661-903-7 © ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2024
© Оформление. Издательство СГУ им. Питирима Сорокина,
2024

Титул

Об издании

Производственно-технические сведения

Содержание

УДК 93/94
ББК 63.3(0)
П78

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за организацией-разработчиком.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Издается по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» (протокол № 4 от 30.05.2024)*

Ответственный редактор

Любовь Анатольевна Максимова,
канд. ист. наук, доцент, директор Института истории и права

Редакционная коллегия:

Поляков Юрий Васильевич,
специалист отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности
Управления научной и инновационной деятельности Департамента научной
и проектно-инновационной деятельности;

Лобанова Полина Евгеньевна,
обучающийся 4-го курса Института истории и права;

Расов Вадим Андреевич,
обучающийся 4-го курса Института истории и права

П78 Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: XXIII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов [Электронный ресурс] : сборник статей : текстовое научное электронное издание на компакт-диске / отв. ред. Л. А. Максимова ; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». – Электрон. текстовые дан. (2,0 Мб). – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. – 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium III ; 256 Мб RAM ; не менее 1,5 Гб на винчестере ; Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2) ; видеокарта с памятью не менее 32 Мб, экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек ; 4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше, мышь ; Adobe Acrobat Reader. ISBN 978-5-87661-903-7

В сборник включены материалы научных докладов, представленных студентами, магистрантами и аспирантами на традиционной научной конференции Института истории и права СГУ им. Питирима Сорокина «Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран», состоявшейся 28 марта 2024 года. Основные направления работы конференции: актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, развитие Европейского Севера России (история и современность), дискуссионные вопросы истории Великой Отечественной войны, проблемы истории исторической науки и источниковедения, актуальные вопросы методики преподавания истории.

Для широкого круга читателей, интересующихся различными аспектами истории, вспомогательных исторических дисциплин и методики преподавания истории.

**УДК 93/94
ББК 63.3(0)**

Содержание

СТАТЬИ ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКЛАДОВ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	6
<i>Поляков Ю. В.</i> Некоторые вопросы общеисторической концепции периодизации мировой истории: новейшее время (историографический аспект).....	6
<i>Лобанова П. Е.</i> Условия труда и быта лесных рабочих в 1918–1922 гг. в Коми крае	10
ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	17
<i>Вашкевич П. П.</i> Межконфессиональные отношения и контакты с иностранцами в России XVII в. глазами Павла Алеппского	17
<i>Мирошниченко К. А.</i> К вопросу об источниках утверждения П. А. Словцова о бытовании в Тобольске в XVIII в. устной традиции о сепаратизме губернатора М. П. Гагарина.....	21
<i>Балинский Р. В.</i> Долговая система Российской империи во второй половине XIX в.	26
<i>Ливсон И. С.</i> Дипломатическое сотрудничество России и Франции при Александре III.....	30
<i>Ковалев Г. О.</i> Политическое насилие в октябре 1918 г. по материалам книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир».....	34
<i>Тумбусов Д. Д.</i> Идеи конфедерализации в образовании СССР: возможности и ограничения модели Х. Г. Раковского	39
<i>Алиева А. М.</i> Создание СССР: конституционные проекты М. А. Рейснера	43
<i>Гаранина Д. А.</i> Попытки решения жилищного вопроса в первые годы советской власти.....	46
<i>Смирнов М. С.</i> Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г.	50
<i>Карманова М. С.</i> Образ советской семьи в карикатурах (по материалам журнала «Крокодил» 1950–80-х гг.).....	54
<i>Великанов И. П.</i> Роль А. Н. Яковлева в решении государственных вопросов в годы перестройки (по дневниковым записям)	58
РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	63
<i>Ненашев М. В.</i> «Дневные записки» академика И. И. Лепёхина о прилузских коми сквозь призму современной науки.....	63
<i>Расов В. А.</i> Деятельность Усть-Сысольской городской думы по урегулированию «оброчных статей» в раннее пореформенное время.....	68

<i>Помысова И. В.</i> История строительства пожарной каланчи в дореволюционном Усть-Сысольске.....	72
<i>Исламов Р. О.</i> Просветительская деятельность Усть-Сысольского отделения Великоустюжского Стефано-Прокопьевского братства	76
<i>Лобанова П. Е.</i> Система привлечения вольнонаёмных крестьян на лесозаготовки в первое постреволюционное десятилетие (на материалах Коми области).....	80
<i>Михайлова С. Н.</i> Создание топливно-энергетического комплекса на Европейском Северо-Востоке как градообразующий фактор.....	85
<i>Канева К. Н.</i> «Вуктыл – не тыл, а передовая!» – строительство газопровода «Сияние Севера»	90
<i>Ракина А. М.</i> Политические процессы в городе Сыктывкаре в 1980–2000 гг.	93
<i>Ивашева С. А.</i> Сохранение национальных традиций народов, проживающих на территории Республики Коми (на примере Белорусской национально-культурной автономии)	95

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (К 80-ЛЕТИЮ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА)

<i>Канева Д. Н.</i> Ижма и ижемцы в годы Великой Отечественной войны на страницах районной газеты «Гёрд Печора»	100
<i>Станкевич Е. В.</i> Общее состояние изб-читален Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам отчётов РОНО о политпросветработе)	104
<i>Саевич Д. Е.</i> Хабаровский процесс над японскими военными преступниками.....	109
<i>Вилкова В. А.</i> Великая Отечественная война сквозь призму людских судеб (на примере Лопатина Николая Петровича).....	113

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Юлчебаев А. А.</i> Заметки о штрафах в «Книге Ремёсел» Парижа	117
<i>Габов В. И.</i> Российская империя и Корея во второй половине XIX в.	123
<i>Нигамедзянов А. П.</i> Регламент чет ТМОРО 1900 г. как доктринальная основа четнического движения в Македонии накануне Илинденского восстания	127
<i>Анискевич К. В.</i> Сравнение антикоммунистической политики правительств Плёка Пхибунсонгкхрама и Сарита Тханарата, Тханома Киттикачона	132

<i>Раевский Л. О.</i> Предместье Carpelpont средневекового города Альби: в поисках идентичности	138
ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ	142
<i>Николиди Д. Д.</i> Хронологические рамки бытования азбук-прописей на территории Московской Руси	142
<i>Новикова М. А.</i> Письма-конверты русской элиты в первой четверти XVIII в.	144
<i>Зуева П. А.</i> Политическая карикатура как источник по истории Парижской коммуны.....	148
<i>Поташов А. Н.</i> Источники по изучению дошкольного образования в Коми АССР в середине 1940-х – первой половине 1960-х гг.....	153
<i>Марданова Е. С.</i> История Древнего мира в трудах Н. И. Кареева	158
<i>Шмаль Ю.В. В. В.</i> Чубинский: исторический портрет	161
<i>Сукгоев М. А. С. О.</i> Курбанов о традициях и национальном характере южных корейцев (по материалам записок востоковеда)	165
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ	170
<i>Рогова Е. С.</i> Актуальность идеи народности общественного воспитания К. Д. Ушинского	170
<i>Фаст И. В.</i> Королева Елизавета I Тюдор в дореволюционных и советских учебниках: сравнительный анализ	174
<i>Уварова Е. А.</i> «Эра Варгаса» на страницах школьных и университетских учебников.....	179

СТАТЬИ ПО МАТЕРИАМ ДОКЛАДОВ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 930.1(303.446.4)

Некоторые вопросы общеисторической концепции периодизации мировой истории: новейшее время (историографический аспект)

Ю. В. Поляков*,

обучающийся 4-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Смена парадигм, происходящая в современной исторической науке, требует обновления и подходов к периодизации истории мира. Казалось бы, она уже произошла: изменился взгляд на ход всеобщей истории, европоцентричные концепции заменяются более расширенным взглядом на роль народов стран Азии, Африки и Латинской Америки. Однако за кажущимся обновлением зачастую стоят сугубо политические мотивы. В исторической науке не первый год ведутся дебаты относительно правомерности существования новейшего времени как специально выделенного периода истории человечества. В статье излагаются результаты исследования ряда работ российских и зарубежных историков – сторонников новых подходов в периодизации нового и новейшего времени.*

***Ключевые слова:** историография, периодизация, всеобщая история, новое время, новейшее время*

Смена парадигм, происходящая в современной исторической науке, требует обновления и подходов к периодизации истории мира. Казалось бы, она уже произошла: изменился взгляд на ход всеобщей истории, европоцентричные концепции заменяются более расширенным взглядом на роль народов стран Азии, Африки и Латинской Америки [1]. Однако за кажущимся обновлением зачастую стоят сугубо политические мотивы, призывы уйти от «однополярного» мира для перехода к «более совершенной» системе международных отношений. В данном случае история становится служительницей политики, затмевает свой неидеологизированный взгляд политическими интересами конкретной страны или реалиями эпохи.

Историческая наука на современном этапе её развития характеризуется разнообразием в теоретических базах и исследовательских методологиях. Однако разнообразие в подходах не всегда является благом. Даже несмотря на то, что

*Научный руководитель: **Т. В. Павлова**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

история – наука, основанная на субъективном материале (исторических источниках), единство в академической среде необходимо для достижения конечной цели истории – объективного взгляда на эволюцию человечества, общества, государства и их институтов.

В этих целях автором был предпринят анализ накопленного отечественной исторической наукой постсоветского периода историографического материала, отражающего различные подходы к определению периода «новейшая история». Главной задачей, которую ставил перед собой исследователь, стало выявление и сравнение характеристик периода новейшего времени, который традиционно ограничивается окончанием (или началом) Первой мировой войны 1914–1918 гг. и продолжается по сей день. Краткой характеристике выявленных концепций и промежуточным итогам проводимого исследования и посвящена настоящая статья.

Последний обзор подходов историков к периодизации нового и новейшего времени предпринимался в 2013 г. сибирским историком О. И. Ивониной. В своей статье профессор отмечает, что используемое современными учёными деление истории на Древний мир, Средние века и Новое время, предложенное ещё деятелями эпохи Просвещения в XVII–XVIII вв., остаётся удобной базой, поскольку берёт за точку отсчёта современности «европейское чудо» (или «великую дивергенцию») и удобно ложится на теорию ускорения истории [8]. Тем не менее, со времени публикации обзора основных подходов к периодизации нового и новейшего времени прошло уже более 10 лет, что говорит о необходимости обновлённого анализа процесса накопления знаний по вопросу.

Начнём рассмотрение с **интегралистской концепции**. Её представители – армавирские историки, сотрудники кафедры всеобщей и региональной истории Армавирского государственного педагогического университета (АГПУ): д-р ист. наук, проф. В. Б. Виноградов, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой С. Л. Дударев, канд. ист. наук С. В. Назаров, канд. ист. наук В. В. Назарова.

В основу подхода, который постулируется армавирской школой, положен принцип *интегрализма*, т. е. сочетание цивилизационного и формационного подходов. Наиболее полно концепция изложена в учебном пособии «Основные этапы всемирной истории», изданном в 2009 г. под редакцией профессора В. Б. Виноградова [12].

С первого взгляда на предлагаемую концепцию периодизации можно счесть, что её авторы являются адептами глобальной истории. Однако при более глубоком анализе постулируемых тезисов становится очевидным её опора на историю Евразии как на «силовое поле» истории. Пытаясь уйти от европоцентризма, историки из Армавирского педуниверситета пришли к евразийскости, совершив в данном случае очень распространённую ошибку – подменив один центр истории другим.

Что касается периода новейшей истории, то в контексте данной периодизации он открыто не выделяется (учитывая то, что вплоть до конца XIX в., по мнению авторов, доминируют средневековые мировые державы). Согласно данным рассуждениям, следующим должен идти период новой истории, который начинался бы XX веком. Вместе с тем термины «новая» или «новейшая» история не используются авторами при характеристике последнего, шестого элемента своей периодизации. Исходя из этого можно сделать вывод, что концепция в целом довольно туманно даёт представление о том, где же начинается история современного человечества и что считать критерием к его переходу (сами авторы подходят к этому вопросу своеобразно: они не только не называют Первую мировую войну точкой отсчёта современности или окончания предыдущего периода, но и не называют событие-альтернативу, оставаясь в весьма размытых рамках «XX века») [2].

Ещё один подход, выявленный в ходе исследования, – **диалектико-материалистическая концепция**, наиболее ярким апологетом которой является российско-литовский историк и политический деятель, д-р ист. наук, проф. Ю. Ю. Ермалавичюс.

Подобно своим коллегам, имеющим материалистический взгляд на историю, профессор Ермалавичюс отказывается в объективности любой другой картине периодизации истории, кроме своей собственной. По его мнению, мир разделён на периоды, соответствующие общественно-экономическим формациям. В историческую эпоху новейшего времени происходит революционный переход человечества от классового общества социального неравенства и антагонизма к бесклассовому обществу социальной свободы и равенства [4; 5; 6; 7].

Свою концепцию Ю. Ю. Ермалавичюс излагает, опираясь исключительно на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, что делает её необъективной, узконаправленной, неадаптивной к изменениям в исторической науке и не допускающей инакомыслия. К сожалению, в данном случае имеет место явный пример политизированности исторических взглядов исследователя.

Одной из наиболее близких автору настоящей статьи является концепция, предлагаемая белорусским историком В. А. Космачом. В своей статье «Некоторые дискуссионные вопросы современной отечественной исторической науки» профессор Космач отмечает, что историки постсоветского периода *«слишком отягощены наследием марксизма-ленинизма»*, а также среди них *«чувствуется тупиковость в самом варианте периодизации, прежние критерии которой явно устарели»* [10]. На основании данных критериев обобщающе назовём данную концепцию периодизации **европоцентрической**.

Что касается новейшего времени, то мы видим здесь, что первоначальная концепция профессора немногим отличается от общепринятой периодизации истории – отсчёт новейшего времени он начинает с 1919 г. [9; 11]. Однако спу-

стя 15 лет у профессора вышла другая статья, в которой он слегка изменил свой взгляд именно на новейшее время: теперь современная история по В. А. Космачу начинается с 1945 г. (при этом в рамках самой эпохи отдельно выделяется «новейший период», начинающийся аж с 1975 г.). Подробных объяснений автор не приводит, лишь отмечая важность рубежных событий – Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) в Хельсинки и Распад Советского Союза (1991 г.) на мировую геополитическую ситуацию [10].

Заключительной к рассмотрению предлагается **регионалистская концепция**, представителем которой являются московский историк, канд. ист. наук, с. н. с. ИМЭиМО РАН О. А. Воркунова. По ее мнению, формирование многополярного мира в эпоху новейшего времени основано на процессе интеграции экономик, культур, политического и социального пространства на региональном уровне, а потому необходим обновлённый взгляд на периодизацию истории человечества через историю региональных сообществ [3]. Какого-либо конкретного описания хронологических рамок или критериев определения новейшего времени (или какого-либо другого исторического периода) О. А. Воркунова, к сожалению, не приводит.

Как было сказано, представлены лишь промежуточные итоги исследования темы, которой автор заинтересовался почти год назад. Учитывая объём материала для изучения (требуется проанализировать концепции периодизации, содержащиеся в десятках научных статей, монографий, учебных пособий и т. д.), он отдаёт себе отчёт в том, что исследование темы ещё далеко от завершения.

Тем не менее, предпринятый обзор работ российских историков уже позволяет сделать вывод об отсутствии в современной исторической науке консенсуса в подходах к определению хронологических рамок периода «новейшее время» (как и необходимости выделения такового). Продолжающиеся последние несколько десятилетий дискуссии в историографии относительно деления истории человечества XVI–XXI вв. на структурные элементы доказывают, что процесс установления единых рамок периодизации ещё не завершён.

Безусловно, все концепции периодизации условны, однако это не должно останавливать исследователей от приближения к наиболее объективной их модели.

1. Автор выявил главное отличие новых учебников истории для 5–9 классов // Информационный портал газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/1557919/2023-08-12/avtor-vyiavil-glavnoe-otlichie-novykh-uchebnikov-istorii-dlia-5-9-klassov> (дата обращения: 23.10.2023).

2. Виноградов В. Б., Дударе С. Л., Назаров С. В., Назарова В. В. О разработке и преподавании новой периодизации всемирной истории на кафедре всеобщей и региональной истории АГПУ // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. С. 33–40.

3. Воркунова О. А. Этапы исторического развития и трансформация региональных пространств // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. Вып. 1 (794). С. 132–155.
4. Ермалавичюс Ю. Ю. Глобальный кризис: закономерности и особенности // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. 2010. № 1 (3). С. 98–110.
5. Ермалавичюс Ю. Ю. На переломном этапе всемирной истории // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. 2015. № 4 (27). С. 215–225.
6. Ермалавичюс Ю. Ю. Об исторической эпохе новейшего времени // Евразийский форум. 2017. № 1 (9). С. 55–68.
7. Ермалавичюс Ю. Ю. Объективная логика истории и современность // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. 2012. № 4 (15). С. 120–133.
8. Ивонина О. И. К вопросу о периодизации истории нового и новейшего времени // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 54–59.
9. Космач В. А. История как наука: предмет и проблемное поле, специфика исторических законов и периодизация // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2001. № 1(19). С. 3–8.
10. Космач В. А. Некоторые дискуссионные вопросы современной отечественной исторической науки // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 103–117.
11. Космач В. А. Некоторые дискуссионные вопросы хронологии и терминологии в современной отечественной исторической науке // *Viaintempore*. История. Политология. 2008. № 1 (41). С. 201–208.
12. Основные этапы всемирной истории : учеб. пособие / под ред. В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева. Армавир: Графа, 2009. 260 с.

УДК 93/94

Условия труда и быта лесных рабочих в 1918–1922 гг. в Коми крае

П. Е. Лобанова*,

обучающийся 4-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Возникшая в середине 1920-х гг. лесная промышленность сыграла огромную роль в индустриализации Коми области, став стержнем для сырьевой и топливно-энергетической базы, позволив региону как поставщику экспортного леса серьезно укрепить свои позиции. История становления лесной промышленности в 1920-е гг. разрабатывалась в региональном исследовательском поле. Однако отдельным ее элементам, в частности условиям труда и быта крестьян-сезонников на делянках в первое постреволюционное десятилетие, уделено недостаточно внимания.*

*Научный руководитель: **Г. Ф. Доброноженко**, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

В статье на основе опубликованного комплекса источников рассмотрена советская практика правового регулирования труда на лесозаготовках в 1918–1928 гг. Приведены статистические данные по динамике изменения заработной платы в общем и по отдельным видам лесных работ, по средней продолжительности заготовительного сезона. Проведен анализ бытовой стороны жизни лесорубов, их медицинского обслуживания и страхования. Делаются выводы о превалировании системы ручного труда и частых случаях травматизма на производстве.

Ключевые слова: лесозаготовки, Северолес, военный коммунизм, НЭП, крестьяне-сезонники, профсоюзы, лесная промышленность, Областной отдел труда

В первые постреволюционные годы, в рамках политики военного коммунизма, советская власть пыталась решить непростую задачу сохранения как собственной власти, так и целостности государства в условиях системного кризиса. Лесная отрасль в этот период находилась в мобилизационном режиме, сменив основной вектор с лесозаготовок на дровозаготовки. Проводились мероприятия по структурной организации лесной отрасли на новых, социалистических началах, но с упором на предшествующий опыт военного времени.

В постреволюционный период лесозаготовки в Коми АО должны были выполнять две основные задачи: 1) обеспечение внутренних потребностей страны (снабжение топливом промышленных предприятий) и 2) создание государственного валютного фонда за счет экспорта лесной продукции [5, с. 32].

Поставленные перед областью задачи решали лесозаготовительные организации (конторы) и государственно-частные акционерные общества, заключая подрядные договоры с артелями местных крестьян-сезонников. Начиная с 1924/25 лесозаготовительного года, областной Отдел труда совместно с профсоюзами начинают практику установления твердых расценок и создания типового договора для лесных рабочих всей области. Это был наиболее важный вопрос, прямо мешавший увеличению производительности на делянках и имевший определенные причины.

Одной из таких причин была заработная плата на лесных работах, которая в зависимости от конкретной местности Коми АО в значительной степени отличалась. На ее размеры влияло неравномерное распределение населения по региону – в одних местах рабочей силы было в избытке, и их даже перебрасывали в другие лесничества, а в других – рабочих рук не хватало в связи с малонаселенностью. На расценки влияло качество леса, характер лесных дорог, расстояние до катищ и то, насколько успешным выдался сезон охоты в области [7, с. 4].

В условиях экономической разрухи, в период военного коммунизма, поденно-денежная система была заменена на более актуальную *сдельно-премиальную оплату труда*, когда вместо денег оплата производилась натурой (продукты и предметы потребления). В основном выдавался хлеб, овес, мясо, рыба, соль,

спички и мануфактура. Так, в Северо-Двинской губернии в 1919/20 заготовительный сезон в день за заготовку лесной рабочий получал 202,7 гр. хлеба, 29,9 гр. мяса и рыбы, за вывозку (без учета дальности расстояния) – 234,2 гр. хлеба, 1873,9 гр. овса, 30,9 гр. мяса и рыбы, 28,9 гр. соли [2, с. 70].

В годы НЭПа расчет с рабочими производился *как деньгами, так и натурой* – продуктами питания (рожь, рыба, овес) и необходимыми для работы инструментами (пилы, топоры, снасти, точила, напильники). В сезон 1922/23 заготовителям пиловочника и шпал, а также шпалотесам натурой выдавалось 87 % зарплаты, сплавщикам – 94 %, все остальное деньгами [3, с. 40]. В сезон 1924/25 заготовители пиловочника получали натурой 60 % заработной платы, заготовители и возчики шпал – 70 %, шпалотесы и сплавщики – 55 % [4, с. 48].

С натуроплатой возникали и проблемы. Сложности заключались в переходе на метрическую систему и связанную с ней систему взвешивания хлебофуража. Но иногда доходило и до абсурда, к примеру «шпалотесам – безлошадным – выдавали овес» [7, с. 7].

Были случаи вычета из заработка лесоруба стоимости использовавшихся инструментов. В 1924/25 г. за топор рабочий платил 2 руб. 50 коп., за пилу – от 2 руб. 50 коп. до 4 руб., за подпилков – 25–30 коп. С учетом того, что топор лесорубом мог меняться по пять раз за сезон, а качество пил и подпилков часто оставляло желать лучшего, вычеты из зарплаты были ощутимыми. Хотя лесозаготовители обязаны были за свой счет снабжать крестьян-сезонников на делянках основным необходимым инвентарем [7, с. 7].

Местными органами власти подчеркивается, что «зарплату лесоруба следует признать вообще низкой» [7, с. 5]. По средней оплате труда разных видов лесных работ ситуация следующая: за 1925/26 заготовительный сезон лесорубам выдано 78 руб. 36 коп., шпалотесам – 76 руб. 8 коп., дроворубам – 47 руб. 4 коп., возчикам бревен – 222 руб. 48 коп., возчикам шпал – 101 руб. 62 коп., возчикам дров – 150 руб. [6, с. 9].

Статистика по среднему доходу лесного рабочего за заготовительный сезон показывает, что в 1924/25 она составляла 113 руб., в 1925/26 – 132 руб., 1926/27 – 142 руб., 1927/28 – 206 руб. [1, с. 63].

Общий же доход в коми деревне, к примеру, за 1924/25 г. составил примерно 1700 тыс. руб., в следующем 1925/26 г. – 3041 тыс., 1926/27 г. – 3402 тыс., 1927/28 г. – 3841 тыс., 1928/29 гг. – 6636 тыс. [1, с. 64]. На 1926/27 г. в доходной статье крестьянского хозяйства лесозаготовки в зависимости от социального слоя занимают от 4 до 22 % (у зажиточного – 4,4 %, у середняцкого – 22 %, у бедняцкого – 18,9 %) [9, с. 56]. Кроме увеличения заработной платы, вырабатывались и вводились нормы и ставки премирования на лесозаготовках [8].

Повышение заработной платы было напрямую связано с удлинением рабочего сезона и ростом производительности труда. В первую половину 1920-х гг.

в договорах не было *четко прописанных сроков выполнения принятых лесорубами на себя заданий*. Труд на лесозаготовках зависел от ряда причин – ухода населения на охоту, ухода с делянок домой на праздники (рождество, масленица) и на хозяйственные работы. Ситуация стала меняться в 1927 г., когда началось отделение рубки от возки и стали вводиться улучшенные орудия производства – шлюты, окорочные лопаты, кондаки, клямеры. Если до 1927 г. средняя продолжительность рабочего сезона не превышала 25 дней, то в 1927 г. эта цифра составила 28 дней, в 1928 г. – 35 дней, а в 1929 г. – уже 97 дней. Выросла и норма выполнения по объему на одного рабочего: в 1927 г. – 67 куб. м., 1928 г. – 93 куб. м., в 1929 г. – 220 куб. м. [1, с. 62–63].

Особенно остро стоял вопрос *страхования лесных рабочих*, которыми, как и прежде, являлись сезонные крестьяне. В трудовых договорах порядок помощи при несчастных случаях не обговаривался. Сами лесозаготовительные организации активно препятствовали установлению в этом вопросе четких прав и обязанностей обеих сторон трудовых отношений, что вело к разрешению споров в порядке судебных разбирательств. Основная причина конфликтов заключалась в одном из пунктов трудового договора, где, к примеру, «противопоставлялся случай “по вине рабочего” случаю “по вине Северолеса”». Кроме официально нанятых сезонных рабочих, крестьяне-сезонники часто привозили в помощь на делянки членов своей семьи (жена, дети). Лесозаготовитель же отказывался нести материальную ответственность за несчастные случаи с пострадавшими, не имеющими трудового договора. Поэтому рассматривался каждый отдельный несчастный случай, а пособие по временной утрате трудоспособности выплачивалось в течение нескольких недель после решения суда. Процент оплаченных несчастных случаев, к примеру, в сезон 1924/25 не превышал 25 % [7, с. 7–8].

Важным было и достижение в 1925 г. компромиссного соглашения с лесозаготовителями об установлении минимальной платы при потере на работах гужевой силы – на приобретении лошади оказывалась помощь в размере 50 % стоимости [4, с. 48].

В вопросе несчастных случаев одной из проблем, возникшей в годы НЭПа, стала *обтеска шпал*. Коми крестьяне не имели опыта работы с этим видом лесной продукции, на которую в 1920-е гг. поднялся спрос, поэтому учились всему «на ходу». На базе «Северолеса» проходило обучение лесорубов специальными инструкторами «шпалотесного дела», но это не спасало сезонных рабочих от травм, которые, по образному выражению лесозаготовителей, «с непривычки тешут ноги, а не шпалы» [7, с. 7].

Обтеска шпал была не самой травмоопасной – обычно все ограничивалось порезом или «порубом рук и ног». Более тяжелые несчастные случаи приходились на валку леса и сплавные работы. В среднем зарегистрированных несчаст-

ных случаев насчитывалось 3 %, на деле же процент реально пострадавших был куда выше. В «Северолесе» в 1924/25 г. Оботделом труда был зарегистрирован 321 несчастный случай, из них три – со смертельным исходом. В более детальном процентном соотношении ситуация выглядит следующим образом: легких увечий без утраты трудоспособности – 3 %, легких увечий с временной утратой трудоспособности – 83,8 %, тяжелых увечий – 12,3 %, со смертельным исходом – 0,9 % [7, с. 8].

В этот же сезон Оботделом союза деревообделочников было выявлено 200 несчастных случаев – три смертельных, 18 тяжелых, остальные легкой степени [4, с. 49]. Скорее всего, цифры у организаций разнятся из-за того, что профсоюз учитывал лишь тех, кто являлся их членом.

Вопрос медицинского обслуживания на лесных работах стал активно обсуждаться в 1925 г. – Коми Обздраву было выделено на это 3000 руб. [4, с. 49]. Во многие лесорайоны были завезены аптечки, медикаменты (бинты, йод, йодоформ), производилось санитарное инспектирование делянок. Но это не могло полностью решить проблему – на местах совершенно не было квалифицированных фельдшеров и тем более врачей (первый фельдшерский пункт начал функционировать в 1928/29 г.). А инспекция «при бездорожье, больших расстояниях, а также чрезвычайно скудно отпускаемых Наркомтрудом средствах» за сезон 1924/25 произвели лишь два обследования делянок [7, с. 10].

В отчетах указываются случаи, когда с делянки рабочего с переломом ноги для оказания первой помощи отправляли за 150–200 верст в ближайший медпункт. Особенно болезням были подвержены подростки и сплавщики – первые из-за «хрупкого и слабого» детского здоровья, а вторые из-за постоянного нахождения «по пояс в воде» и падений с плота в холодные северные реки. Нередкостью было, что «под одной крышей со здоровыми рабочими живут» больные туберкулезом «в последней стадии». Санитарным врачом, обследовавшим рабочих в одном из лесорайонов области, была обнаружена «роженица, родившая на снегу, валявшаяся в общей избе, среди мужчин, без всякой помощи, без какого бы то ни было ухода». О судьбе младенца в отчетном документе ничего не сообщается [7, с. 8–9].

Основным неразрешенным вопросом повседневного быта на делянках были *жилищные условия*. Если сравнивать ситуацию с лесными избами на делянках в годы НЭПа и в дореволюционное время, то кардинальных отличий практически нет. Обычно ставились «наскоро сколоченные из обрубков и валежа, крытые хвоей “баньки”» размером 3 x 3 м, в котором жили до четырех человек [1, с. 64].

Часто встречались курные избы, в которых жили и мужчины, и женщины по 10–12 человек. Варка и прием пищи, просушка одежды происходила также в этих жилищах. Инспекторами Оботдела труда, проводившими осмотр бытовых

условий на делянках, обращалось внимание на то, что царил «тяжелый спертый воздух этих жилищ», баня бывала редко, отсутствовали умывальники и достаточное освещение (не хватало керосина или не было лампы). Хотя отмечалась потребность рабочих к чтению: «К газетам, книжкам относились они бережно, получение их в избушке рассматривалось как крупное событие» [7, с. 10].

Производилась попытка введения новых типовых лесных избушек в 1925 г., но запротестовали как крестьяне-сезонники, так и лесозаготовительные организации – столкнулись «косность лесорубов» и «карман предприятия» [4, с. 49]. Небрежно построенные «зимой, на снегу, а не осенью, на мху, как нужно было», «с плохо пригнанными бревнами», «с громадными щелями, с сыплющейся с потолка землей» типовые избы по итогу были признаны непригодными для всех районов области [7, с. 9].

Областными органами власти осознавалась важность улучшения бытовых условий и внедрения механизации на лесных работах, от которых прямым образом зависело выполнение плановых заданий по лесозаготовке. Проводимые мероприятия Облтрудом и профсоюзами, издаваемые директивы, постановления суда – все это наталкивалось на полное нежелание трестов и концессионеров проводить их в жизнь. Несмотря на это, медленно, но верно происходит дальнейшее развитие правового регулирования труда, определенное улучшение быта лесных рабочих.

Уже к концу НЭПа в 1927–1928 гг. начинаются первые попытки механизации лесозаготовок (хотя основными орудиями труда все же остаются пила и топор), устройство лесовозных путей (в том числе внедрение первых снеготаялок в 1928 г.), появление собственных обозов у местных трестов. С 1928 г. вводятся обучающие курсы для лесорубов, еще в 1925 г. при областном Сельскохозяйственном техникуме открылось лесное отделение (лесная стража и инспекторы). В сезон 1927/28 впервые проводятся курсы десятников, через которые в этот год прошли 51 человек [1, с. 65]. Все это не могло бы произойти без инициативы местных органов власти, которые, к примеру, в 1924 г. добились увеличения размера отчислений от лесного дохода в местный бюджет с 30 % до 50 %.

1. Десять лет социалистического строительства автономной области Коми с 1921 по 1931 г. Сыктывкар: Изд. Коми обисполкома, 1931. 154 с. URL: <http://elib.komisc.ru/uploads/books/Desjat-let-socialisticheskogo-stroitelstva-Avtonomnoi-oblasti-Komi/files/assets/basic-html/index.html#6>. (дата обращения: 09.02.2023).

2. Иванов Н. Д. Первые шаги к социализму. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 96 с.

3. Из выступления заведующего отделом местного хозяйства ОБИК Ф. П. Терентьева на III областном съезде Советов об итогах и перспективах развития лесной про-

мышленности в области. 17 декабря 1923 г. // Лесная промышленность Коми АССР : сборник документов, 1917–1960. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 39–42.

4. Из доклада заведующего областным отделом внутренней торговли т. Каплина на расширенном пленарном заседании Облисполкома – об итогах лесозаготовительной кампании в 1924/25 г. 6 июня 1925 г. // Лесная промышленность Коми АССР : сборник документов, 1917–1960. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 46–51.

5. Из доклада начальника Облескома Д. П. Улитина в Облревком о состоянии снабжения лесозаготовок в 1921–1922 гг. продовольствием, фуражом, орудиями труда и рабочей силой. 23 декабря 1921 г. // Лесная промышленность Коми АССР : сборник документов, 1917–1960. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 32–33.

6. Ляпунов М. Промышленность, лесозаготовки и труд Коми автономной области за 1924–25 годы // Коми му – Зырянский край: экономический и краеведческий журнал / Областной исполнительный комитет Автономной области Коми; Общество изучения Коми края. Усть-Сысольск: Тип. Коми изд-ва, 1926. № 12. С. 3–12. URL: <http://elib.komisc.ru/uploads/books/Komi-mu-1926-12/50/index.html> (дата обращения: 10.02.2023).

7. Неволин А. Труд и быт лесорубов Коми области в сезон 1924–1925 года // Коми му – Зырянский край: экономический и краеведческий журнал / Областной исполнительный комитет Автономной области Коми; Общество изучения Коми края. Усть-Сысольск: Тип. Коми изд-ва, 1925. № 8. С. 1–11. URL: <http://elib.komisc.ru/uploads/books/Komi-mu-1925-9/files/assets/basic-html/index.html#48> (дата обращения: 10.02.2023).

8. Постановление Президиума облисполкома о введении премирования на лесозаготовках в области. 2 сентября 1927 г. // Лесная промышленность Коми АССР : сборник документов, 1917–1960. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 59.

9. Тювин И. Г. Попытки к изучению крестьянских записей // Коми му – Зырянский край: экономический и краеведческий журнал / Областной исполнительный комитет Автономной области Коми; Общество изучения Коми края. Усть-Сысольск: Тип. Коми изд-ва, 1927. № 6–7. С. 53–59. URL: <http://elib.komisc.ru/uploads/books/Komi-mu-1927-6-7/98/index.html> (дата обращения: 15.02.2023).

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 930/94

Межконфессиональные отношения и контакты с иностранцами в России XVII в. глазами Павла Алеппского

*П. П. Вашкевич**,
обучающийся 2-го курса
МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Аннотация. В статье проанализирован взгляд православного путешественника Павла Алеппского на отношение к иностранцам разных религий в России в середине XVII в.

Ключевые слова: Павел Алеппский, Россия XVII в., отношение к иностранцам, межконфессиональные отношения

В основе статьи лежат записки Павла Алеппского, сделанные во время путешествия антиохийского патриарха Макария III в Россию в 1654–1656 гг. для сбора милостыни [9, с. 119]. Павел – архидьякон города Алеппо, ближайший помощник и сын Макария. Автор записок владел лишь греческим и арабским языками, что значительно ограничивало его круг общения, и, как следствие, в тексте встречаются причудливые исторические ошибки, имеющие явный греческий след [8, с. 17]. Считаем, что источник довольно достоверен для записок путешественника, поскольку, во-первых, писался современником событий и их непосредственным участником и, во-вторых, несмотря на ряд неточностей, автор пытался отделить отображение действительности от своего отношения к ней [9, с. 127]. Однако не стоит забывать, что автор – носитель другой культуры, хоть и тоже православной, из чего следует, что он не вполне адекватно мог оценивать некоторые культурные явления.

Записки неоднократно становились вспомогательным источником в исследованиях таких историков, как Н. Ф. Каптерев [1], Л. А. Лебедев [4] и других. Более того, не вызывает сомнений, что Ключевский был знаком с источником и использовал его в знаменитом курсе своих лекций [2]. Однако этому источнику крайне редко посвящаются самостоятельные исследования, исключением могут служить недавние статьи Б. Н. Флори [8] и В. Г. Ченцовой [9].

Сочинение Павла Алеппского с момента приезда Павла в украинские земли пестрит известиями о межрелигиозной нетерпимости и вражде. Сириец стал

* Научный руководитель: **А. В. Носов**, канд. ист. наук, специалист по учебно-методической работе I категории, МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва.

свидетелем того, как поляки отдавали «Братьев Христа» во власть «врагов Божьих» – евреев и армян [7, с. 129], запрещали постройку православных храмов и отправление православных богослужений [7, с. 125], более того, «ляхи» (поляки) насильно окатоличивали население [7, с. 129].

Для Павла Алеппского это совершеннейшая дикость. Православный сириец, он родился и вырос под сенью исламского полумесяца, но никогда не наблюдал подобных проявлений острых этноконфессиональных противоречий. Сами турки берут с христиан т. н. «Харач» или по-другому Джизью и во внутренние дела церкви не вмешиваются, по свидетельству Алеппского [7, с. 125]. В порыве эмоций и негодования от него даже исходит довольно удивительная фраза, для человека, находящегося под иноверческим гнетом: «Да увековечит Бог царство турок во веки веков!» – настолько это был яркий контраст с сирийской действительностью. На этом Павел Алеппский не заканчивает описание польских злодеяний: «ляхи» устроили резню на Пасху [7, с. 133], в главный христианский праздник, заведомо зная, что в этот день казаки не возьмутся за оружие. Неудивительно, что при таком раскладе воинствующие казаки, вырезающие всех иноверцев на своей земле (в чем Павел видит «великое достоинство» [7, с. 142]), предстают в глазах антиохийских гостей «соучастниками Господа их Христа в страданиях» [7, с. 137].

Для Павла Алеппского ненависть казаков к полякам и евреям кажется органичной, более того, кажется, что она в общем-то ему и не чужда. Интересно, что при описании ситуации на Украине неизвестно откуда вместе с евреями появляются и армяне [7, с. 129]. Вряд ли на Украине было много армян, чего не скажешь о Сирии, где и евреев, и армян было вдоволь. Вполне возможно, что здесь к украинской действительности примешалась личная религиозная нетерпимость к еретикам и отступникам: армянам и евреям, которых он часто мог видеть у себя на родине.

По приезде непосредственно в Россию картина несколько изменяется. Здесь, конечно, никакого притеснения со стороны «проклятых ляхов» нет, но к иностранцам в целом относятся с опаской. Если религиозная нетерпимость сама была присуща Павлу, то о нетерпимости к иностранцам как таковых с его стороны мы говорить не можем. Однако с ней путешественник и сталкивается в России.

Он говорит о том, что корни такого отношения довольно глубоки: так, еще царь Михаил Федорович, отец Алексея Михайловича, мыл руки с мылом после приема турецкого посла, считая, что его руки при контакте с головой посла смогли оскверниться [7, с. 278–279]. Более того, такое отношение распространялось не только на иноверцев. Так, в опалу попали и греки, ведь им по приезде в Россию запрещалось служить в храмах, так как считалось, что они осквернились от турок [7, с. 279], ведь Константинополь уже как 200 лет завоеван осма-

нами, а главная православная святыня – Собор Святой Софии – превращена в мечеть.

При Алексее Михайловиче заметны некоторые подвижки в отношении к иностранцам, но не очень существенные. Мы видим, что религиозная нетерпимость угасает, выдвигается на первый план шпиономания, нетерпимость к иностранцам в принципе, выраженная в излишней подозрительности. Так, во время его правления мы наблюдаем следующие явления: к иностранным послам в качестве конвоя прикомандируются стрельцы, чтобы иноземцы ни с кем не контактировали из русских сановников. Более того, гулять одного без присмотра не пускали [7, с. 477]. Также еще во время дороги до Москвы к послам и иноземным сановникам приставлялись стрельцы, чтобы послы не увидели чего не следует [6, с. 37]. Из опасения иностранного заговора и того, что слух православных осквернится, царь даже запретил говорить по-турецки. Более того, у царя нет ни одного турецкого переводчика [7, с. 280].

Однако эти ограничения касались не только иноверцев. Алеппский нам сообщает, что даже иноземные православные священники не могут гулять по городу без дозволения и охраны. За нарушение этого правила одного сербского митрополита в наказание сослали «в страну мрака, где есть такие монастыри, что умереть лучше, чем жить в них» [7, с. 196]

Более того, антиохийские гости столкнулись с ограничениями на практике. Так, по приезде в Троице-Сергиеву лавру им было позволено остаться там всего одну ночь [4, с. 274], что Л. А. Лебедев связывает именно с тем, что они были иностранцами. Причем им даже не помогло личное знакомство с келарем лавры иеромонахом Арсением Сухановым, с которым они познакомились еще в Сирии до начала путешествия [3, с. 188]. Это означает, что даже личное знакомство с человеком и покровительство со стороны государя никак не избавляли человека от подозрений со стороны российских властей.

Сначала могло показаться, что антиохийские гости были скорее равнодушны к московской шпиономании, однако когда эта подозрительность стала затрагивать их самих [7, с. 268], к недоумению примешивалось и резкое неприятие восточных гостей, ведь осторожность «москвитов» стесняла их как физически (эпизод с лаврой), так и ментально, заставляя отказываться от мирских радостей.

Г. З. Пумпян приводит эпизод, когда Алексей Михайлович попросил прочитать Павла Алеппского Евангелие: в начале на греческом, а потом и на арабском. Этим эпизодом, по ее мнению, она опровергает тезисы многих исследователей о религиозной нетерпимости и ксенофобии в России [5, с. 263]. Считаем, что такой жест Алексея Михайловича, с одной стороны, был своего рода проявлением уважения к гостю и его культуре, а с другой – возможным внутренним потеплением царя по отношению к православному востоку и, как след-

ствие, к арабскому языку как части их культуры, что связано с грекофильскими настроениями патриарха и царя [1, с. 41]. Помимо этого, в пользу нашей версии говорит и то, что отношение к католикам и униатам оставалось сугубо негативное. Это подтверждает тот факт, что при принятии ими православия их крестили повторно, несмотря на то, что крещение возможно только один раз, после него человек уже становится христианином. Таким образом, «московиты» ставят католиков и униатов в один ряд с язычниками и мусульманами, то есть вообще их даже за христиан не считают. Здесь ни о какой веротерпимости не может идти речь.

Наконец, у Павла Алеппского напрямую говорится о религиозной ненависти в России: «Какая преданность Богу! Они даже не пускают чужестранца в свои церкви, думая, что он их осквернит, отнюдь не принимают и не любят людей другой религии» [7, с. 328]. Судя по всему, это в первую очередь касается католиков. Однако, если учесть, что греков тоже, бывало, в храмы не пускали, так как считалось, что они осквернились от мусульман [7, с. 279], нельзя говорить однозначно, что ненависть существовала только в отношении католиков.

Таким образом, говоря о межконфессиональных отношениях в России, нельзя не заметить удивительное сочетание религиозной нетерпимости и панической шпиономании, наблюдаемой тогда в России. Говоря об украинских землях, Павел делает особый акцент на остроте межконфессиональной розни. В России же религиозная нетерпимость, хоть и уходит на второй план, уступая место нетерпимости к иностранцам вообще (обострение которой могло быть связано с войной с Польшей), все же остается органичной частью российского общества.

1. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович : в 2 т. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. 525 с.

2. Ключевский В. О. Лекция LVI: Царь Алексей Михайлович и Ф. М. Ртищев // Курс русской истории. М., 1912. Ч. 2. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch56.htm> (дата обращения: 12.02.2024).

3. Крачковский И. Ю. Описание путешествия Макария как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в. // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Т. 6. С. 185–198.

4. Лебедев Л. А. Москва патриаршая. М., 1995. 365 с.

5. Пумпян Г. З. Московская Русь XVII в. глазами арабов по материалам «Путешествия патриарха Макария Антиохийского» // Россия и Палестина: научные и культурные связи. СПб., 2018. С. 247–265.

6. Пумпян Г. З. Россия XVII века глазами арабов // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. 2001. Вып. 9. С. 49–67.

7. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским: по рукоп. Моск. Гл. Арх. М-ва иностр. дел. / пер. с араб. Г. Муркоса. М., 2012. 728 с.

8. Флоря Б. Н. Павел Алеппский на Украине в середине XVII в. // Славянский Альманах. 2016. № 1–2. С. 11–24.

9. Ченцова В. Г. Первое путешествие антиохийского патриарха Макария III ибн-аз-За'има в Москву (1652–1659): контакты и конфликты // Вестник ПСТГУ. Сер 3: Филология. 2013. № 35. С. 116–129.

УДК 908(571)

К вопросу об источниках утверждения П. А. Словцова о бытовании в Тобольске в XVIII в. устной традиции о сепаратизме губернатора М. П. Гагарина

К. А. Мирошниченко,
обучающийся 3-го курса*

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Аннотация. В настоящей работе предпринята попытка поиска источников, на которые опирался П. А. Словцов при формулировке тезиса об устной традиции о стремлении сибирского губернатора М. П. Гагарина к отделению Сибири от России, в Тобольске в первой половине XVIII в. В наиболее актуальных исследованиях тезис Словцова приводится как объяснение происхождения идеи о сепаратизме губернатора в работе Ф. И. Страленберга, опубликованной в 1730 г. Возникает вопрос: на что опиралось мнение Словцова, и насколько оно подходит для объяснения позиции Страленберга? Для ответа на исследовательский вопрос был предпринят текстологический анализ тезиса Словцова, в результате которого удалось выяснить, что данный тезис опирался на работы Г. Ф. Миллера и Ф. И. Страленберга. Поэтому повествование Словцова не подходит для объяснения позиции Страленберга, так как изначально на ней построено.

Ключевые слова: П. А. Словцов, Ф. И. Страленберг, Г. Ф. Миллер, М. П. Гагарин, сепаратизм, Сибирь

Деятельность первого сибирского губернатора, М. П. Гагарина, пользуется заслуженным вниманием исследователей истории Сибири. Одной из наиболее актуальных проблем данной темы, является следствие, суд и казнь губернатора. Этот вопрос осложняется нарративом о сепаратистских наклонностях князя. Идею о сепаратизме Гагарина впервые высказал Ф. И. Страленберг в 1730 г. в своей работе «Северная и Восточная часть Европы и Азии» [10, с. 142].

* Научный руководитель: С. В. Туров, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, ТюмГУ, г. Тюмень.

В 1838 году тобольский историк П. А. Словцов в работе «Историческое обозрение Сибири» сформулировал тезис, согласно которому в Тобольске первой четверти XVIII в., сложилась устная традиция о сепаратизме губернатора [7, с. 406].

В наиболее актуальных работах, посвящённых деятельности князя Гагарина, включающих анализ документов о ходе следствия над губернатором, позиция Страленберга опровергается. Однако для объяснения факта происхождения подобной позиции, приводится тезис об устной традиции о сепаратизме, изложенный Словцовым [1, с. 203; 5, с. 60; 9, с. 40].

В связи с этим возникает вопрос: построено ли повествование Словцова на существовавшей в его время устной традиции о сепаратизме Гагарина, или же эта позиция базируется на более ранних работах, посвящённых истории Сибири, в том числе под авторством Страленберга?

Для ответа необходимо провести текстологический анализ позиции Словцова: рассмотреть тексты, на которые мог опираться автор при формулировке тезиса об устной традиции о сепаратизме. Это позволит выяснить насколько мнение Словцова самостоятельное, а, главное, независимо от мнения Страленберга.

Первый автор сюжета о сепаратизме М. П. Гагарина Филипп Иоганн Табберт (после получения дворянства Страленберг) – офицер шведской армии, немецкого происхождения, попавший в плен под Полтавой в 1709 г. С 1711 г. пребывал в Тобольске [4, с. 27], где развернул активную исследовательскую деятельность, что позволило ему в 1713 г. создать первый экземпляр карты Сибири, сгоревшую в 1715 г. во время пожара в Тобольске [2, с. 79]. После этого он предпринимает попытку создания новой карты в двух экземплярах, один из которых был изъят сибирским губернатором М. П. Гагариным [2 с. 79]. Этот эпизод мог обусловить негативное отношение Табберта к Гагарину, которое нашло отражение в труде каролина (швед. *Karoliner* – воин Карла. Используется для обозначения шведских солдат и офицеров периода правления королей Карла XI и Карла XII) [5, с. 60; 11, с. 192].

В 1722 г. Филипп Иоганн прибыл в Швецию, где занялся обработкой накопленных в России материалов, благодаря чему, в 1730 г. он смог опубликовать труд «Северная и восточная часть Европы и Азии» [2, с. 76].

Шестая глава этой книги была посвящена правлению Петра I. Здесь и был изложен нарратив о сепаратизме Гагарина. Страленберг включил его в ряд повествований об изменах гетмана Мазепы и царевича Алексея [10, с. 42].

В пользу своей позиции Филипп Иоганн изложил пространственный сюжет, исходя из которого, первый сибирский губернатор М. П. Гагарин «намерен он был сию губернию учинить особливим царством» [10, с. 142]. По мнению ав-

тора, для достижения этой цели Гагарин располагал к себе местное население, проявляя показную набожность, оказывая помощь крестьянам [10, с. 143] и шведским военнопленным [10, с. 144].

Также Страленберг утверждал, что Гагарин, для этой же цели, из одного драгунского полка создал два, сославшись на царский указ, кроме того, он мог поставить пехотное войско под командование шведских военнопленных. Кроме того, по мнению Филиппа Иоганна, в Сибири ощущалась нехватка ружей и пороху, и чтобы их получить Гагарин сделал следующее: «Послал он некоторых людей в Бухарию (где несколько рек имеется, в которых малое число песчаного золота находится) и велел он того песчаного золота сколько возможно закупать. Собрав же его побольше фунтов 15, поехал с оным в Санктпетербург, где донес о том государю с представлением, что оное песчаное золото можно ближе доставать. Притом же доносил, хотя к тому месту приттить не неспособно, однак от калмык в том иногда будет не без сопротивления. И для того требовал от его величества ружья и амуниции тысяч на десять человек. К тому ж несколько оружейных и пороховых мастеров, прочее же обнадежил сыскать все в Сибири» [10, с. 145].

Спустя долгое время, любопытный сюжет возник в работе П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». Автор этого повествования – уроженец Тобольской губернии, воспитанник Тобольской и Александро-Невской духовных семинарий, в которых позже преподавал (в Тобольской семинарии в 1792–1794 гг. преподавал философию и риторику; в Александро-Невской семинарии 1788–1792 гг., 1795–1797 гг. преподавал риторику). В 1794 г. был сослан в Валаамский монастырь за проповеди в духе идей Просвещения. В период 1797–1823 гг. находился на государственной службе. После отставки в 1823 г. занимался составлением обобщённого описания сибирской истории «Историческое обозрение Сибири» где рассматривал историю данного региона начиная от похода Ермака, заканчивая эпохой Екатерины II [7, с. 447–448].

В разделе «Руководства для составления обозрения» перечислены источники, на которые опирался автор. Среди них указаны такие историографические источники, как работа Герарда Фридриха Миллера. Работа Страленберга здесь отсутствует [7, с. X–XIII].

В главе «О умножении государственного богатства» посвященной экспедиции в Еркент, Словцов и предложил тезис об устной традиции о сепаратизме губернатора Гагарина [7, с. 406]. Нельзя не отметить, что данный автор был гораздо более лоялен к первому сибирскому губернатору, чем Страленберг. О нём он писал «Угодливость Царю Русскому, всегда текущая из сердца преданного,

но не всегда соображённая в голове, была в настоящем деле важною но непроступною ошибкою кн. Гагарина» [7, с. 399].

Повествование об устной традиции о сепаратизме Гагарина, Словцов изложил так: «Тогда развязались в Сибири языки у злословия, у злобы, неблагодарности, и едва ли у людей честных. Иной утверждал, что песочное золото была ложь, другой – что Гагарин злоумышлял отделиться от России, потому, верно, что им водворены в Тобольске вызванные оружейники, и началось делание пороха, третий говорил о растрате государевой казны на веселости, и всякий по своему топтал длинную тень человека, далеко сидевшего при закате солнечном» [7, с. 406].

При составлении этой главы, Словцов во многом руководствовался сочинением Г. Ф. Миллера «Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская» [7, с. 399]. Здесь Г. Ф. Миллер приводил утверждение Страленберга о сепаратизме: «Приписывали князю злоумышленные намерения, которые он будто хотел произвести в действо, если б к нему присланы были в Сибирь разные военные потребности и люди, в деле оружия и пороху искусные. О сем можно читать в книге господина Страленберга, называемой «Северная и Восточная часть Европы и Азии», на странице 253, или во французском переводе сей книги: «Description historique de l'Empire Russien», том I, стран. 194 и следующие» [3, с. 474]. Однако данную позицию сам Миллер не разделял [3, с. 474].

Примечательно, что повествование о «злоумышлениях» Миллер берёт именно из работы Страленберга, хотя имел опыт общения со свидетелями экспедиции в Еркент [3, с. 473]. Важно также обратить внимание на то, что автор не указывал конкретно на сепаратизм Гагарина, он писал о «злоумышленных намерениях», никак это понятие не конкретизируя.

Видимо, при формулировке тезиса об устной традиции о сепаратизме, Словцов вдохновлялся сочинением Миллера. Однако Словцов на сепаратизм указывал прямо. При этом он нигде не указывал на то, что в его время такая устная традиция имела место, он лишь писал «История песочного золота, обезображенная в Сибири молвою времени» [7, с. 399]. Непонятно о каком именно времени идёт речь, исходя из дальнейшего повествования можно предположить, что имеется в виду первая половина XVIII в.

Вероятнее всего, после ознакомления с сочинением Миллера, Словцов, заинтересовавшись повествованием о сепаратизме, решил ознакомиться с трудом Страленберга, где и смог конкретизировать миллеровское «злоумышленные намерения» в страленберговское «намерен он был сию губернию учинить особ-

ливым царством», тем более что, в России хранился оригинал сочинения Страленберга [6, с. 229], а также переводы сделанные В. Н. Татищевым [6, с. 238] Г. Ф. Миллером [6, с. 239]. Мнение о существовании устной традиции о губернаторском сепаратизме, в Тобольске первой четверти XVIII в., видимо принадлежит самому Словцову.

Таким образом, можно сказать, что П. А. Словцов привёл в своём труде сюжет об устной традиции о сепаратизме первого сибирского губернатора М. П. Гагарина, вдохновляясь сочинениями Г. Ф. Миллера и Ф. И. Страленберга. В связи с этим, вряд ли можно считать, что Пётр Андреевич вдохновлялся существовавшей в его время устной традицией, а значит его позиция не подходит для объяснения причин появления у Ф. И. Страленберга идеи о сепаратизме М. П. Гагарина.

1. Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. 223 с.
2. Бондарь Л. Д., Бородаев Л. Б., Вальравенс Х., Зорин А. В., Лефельд В. Ф. И. Страленберг и его карта Великой Тартарии (Два письма Ф. И. Страленберга к И. Ф. Брейне 1723 и 1724 гг.) // Кунсткамера. № 1(15). СПб., 2022. С. 72–98.
3. Миллер Г. Ф. История Сибири в 3 т. Т. III. М., 2005. 583 с.
4. Новлянская М. Г. Ф. И. Страленберг: Его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1966. 95 с.
5. Пархимович С. Г., Туров С. В. Выдающиеся губернаторы Тобольские и Сибирские Тюмень. 2000. 486 с.
6. Савельева Е. А. Русские переводы книги Ф.-И. Страленберга в первой половине XVIII в. // Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии : в 2 вып. Вып. 2. М.; Л., 1986. С. 221–240.
7. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири : в 2 ч. Ч. 1. М., 1838. 618 с.
8. Соколовский И. Р. Словцов Пётр Андреевич // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. С. 447–448.
9. Бакулина Т. И., Гриценко Н. В., Ермаков И. И., Конев А. Ю., Коновалов В. В., Переплеткин Ю. И., Скипина И. В., Туров С. В. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень. 2000. 576 с.
10. Страленберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и восточная часть Европы и Азии / сост. Е. А. Савельева, Ю. Н. Беспярых, В. Е. Возгрин : в 2 вып. Вып. 1. М.; Л., 1985. 225 с.
11. Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. М., 2005. 209 с.

Долговая система Российской империи во второй половине XIX века

Р. В. Балинский*,

обучающийся 3-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В рамках статьи сделана попытка осветить вопросы социально-экономического положения российского дворянства второй половины XIX в., в частности проанализировать особенности дворянской долговой системы, а также попытки решить вопрос с растущим количеством долгов и кредитов высшего сословия и преодолеть сложившуюся ситуацию.*

***Ключевые слова:** дворянство, кредитная система, социально-экономическое положение, государство, бедность, Российская империя*

Дворянство представляло собой высшее сословие Российской империи. Еще Петром Великим дворяне воспринимались как опора и поддержка российского государства. Однако, несмотря на многочисленные преференции, привилегии, именно дворяне славились многочисленными долговыми обязательствами, жизнью на «широкую ногу», стремлением получить как можно больше при минимальных усилиях и вложениях. Долговая система, в рамках которой существовало значительное количество дворян, начала складываться еще в XVII в. [2]. XVIII и XIX века не стали исключением. На протяжении значительного периода времени правители России пытались помочь решить проблему долгов дворян. Наибольший интерес представляют попытки исправить столь плачевное положение дворянства в пореформенной России второй половины XIX в. [1].

Изучение специфики долговой системы дворянства необходимо предварить общей характеристикой их социально-экономического положения. Для этого целесообразно обратиться к некоторым статистическим данным.

Согласно сведениям от 1858 г., население Российской империи составляло 72,809 млн чел., 96 % которого были крестьяне. Господствующее сословие – дворянство – насчитывало 888,8 тыс. человек без учета финских и польских земель. Необходимо сделать следующее уточнение: численность представителей личного и потомственного дворянства на протяжении всего рассматриваемого

**Научный руководитель: А. А. Кутузова, канд. ист. наук, научный сотрудник сектора отечественной истории, КНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар; старший преподаватель кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.*

периода возрастала примерно в одинаковой степени, поэтому можно говорить, что их соотношение на протяжении XIX в. почти не изменилось [3; 8].

В приведенных ниже таблицах представлены общие данные по численности, числу крепостных крестьян, наличию и размеру земельной собственности [7].

Таблица 1

**Стратификация дворянства Европейской России без Польши и Финляндии
(по данным за 1858 г.)**

Страта помещиков	Численность		площадь земли, тыс. га	средний размер имения, га
	тысяч	%		
Низшая страта	614.3	69.1%	2.3	56
Средняя страта	164.5	18.5	12.9	369
Высшая страта	110	12.4	60.5	2521

Таблица 2

**Стратификация помещиков по числу принадлежавших им крепостных
в Европейской России без Польши и Финляндии (в %)**

Помещики с числом крепостных	Число дворян		Число крепостных	
	тысяч	%	тысяч	%
Личные	276,8	31,1	-	-
Потомственные	612,0	68,9	-	-
Без земли и крепостных	33,9	3,8	-	-
С землей, без крепостных	96,6	10,9	-	-
Без земли, с крепостными, до 4	16,8	1,9	12,0	0,1
С землей и крепостными, до 20	190,2	21,4	327,5	3,1
С землей и крепостными, 21–100	164,5	18,5	1666,1	15,8
С землей и крепостными, 101–500	92,4	10,4	3925,1	37,2
С землей и крепостными, 501–1000	11,2	1,3	1569,9	14,9
С землей и крепостными, 1000+	6,4	0,7	3050,6	28,9
Итого	888,8	100,0	10 551,2	100,0

Представленные статистические данные позволяют говорить о неравномерном распределении дворян по стратам, в частности малочисленности высшей и средней страт. Представители обедневших слоев дворянского сословия находились на грани бедственного положения. Важно обратить внимание на тот факт, что до отмены крепостного права в 1861 г. базовым показателем благосостояния дворян выступало общее число крепостных крестьян. Данный показатель учитывался в том числе и при получении банковской ссуды.

Н. А. Рубакин приводит интересную точку зрения на проблемы долгов дворянского сословия в дореформенной и пореформенной России. Мнение, согласно которому дворянство попало в долговую зависимость посредством

освобождения крепостных крестьян, не представляется исследователю в достаточной степени обоснованным. В рамках своего исследования Н. А. Рубакин отмечает, что «огромная задолженность помещиков — явление дореформенное» [6].

Таблица 3

Количество дворянских поместий и их характеристики

<i>Общее число поместий по состоянию на 1 января 1859 г.</i>	<i>Общее кол-во заложенных поместий</i>	<i>Долг, который был наложен на поместья (в руб.)</i>
111 693	44 166	425.503.061

Весьма показательными представляются данные по количеству заложенных крепостных крестьян.

Таблица 4

Численность заложенных крепостных крестьян (по годам) в государственном банке и сохранных казнах

<i>1843 г.</i>	<i>1852 г.</i>	<i>1856 г.</i>	<i>1859 г.</i>
5 575 515 чел.	5 843 735 чел.	6 028 794 чел.	7 107 184 чел.

Выкупные платежи, в значительном объеме поступавшие в распоряжение дворянского сословия, не решали долговой проблемы. Задолженность дворян не только не уменьшилась, но даже увеличилась.

К началу 1880-х гг., ко времени учреждения Дворянского поземельного банка, на частном землевладении лежало 484,2 млн руб. долга, причем без учета Прибалтийской губернии и Польши.

В общей сложности средний годовой прирост долгов дворян составлял около 27 млн руб. Согласно статистическим данным, к началу 1892 г. одним Дворянским банком выдано было уже 310,6 млн руб., акционерными банками – 305,9 млн руб. К 1 июля 1904 г. данные показатели увеличились вдвое: Дворянский банк выдал 716 млн руб., акционерные земельные банки, в свою очередь, – 574 млн руб.

В пореформенное время финансовое положение дворянства, как было отмечено ранее, в значительной степени ухудшилось. Особо следует остановиться на утрате дворянством налоговых привилегий. До середины XIX в. оно обладало фактически налоговым иммунитетом. В дальнейшем ситуация в значительной степени изменилась [9].

Налоговое бремя сословий во второй половине XIX в.

	Объем налоговых выплат (в %)	
	1859 г.	1887 г.
Высшие сословия	18 %	41 %
Низшие сословия	82 %	59 %

Таким образом, к началу XX в. дворяне утратили юридически почти все свои сословные права, их престиж уже не имел юридического базиса, а основывался главным образом на традиции и покровительстве монарха и его правительства. Постоянное использование долговой и кредитной системы приводило к ухудшению социально-экономического и финансового положения высшего сословия Российской империи.

1. Бегичев Д. Н. Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни. М.: Университ. типогр., 1851. Вып. 1–2. URL: https://viewer.rusneb.ru/000199_000009_004829176?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.02.2024).

2. Ключевский В. О. История сословий в России: курс, читанный в Московском университете в 1886 году. Петроград: Литературно-издательский отдел Комиссариата народного просвещения, 1918. URL: <https://djvu.online/file/mn3WyT4leGrE7> (дата обращения: 15.01.2024).

3. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. URL: <http://www.imperskiy-fund.com/files/-1.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).

4. Национализация земли. Крестьянский банк и выкупная операция. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. URL: https://viewer.rusneb.ru/000199_000009_003727332?page=2&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.01.2024).

5. Россия под надзором: Отчеты III отделения. 1827–1869 / сост.: М. Е. Сидорова, Е. И. Щербакова. М., 2006. URL: М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. Предисловие. Россия под надзором: отчеты III отделения. 1827–1869. История России. Библиотека. (statehistory.ru) (дата обращения: 29.01.2024).

6. Рубакин Н. А. Россия в цифрах. URL: <https://istmat.org/node/24445> (дата обращения: 28.01.2024).

7. Статистические таблицы Российской империи / сост. и изд. по распоряжению Министра внутрен. дел Стат. отд. Центр. стат. ком. СПб.: Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1858–1863. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год / ред. А. Бушена; предисл. А. Тройницкий. 1863. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/9034> (дата обращения: 08.02.2024).

8. Статистический временник Российской империи. 1886. Сер. 3. Вып. 10; Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897 URL: viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12050613?page=1 (дата обращения: 01.02.2024).

9. Яснопольский Н. П. О географическом распределении государственных доходов и расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования. СПб., 1890. Ч. 1. С. 27–31. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book53244/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 08.02.2024).

УДК 94(47)

Дипломатическое сотрудничество России и Франции при Александре III

И. С. Ливсон*,
обучающийся 1-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Дипломатия занимает важное место в выстраивании международных отношений. В статье рассматриваются предпосылки и основные события дипломатического сотрудничества России и Франции в период правления Александра III.*

***Ключевые слова:** Россия, Франция, Александр III, внешняя политика, франко-русский союз, дипломатия*

Еще при жизни за умение отстаивать интересы российской государственности мирным путем Александр III получил у современников прозвище «Миротворец». Мнения отечественных ученых о внешнеполитической деятельности императора разнятся. Так, например, по мнению Василия Осиповича Ключевского, грамотная политика Александра III стабилизировала враждебные выступления государств против друг друга и предотвратила внутреннюю войну в Европе в XIX в., а Павел Иванович Ковалевский оценивал политику императора в первую очередь как принцип главенства национального суверенитета России, избегающий вмешательства во внутриевропейские дела. Однако нельзя отрицать факт, что агрессивный курс развития Германской империи и деятельность Тройственного союза, ставившие Россию в уязвленное положение, представляли угрозу не только Европе и не позволяли Александру III придерживаться пассивной внешней политики. Такая расстановка сил на международной

*Научный руководитель: **Р. В. Деревесников**, старший преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар; учитель истории и обществознания, СОШ № 3, г. Сыктывкар.

арене подтолкнула Россию к поиску союзников, одним из которых стала Франция.

Дипломатическое сотрудничество между Россией и Францией в период правления Александра III характеризуется сближением двух держав и заключением союзнических отношений в первую очередь в военной и экономической сферах. Фактически государства, имеющие противоположные тенденции развития политического аппарата, были вынуждены объединиться против усиливающейся Германской империи, имеющей союзников в лице Австро-Венгрии и Италии.

В научно-исторической литературе, как правило, обращается внимание на несколько факторов, способствовавших франко-русскому сближению в правление Александра III.

В первую очередь выделяют оппозиционные взгляды императора относительно политики своего отца Александра II, в правление которого наблюдается заметное охлаждение русско-французских отношений и сближение с Пруссией. Военный историк Антон Антонович Керсновский характеризует его как «период, являющийся расцветом тесной русско-прусской дружбы, далеко выходящей за рамки простого дипломатического союза» [1, с. 172]. Жена Александра III, датская принцесса Мария Федоровна, в силу своего происхождения также была подвержена антигерманским настроениям, что, в свою очередь, влияло на императора при выборе союзника и склоняло его в сторону Франции.

Вторым фактором сближения было установление тесных экономических связей между Россией и Францией. В монографии, посвященной сложению русско-французского союза, Альберт Захарович Манфред указывает на изменение финансовых приоритетов французских банкиров, занимавших изначально проанглийские и антирусские позиции. В 1880-е гг. они начинают активно участвовать в промышленных предприятиях, прежде всего, Юга России, а затем – в политике кредитования в виде предоставления российскому правительству внешних займов. Для части французских историографов эти аспекты сыграли ключевую роль в утверждении о финансовой зависимости России от Франции как главной причине франко-русского союза. Однако сам Манфред отрицал их первостепенное значение [3, с. 284–289].

Третий фактор обуславливался совпадением национальных интересов России и Франции в противостоянии усиливающейся Германии. Для России того времени первоочередно стоял вопрос баланса сил в Европе, а для Франции – вопрос национального выживания в период регулярных политических кризисов франко-германских отношений.

Русско-французский союз складывался медленно и имел перед собой ряд взаимных дипломатических шагов, прежде всего инициировавшихся со сторо-

ны Франции, которая после поражения во франко-прусской войне находилась в состоянии политической изоляции. После получения Россией отказа германского правительства о возобновлении договора «о перестраховке», Франция стала более активно проявлять желание о сотрудничестве. В июле 1891 г. с официальным визитом военная французская эскадра прибыла в Кронштадт. Это событие было широко освещено европейскими издательствами и получило неоднозначную оценку: Александр III лично встретил эскадру и прослушал французский революционный гимн «Марсельезу», карающийся в России тюремным заключением. Немецкий посланник Бюлов оценил кронштадтское мероприятие как «очень важный фактор, который тяжело падает на чашу весов против обновленного Тройственного союза» [4].

Вслед за визитом эскадры в августе 1891 г. путем обмена письмами посредством российского посла в Париже Моренгейма между министрами иностранных дел России Николаем Карловичем Гирсом и Франции Александром Рибо было заключено соглашение о взаимопомощи, получившее впоследствии название «Консультативного пакта». По нему стороны высказывали намерение жить в «сердечном согласии», обязывались «совещаться между собой по вопросам, угрожающим всему миру» и в случае нападения на одну из них договариваться о совместных мерах [5; 6]

Через год, в августе 1892 г., в Петербурге начальниками Генеральных штабов обеих стран Николаем Николаевичем Обручевым и Рауль-Франсуа Буадефром соглашение было дополнено секретной военной конвенцией, фактически подтверждающей союз Франции и России. Ключевым положением конвенции стало «немедленное и одновременное» приведение в активное состояние военных сил двух держав при мобилизации войск Тройственного союза. Соглашение фиксировало военные обязательства стран – по нему французская армия должна была насчитывать 1 млн 300 тыс. человек, а российская от 700 до 800 тыс. В письмах министров отмечались обязательства сохранять союз в течение срока действия Тройственного союза, а также держать договоренности в строжайшем секрете [7]. Конвенция вступала в силу после ее ратификации императором России Александром III и президентом Франции Мари Франсуа Сади Карно.

Подготовить и представить текст конвенции полагалось министрам иностранных дел. Однако Николай Гирс, известный своими прогерманскими взглядами, затягивал выполнение обязанностей, стремясь к улучшению российско-германских отношений. В это время во Франции началась «министерская чехарда», связанная с подкупом должностных лиц в деле компании, созданной для строительства Панамского канала, которая также затягивала осуществление конечной цели. Ратификация конвенции находилась в подвешенном состоянии до весны 1893 г., когда Германия начала таможенную войну против России, а

незадолго до нее Генеральный штаб Франции передал информацию о подписании немцами нового военного закона, по которому численность армии возрастала с 2 млн 800 тыс. до 4 млн 300 тыс. Ответным шагом Александра III на действия германского правительства стал демонстративный визит 13 октября 1893 г. российской военной эскадры в ключевую средиземноморскую базу французского флота – город Тулон. Это событие стало национальным торжеством республики, сопровождающееся памятными монетами, карнавалами и вручением подарков. Столь дружественный прием укрепил намерения Александра III в союзе с республикой, после чего Николай Гирс получил приказ от императора об ускорении выполнения своих обязанностей. Конвенция была одобрена императором 14 декабря 1893 г., а после дипломатического обмена письмами между Парижем и Санкт-Петербургом 23 декабря официально вступила в силу, оформив франко-русский союз [4].

Главной вехой дипломатического сотрудничества России и Франции при Александре III стало образование мощного блока, изначально носившего оборонительный характер, но уже в XX в. выступившего основой для противобесной Тройственному союзу силы. Таким образом, можно утверждать, что русско-французское направление внешней политики этого периода было результативным и усилило положение России на международной арене.

1. Горлов М. И. Оценка внешнеполитического курса Александра III в Отечественной дореволюционной историографии // Альманах Казачество. 2022. № 64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenki-vneshnepoliticheskogo-kursa-aleksandra-iii-v-otechestvennoy-dorevolyuatsionnoy-istoriografii/viewer> (дата обращения: 13.01.2024).

2. Керсновский А. А. История русской армии. М.: Голос, 1992. Т. 2. 375 с.

3. Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. 230 с.

4. Троицкий Н. И. Внешняя политика 1879–1894 гг.: Русско-французский союз. М.: Высшая школа, 1997. 431 с.

5. Письмо министра иностранных дел России Гирса послу России в Париже Моренгейму // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. С. 278–279.

6. Письмо французского министра иностранных дел Рибо послу России в Париже Моренгейму // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. С. 277–278.

7. Проект военной конвенции от 5/17 августа 1892 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. С. 281–282.

Политическое насилие в октябре 1918 г. по материалам книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир»

Г. О. Ковалев,
обучающийся 2-го курса
МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва

***Аннотация.** В основе статьи лежит вопрос политического насилия в революционном процессе. Сперва рассматривается процесс формирования дискурса насилия, а также его проявления. Дается оценка происходившего в дни Октябрьского восстания с целью обозначить основные поведенческие паттерны и их изменения в указанный период. В итоге рассматривается постепенный процесс преобразования дискурсивного насилия и его перехода в физическое воплощение в октябре 1917 г.*

***Ключевые слова:** Джон Рид, политическое насилие, общественный дискурс, вооружённое восстание*

Революционные события 1917 г., бесспорно, получили одно из наиболее широких освещений в отечественной и даже мировой историографии современности. Пройдя множество этапов, преодолев «партийные» дискурсы обеих сторон, отринув государственную советскую догму, исследователи однозначно достигли нового уровня постановки проблемы. В честь недавнего столетнего юбилея вышло множество работ, которые только поспособствовали аккумуляции исторического знания по теме. Большое внимание в современной историографии привлекает концепция «Великой российской революции 1917–1922 гг.», активно разрабатываемая А. В. Шубиным [11, с. 14–16]. Однако надо отметить, что ни старые школы, ни нынешняя историография обычно не ставили вопрос насилия в революционном процессе в качестве основного объекта исследования [1, с. 3–4], что создало ситуацию, когда столь важный нюанс рассматривался вскользь и без углубления в детали, вследствие чего историографическая позиция по данному вопросу зачастую представляет отрицание советского официоза, ярким примером чего можно считать статью И. К. Пантина [8, с. 147–148].

Целью данного исследования является выявление характера насилия в период октября 1917 г. и определение тенденций его изменения. В качестве основного источника была выбрана работа американского журналиста Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир». Надо понимать, что сама специфика эгоисточника подразумевает персональную оптику видения событий, в данном случае – видение левого журналиста, уже имевшего опыт работы в революционной Мексике [14, с. 32–35] и активно выступавшего с антивоенных позиций

на протяжении нескольких лет [14, с. 35]. Тем не менее, Джон Рид пытался сохранять объективность, добавляя к повествованию тексты документов и объявлений, дословно цитируя выступления и воспроизводя топонимику, и хотя ему, безусловно, не удалось избавиться от видимых личных предпочтений, в частности, проявляющихся в описаниях людей, его книга однозначно заслуживает рассмотрения [6, с. 188–192]. Даже Джордж Кеннан, бывший одним из идеологов доктрины Трумана, признавал рассматриваемый труд источником, не имевшим аналогов [13, с. 68–69]. В конце концов, Рид являлся уникальным человеком, имевшим доступ и в Смольный, и в городскую думу, и в Совет республики, что делает его свидетельства ещё более ценными.

Политическое насилие в октябре 1917 г. является прямым следствием всего происшедшего после «Февраля». Многопартийная парламентская система привела к демократизации общественной жизни, однако сама была неустойчива, поскольку не имела институциональной традиции и, по мнению В. П. Булдакова, представляла отход от авторитарного и патерналистского дискурса вследствие кризиса власти [3, с. 174]. Политика Временного правительства, конечно, включала насилие [2, с. 26], однако основной его силой была поддержка политической активности народных масс [10, с. 7]. В течение года роль насилия как инструмента власти постепенно возрастала, но само государство всё более теряло монополию на насилие; параллельно увеличивалась роль идеологической работы и пропаганды [4, с. 17]. Представлявшие уличную силу массы дали власть Временному правительству, низвергли Милюкова, вызвав первый правительственный кризис, и даже восстали в июле [2, с. 28–29]. При подобных тенденциях Петроград к октябрю уже должен был погрязнуть в насилии, особенно учитывая, что само противоречие идей радикальных групп подразумевало взаимоуничтожение оппонентов [7, с. 164–165].

Однако при обращении к источнику в столице этого периода прямым насилием однозначно можно назвать только самосуд над вором [2, с. 56] и сообщения о многочисленных грабежах и убийствах [2, с. 60]. Политические же баталии до сих пор в основном имели форму дискурса. В некоторых регионах власти громили большевистские организации [2, с. 57–58], но в центре правительство не было на такое способно. Власть угрожала подавить любое неповиновение [2, с. 67], но даже не закрывала большевистскую печать, открыто заявлявшую о необходимости вооружённого восстания. Кадеты, «буржуазная пресса», а также некоторые умеренные социалисты с радостью декларировали лечение большевизма пулями [2, с. 67], но не шли на прямую конфронтацию. Все общественные и политические организации выпускали обращения и резолюции против «врагов революции», но не предпринимали контрдействий в случае возни-

кающей активности, что можно заметить на примере бескровного захвата Кронверкского арсенала [2, с. 66].

Грядущее восстание было главной темой, обсуждавшейся и в обществе [2, с. 51, 64], и в правительстве [9, с. 243]. Ленин открыто в прессе дебатировал со своими однопартийцами о необходимости активных действий [2, с. 54], а Керенский, некогда бывший главным символом революции в России [5, с. 463], пытался заручиться поддержкой боевых частей за счёт отмены смертной казни на фронте [2, с. 54]. Общественные настроения были накалены до предела в условиях, когда сохранялись категории населения, предпочитавшие революции возвращение царя или приход немцев [2, с. 34–35]. При этом многие обыватели старались вовсе не замечать революции даже в этой атмосфере страха и насилия: представители высших сословий вели прежнюю жизнь [2, с. 35], работал кинематограф, были открыты все театры [2, с. 86], трамваи ходили в обычном режиме, и даже не была нарушена телефонная связь [2, с. 166]. В то же время общественный дискурс разрывался лево- и праворадикальной печатью [2, с. 59, 81], которые удивительным образом слились в критике власти [5, с. 461]. Даже газеты лояльных к Временному правительству эсеров и меньшевиков выступали с антибуржуазных позиций [4, с. 20], что ещё более обостряло ситуацию и делегитимизировало и так непопулярную власть.

В итоге, когда восстание началось, сложилось странное сочетание: озлобленные массы, стремившиеся устроить самосуд [2, с. 100, 177], который действительно омрачил картину революции [12, с. 280–281], зачастую не реализовывали свои насильственные стремления, подчиняясь то «революционной дисциплине», то духу демократизма и гуманистическим ценностям. Люди, привыкшие к существованию в атмосфере символического насилия в его дискурсивной форме, не могли сразу перейти к прямому применению силы. Именно поэтому мы можем найти свидетельства о бессмысленно шатавшихся и не знавших, что делать, юнкерах [2, с. 85], революционных солдатах, окруженных бранящейся толпой и не имевших возможности ей ответить [2, с. 86, 159–160], неудачной попытке бойца отобрать газеты у мальчишки-разносчика [2, с. 135], самовольном аресте офицеров Генерального штаба, их освобождении по приказу Смольного и последующей попытке повторного ареста [2, с. 147–148]. Особо примечателен в этом плане штурм Зимнего дворца: перестрелка, приведшая к 10 погибшим [2, с. 98], шла по мере приближения большевистских частей ко дворцу, после чего юнкера, отразившие несколько волн наступавших, отошли с первоначальных позиций и начали обезоруживать красногвардейцев, забиравшихся на верхние этажи, покуда тех не стало достаточно, чтобы отобрать оружие уже у защитников [2, с. 148]. Финальным аккордом стал отпуск юнкеров

«под честное слово», что те более не поднимут оружия против советской власти [2, с. 99]. Обе стороны конфликта продолжали действовать в старой поведенческой парадигме: подобно юнкерам, большевики отпустили девушек из женского батальона [2, с. 102], известного правого деятеля Пуришкевича [2, с. 321], членов Совета республики [2, с. 82] и даже министров Временного правительства [2, с. 86, 224]; также они, уже начавшие вооружённую борьбу, повторно декларировали незаконность противостоящих им органов [2, с. 171] и объявляли в воззвании Военно-революционного комитета намерение действовать словом и убеждением [2, с. 290], в то время как их противники вместо противодействия вооружённому восстанию демонстративно отказывались от сотрудничества на съезде Советов [2, с. 93]. При этом те же большевики не пытались реализовать на практике все объявляемые запреты: так, печатные органы, выступавшие против произошедшего, не закрывались раз и навсегда, а просто выходили на следующий день под новым названием [2, с. 135]. То есть обе стороны явно продолжали привычную дискурсивную борьбу, прикладывая к ней чуть ли не больше усилий, чем к физическому противостоянию на улицах.

Точкой невозврата, переменившей общие настроения, стало выступление юнкеров и бои, завязавшиеся на Пулковских высотах. Если Гатчина и была сдана без кровопролития [2, с. 133], а серьёзное столкновение в Царском селе началось только после ультиматума Керенского «нейтральным» частям [2, с. 165], то финальный бой обернулся небольшой войсковой операцией, в ходе которой подразделения Краснова и Керенского были отброшены, что обеспечило безопасность революционной столицы. Потери, понесенные красными частями в этих боях [9, с. 328], вместе с пятью сотнями погребённых на Красной площади в Москве [2, с. 212] легли в основу зарождавшегося ожесточения победителей. Учитывая, что свидетельства о событиях в регионах носят куда более острый характер на протяжении всего повествования [2, с. 134, 153–154, 171–172, 175, 185–186, 203], можно говорить об увеличении степени физического насилия в пределах всего государства.

Таким образом, следует считать правильной точку зрения, согласно которой общественный дискурс, только в печати представленный невообразимыми тиражами [2, с. 348], был основным проводником насилия, вплоть до Октябрьского восстания. Нараставшие голодные бунты [11, с. 22] и регулярные акты сожжения помещичьих усадеб [2, с. 26, 44], предвзвешивавшие будущий хаос, не отражали поведенческих паттернов наиболее активных слоев населения. Конечное обострение вызвало кризис общественного поведения, так как многие акторы не могли быстро перестроиться в плоскость прямого физического насилия. В связи с этим первые дни Октябрьской революции, сопровождавшиеся мо-

ральным подъемом масс и всеобщим рвением, прошли относительно мирно, создав множество порой неясных эксцессов, однако де-факто стали только переходным этапом перед последовавшим ожесточением, перешедшим в кровопролитную Гражданскую войну.

1. Будник Г. А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России // Вестник ИГЭУ. 2008. № 1. С. 1–5.
2. Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир / пер. с англ. А. И. Ромм. М.: Госполитиздат, 1958. 352 с.
3. Иллерицкая Н. В. Великая российская революция 1917 г. в трудах современных историков (историографический обзор) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 4–2. С. 169–176.
4. Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.
5. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 520 с.
6. Мирасова К. Н. Октябрьская революция в России глазами американских писателей (на примере произведений Дж. Рида и А. Рэнд) // Вестник ТГГПУ. 2018. № 3. С. 187–193.
7. Оганисян Ю. С. Октябрьская революция и террор. Исторический очерк с выходом на современность // История и современность. 2017. № 2. С. 162–190.
8. Пантин И. К. Революция и насилие (в защиту исторического подхода к оценке Октябрьской революции) // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 140–155.
9. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде : пер. с англ. / общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989. 416 с.
10. Розенберг У. Формирование новой российской государственности // Отечественная история. 1994. № 1. С. 3–16.
11. Шубин А. В. Великая Российская революция. 10 вопросов. М.: ЭНОЖ «История», 2017. 46 с.
12. Hasegawa T. Crime and Police under the Soviet Regime, October 1917 – March 1918 // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. 2015. С. 272–300.
13. Kennan J.F. Russia Leaves the War // Soviet-American Relations, 1917–1920. Princeton, 1989. Vol. 1. Pp. 68–69.
14. Whisenhunt William Benton. John Reed and the Russian Revolution // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 30–43.

Идеи конфедерализации в образовании СССР: возможности и ограничения модели Х. Г. Раковского

*Д. Д. Тумбусов**,
обучающийся 4-го курса
Государственный гуманитарно-технологический университет,
г. Орехово-Зуево

Аннотация. Статья посвящена проблеме образования Советского Союза по плану конфедерации, в частности спорам между различными частями партийной верхушки, которые выступали «за» и «против» данного плана.

Ключевые слова: В. И. Ленин, образование СССР, конфедерация, Конституция СССР 1924 г., сепаратизм, И. В. Сталин, внутривластная борьба, Х. Г. Раковский

На 2024 год приходится памятная дата одного из важнейших событий новейшей истории России – столетия со дня принятия первой Конституции СССР, принятие которой предварял долгий спор о том, по какому плану должно создано новое государство. В свете этого актуально вновь обратиться к вопросу образования СССР и уделить время не анализу взглядов отечественных и зарубежных историков по данной теме [3, с. 87; 4, с. 22] и переосмыслению проектов образования СССР [6, с. 27], но и менее исследованным темам. Современные исследователи чаще всего говорят либо о проекте автономизации, который был разработан И. В. Сталиным, либо о проекте федерализации, предложенном В. И. Лениным, либо производится сравнение данных проектов. При этом почти не уделяется внимания альтернативному варианту образования государства – проекту конфедерализации. Этот факт рассматривается нами как серьёзное упущение, так как анализ данного плана, а также деятельности личностей, разработавших его, позволяет нам лучше представить историческую ситуацию, в которой происходило рождение нового государства на территории бывшей Российской империи.

Большая часть работ советского периода посвящена роли В. И. Ленина в создании СССР как организатора содружества советских народов [5; 2]. Одной из задач в изучении этого вопроса советская историография видела освещение воззрений Ленина на национальный вопрос [12]. Особенно подробно в работах 70-х гг. рассмотрены вопросы руководящей роли партии в создании СССР, непримиримой борьбы со всеми видами национализма [1]. Подчеркивается

*Научный руководитель: **П. С. Муравлёв**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук, Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево.

мысль о том, что партия смогла возглавить процесс образования. В годы перестройки стали появляться труды, в которых авторы крайне негативно отзываются о сталинском проекте, отмечая, что его концепция противоречила идеям равноправия национальных республик, появившихся к 1922 г. [7]. Во всех этих работах мы можем встретить лишь упоминания плана конфедерации и фамилии человека, который его предлагал – Х. Г. Раковского. Среди литературы для студентов ярко выделяется работа Евгения Юрьевича Спицына [10, с. 120], в которой автор подробнее рассматривает личностей, предлагавших проект конфедерации и в особенности взглядов, которых они придерживались. Таким образом, отечественная историография не только уделяла недостаточное внимание проекту конфедерации, что стало настоящей традицией, но и обошла стороной достаточно существенную проблему – могла ли стать идея конфедерализации союзных республик реально работающей альтернативой при создании единого советского государства.

Для ответа на поставленную проблему, в первую очередь, нам необходимо рассмотреть сам проект конфедерации, то есть положения, которые он содержал. Две главные особенности данного плана заключались в следующем: во-первых, не предполагалось создание центральных органов управления, а во-вторых, связь между союзными республиками выражалась исключительно в заключённых между ними договорах и принадлежности одной идеологии. Таким образом, складывалась ситуация, при которой все республики на словах являлись «членами единой конфедерации», но остались независимыми государствами. При реализации подобного плана на свет появилось бы слишком слабое подобие союза нескольких социалистических стран, которое вполне вероятно не смогло бы добиться высоких результатов в индустриализации и оказалось бы слишком слабым перед лицом внешних угроз.

Актуальной проблемой остаётся вопрос, кто и зачем предложил подобный, по сути, сепаратистский проект, а главное – каким образом он стал обсуждаем в высших кругах власти. Для этого нам необходимо вернуться к тому моменту, когда комиссия Сталина приступила к разработке плана, который войдёт в историю как проект автономизации – 11 августа 1922 г. В состав этой комиссии входили представители от всех образовавшихся на пространстве бывшей империи социалистических республик. Наше внимание остановится на представителях от Украинской ССР Х. Г. Раковском и Г. И. Петровском, а также представителе от Грузинской ССР П. Г. Мдивани. Именно эти три личности оказались самыми яркими противниками сталинского проекта и, в целом, сосредоточением оппозиционных сепаратистских сил. Украинцы избрали позицию критики сталинского проекта, настаивая на том, что в нём нарушается принцип равноправия народов, которые должны войти в состав единого государства, происходит не борьба с «великодержавным шовинизмом», а, наоборот, потакание его рас-

пространению. Эти мысли были очень близки и В. И. Ленину. Интересен тот факт, что в своих воспоминаниях Раковский не раз указывает на то, что Ленин всячески поддерживал украинский народ, в частности «он [Ленин] говорил, что мы должны на Украине создать диктатуру украинского языка» [9, с. 7].

Возвращаясь к плану автономизации, отметим, что украинские оппозиционеры, недовольные проектом Сталина, способствовали тому, чтобы Ленин отказался от этого проекта. Украинские большевики решили поддержать план федерализации, но затем попытаться провести подмену одного государственного устройства другим. Они сделали свой ход уже после подписания Договора об образовании СССР, когда проходила разработка проекта Конституции СССР. Главные споры происходили в июне 1923 г. Именно в этот период обсуждались два проекта Конституции – «комиссии Калинина» и «комиссии УССР» [10, с. 125]. Жаркий спор между двумя сторонами произошёл 14 июня 1923 г. Дискуссия была вызвана предложением Скрыпника, сводящимся к тому, чтобы «в области ... союзной республики Союза никакой силы решение не имеет: он имеет его инициативу, его авторитет, его мнение, его убеждение, но не силу решения» [8, с. 121]. В этом тезисе очень ярко прослеживается конфедеративный настрой: «инициатива, убеждение, мнение, авторитет» – в данном контексте выступают с коннотацией рекомендации. Интересно отметить, что возражение поступило от Сапронова, который аргументировал невозможность такого решения тем. Затем в спор вступил Раковский. Во-первых, он не использует «решение» в отношении местных органов власти, а говорит, что они вкладывали в это понятие смысл «согласие органов Циков местных республик». Он вызывает к чувствам собравшихся, напоминая, как Украина воевала с немцами в 1919 г. «фактически, но юридически нет», и призывает «Верьте нам» [8, с. 122]. Раковский предпринял попытку подменить понятия, для того чтобы предложения не звучали так радикально. Последующее выступление Скрыпника породило новый спор, главной темой которого стал вопрос гражданства. Скрыпник в своей речи поднял вопрос, как следует судить граждан республик. Украинские деятели предложили систему определения прав и обязанностей гражданина Союза по законодательству отдельной республики: «Все граждане каждой из союзных республик имеют все права на всей территории СССР. Житель одной республики, переходя на территорию другой республики, пользуется всеми правами данной республики. Вторая часть отменяется, а остается только первая часть» [8 с. 124]. Енукидзе, выступил против подобной концепции, однако не привёл своих аргументов, а речь была не нейтральна, а стилистически окрашена, например разговорный фразеологизм «танцевать от печки» [8 с. 124]. По делу высказался Д. И. Курский, который нейтрально отметил, что в таком случае граждане Украины, например, на территории Украины будут иметь больше прав, чем граждане других республик и т. д. Последующая речь

Раковского оказалась эмоциональной, в которой он прямо обвинил предыдущих выступающих в космополитизме: «Здесь пахнет в общем космополитизмом, вы начинаете ненавидеть понятие "национальность"». Вступление в спор Сталина, который отмечал, что человек, вступающий в отношения с системой другого государства, должен расцениваться как гражданин Союза, а не как гражданин отдельно взятой республики, при этом он справедливо отмечает, что «Никто не говорит об уничтожении национальности данной республики» [8, с. 127].

На IV совещании ЦК РКП(б) Сталин в своём заключительном слове Сталин буквально обвинил Раковского и его соратников в «желании добиться в смысле определения характера Союза чего-то среднего между конфедерацией и федерацией с перевесом в сторону конфедерации» [11]. В своей обвинительной речи он каждое предложение начинал словами «Разве это случайность, что тт. украинцы...» [11], и затем упоминал наиболее радикальные предложения украинских революционеров. Сталин в этой речи говорит, что: «Все эти поправки Раковского зафиксированы и разобраны комиссией пленума ЦК и отвергнуты» [11]. Следовательно, само подобное обсуждение уже не имело никакого смысла. Таким образом, хотя мы и имеем повод предположить, что мы имеем дело с внутривнутрипартийной борьбой, однако необходимо учитывать, что вместе с эмоциональной окраской речь Сталина носила объективный характер. Не только Сталин был не согласен с украинским проектом, но и многие другие деятели, что очень ярко проявилось на заседании расширенной комиссии ЦИК. По сути, дела, Сталин обвинил украинских националистов в стремлении к сепаратизму. Украинская кампания по устройению СССР на конфедеративных началах завершилась, а уже 6 июля 1923 г. ЦИК утвердил проект первой Конституции СССР [11].

Что в итоге мы можем сказать о проекте конфедеративного устройства СССР? Пожалуй, только то, что за правильными словами о необходимости равноправия и свобод народов, входящих в состав единого государства, на самом деле скрывались сугубо националистические идеи, желание выйти из-под контроля центральной власти. Нужно понимать, что концепция конфедеративного устройства не смогла победить, но идеи национализма продолжали жить в отдельных регионах. Разрешение ситуаций, опасных для целостности государства, в первую очередь лежит на людях, которые находятся в аппарате управления и принимают конкретные решения, приводящие к тому или иному исходу.

1. Азизян А. К. Ленинская национальная политика в развитии и действии. М.: Наука, 1972. 379 с.

2. Акимов Н. Н. Роль В. И. Ленина в создании многонационального государства нового типа – Союза ССР // Образование и развитие СССР – торжество ленинской

национальной политики КПСС : материалы научно-теоретической конференции, посвящённой 50-летию образования СССР. Минск: Вышэйш. школа, 1974. 149 с.

3. Биюшкина Н. И. Проекты образования СССР: спорные проблемы дефинирования и экспертные оценки // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 83–87.

4. Ващук А. С., Коваленко С. Г. Российские историки об исторических уроках и опыте создания СССР (анализ рубрики «К 100-летию образования союза ССР: судьбы народов» в журнале «ИСОМ») // ИСОМ. 2023. № 1. С. 17–34.

5. Гилилов С. В. Ленин – организатор Советского многонационального государства. М.: Политиздат, 1972, 230 с.

6. Голдин В. И., Гагкуев Р. Г. 100 лет СССР и 30 лет без СССР: уроки истории и современность (обзор) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 6. С. 25–37.

7. Журавлев В. В., Ненароков А. П. Новые факты и документы из истории образования СССР // Историки спорят : тринадцать бесед / сост. В. С. Лельчук. М.: Политиздат, 1988. С. 191–227.

8. Из стенограммы заседания расширенной комиссии ЦИК СССР по выработке Конституции СССР. 14 июня 1923 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/38433> (дата обращения: 18.02.2024).

9. Раковский Х. Г. Ильич и Украина // Летопись революции. 1925. № 2. С. 5–10.

10. Россия – Советский Союз 1917–1945 гг.: Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов / Е. Ю. Спицын. М.: Концептуал, 2015. Кн. 3. 400 с.

11. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей. Стенографический отчет. М., 1923. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-35.html?ysclid=lst7aidair864381425> (дата обращения: 18.02.2024).

12. Шишкин В. А. В. И Ленин и образование Союза ССР // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики : сб. науч. статей / ред. колл.: Н. А. Беляев и др. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 3–23.

УДК 93/94

Создание СССР: конституционные проекты М. А. Рейснера

*А. М. Алиева**,

обучающийся 1-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. СССР представляет собой уникальное государственное образование, вызывавшее и вызывающее многочисленные споры и дискуссии. Чаще всего в связи с рассмотрением дискуссий о новом государственном образовании в центр внима-

*Научный руководитель: *А. А. Кутузова*, канд. ист. наук научный, сотрудник сектора отечественной истории, КНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар; старший преподаватель кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

ния исследователей становятся проект автономизации И. Сталина и проект федерализации В. Ленина. Однако, помимо указанных, были и иные документы. Особое внимание необходимо уделить конституционным проектам профессора М. А. Рейснера (1868–1928), являвшегося одним из членов Конституционной комиссии по разработке первой советской Конституции, русского, советского учёного государствоведа, марксиста, соавтора первых советских декретов. В рамках представления темы автор обратится к работам М. А. Рейснера, его теоретическим разработкам как основного закона нового государства, так и его структуры.

Ключевые слова: СССР, проекты СССР, автономизация, федерализация, М. А. Рейснер, Конституция СССР 1924 г.

Михаил Рейснер родился в аристократической семье померанского происхождения. Его отец был государственным чиновником Виленской губернии. В 1893 г. окончил юридический факультет Варшавского университета. С 1893 по 1896 г. он преподавал, а в 1896 г. был направлен в Гейдельберг, где проработал два года. В 1898–1903 гг. он был назначен профессором юридического факультета Томского университета. В этот период он опубликовал резкую критику репрессивной политики российского государства в отношении религии и гражданского общества на страницах «Вестника права», крупного российского юридического журнала. Рейснер выступал за замену модели «Polizeistaat», которую он считал устаревшей, «культурным правовым государством», которое гарантировало бы права граждан Империи, включая свободу совести и религии. Хотя его предложения в то время остались практически без внимания, он по-прежнему интересовался темой отделения церкви от государства. В результате участия в студенческих волнениях 1903 г. ему пришлось уйти в отставку и эмигрировать в Германию и Францию. В конце 1905 г. Рейснер вернулся в Россию и участвовал в организации Первой конференции Российской социал-демократической рабочей партии в Таммерфорсе. После поражения революции 1905 г. из-за своих марксистских взглядов ему пришлось вновь эмигрировать в Германию и Францию и впоследствии читать лекции в Российской высшей школе общественных наук в Париже. В 1907 г. Рейснер вернулся в Российскую империю и стал преподавателем Санкт-Петербургского государственного университета. Во время Первой мировой войны вместе с дочерью Ларисой выпускал журнал «Рудин». После Октябрьской революции 1917 г. Рейснер был назначен профессором Петроградского университета, где участвовал в разработке первой советской конституции. Он также был основным автором Декрета об отделении церкви от государства. Рейснер был одним из основателей Коммунистической академии как центра марксистской общественной науки, также одним из основателей Русского психоаналитического общества и работал в Наркомате просвещения и Наркомате юстиции. До самой смерти Рейснер преподавал в МГУ. Михаил Рейснер умер в 1928 г.

Однако особое внимание необходимо уделить вопросам научной и практической деятельности М. А. Рейнера.

Роль известного советского ученого-юриста и юриста Михаила Рейнера в подготовке проекта первой советской Конституции долгое время замалчивалась. Тем не менее, нельзя отрицать вклад Рейнера в создание проекта первой советской Конституции и обходить вниманием его противостояние с Иосифом Сталиным по вопросу федерации в Конституционной комиссии. Эти два человека предложили диаметрально противоположные подходы к принципам и основам Советской Федерации. Если Сталин отмечал, что Советская Федерация должна строиться по национально-государственному принципу, то Рейснер считал этот принцип буржуазным и предлагал отказаться от национального принципа и построить Федерацию России как многоступенчатую Федерацию Советов.

Его проект раскрывал идею о создании государства, в основе которого лежали социально-хозяйственные организации, распределение власти должно было способствовать развитию экономики, культуры, инициатив местных властей в социальной сфере. По мнению М. А. Рейнера, вопрос о национальности не надо смешивать с вопросом о самоуправлении или об автономии. Право национальной свободы принадлежит каждому гражданину. И при рассмотрении настоящего и будущего русского государства необходимо принимать во внимание иные, более важные, по мнению ученого и деятеля, моменты.

На первый план необходимо ставить хозяйственную организацию территории. Для разделения России и впоследствии большого союзного государства на области, для устройства самоуправления должны быть приняты во внимание, прежде всего, хозяйственные интересы, вся страна должна быть разделена таким образом, чтобы народные богатства и народный труд в каждой области получили свое выборное управление. Лишь после решения вопроса о хозяйственном самоопределении может быть поднят и национальный вопрос. В свободном государстве национальные права не могут и не должны быть привязаны к территории национального расселения.

Таким образом, М. А. Рейснер предлагал создать федерацию областных объединений типа московского, уральского, центрально-промышленного, петроградской коммуны и других, рассматривая и утверждая их в качестве основных государственных единиц. Указанные областные объединения он предполагал наделить особыми законодательными правами, объективно ведущими, по сути, к подрыву авторитета ещё не окрепшей центральной советской власти, к противопоставлению областной власти центру.

1. Бачинин В. А. Авангардистское правоведение М. А. Рейснера // Правоведение. 2006. № 5. С. 169–183.
2. Беляевская Д. В. Проекты создания СССР: выбор между федерацией и региональным государством. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/295228/1/18-23.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).
3. Вышкварцев В. В. Государственно-правовые и религиозные взгляды М. А. Рейснера на нравственность (конец XIX в.) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 34–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-pravovye-i-religioznye-vzglyady-m-a-reysnera-na-nravstvennost-konets-xix-v> (дата обращения: 17.02.2024).
4. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М.: Государственное издательство, 1925. С. 230–231.
5. Рейснер М. А. Революция и федерация. Петроград, 1917. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004219863/ (дата обращения: 17.02.2024).
6. Шураев В. Разработка конституции РСФСР 1918 года (апрель-июнь 1918 г.) // Вопросы истории. 1947. № 12. С. 23–42. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/РАЗРАБОТКА-КОНСТИТУЦИИ-РСФСР-1918-ГОДА-АПРЕЛЬ-ИЮНЬ-1918-г> (дата обращения: 17.02.2024).

УДК 930

Попытки решения жилищного вопроса в первые годы советской власти

*Д. А. Гаранина**,
обучающийся 2-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. Проблемы организации повседневной жизни в жилом пространстве были основными при решении жилищного кризиса в России в начальные годы советской власти. Статья детально рассматривает жилищные условия населения России и проблемы быта, связанные с организацией жизни в созданных коммунальных кварталах. Исследовав источники, автор пришел к выводу, что строительство жилья в 1920-х гг. не соответствовало росту городского населения. Недостаток жилья, ограниченные финансы и невозможность покупки предметов для дома существенно влияли на санитарные условия, уровень комфорта и обустройство помещений. Разрушение жилого фонда было вызвано неопределенностью относительно сохранения

*Научный руководитель: Г. Ф. Доброноженко, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

жилья, страхом выселения, что способствовало девиантному поведению жильцов и их небрежному отношению к государственной собственности.

Ключевые слова: советская власть, Гражданская война, жилая площадь, квартира, жилищная политика, жилищный кризис

В СССР жилищный кризис в 1920-х гг. возник из-за нескольких факторов: специфики городского роста, непростых последствий Гражданской войны, изменения отношения к жилищной политике советской власти, превращения жилых помещений в нежилые, стремительной урбанизации и быстрого роста населения. Один из ключевых аспектов – это быстрый прирост городского населения при одновременном уменьшении сельского, что и привело к нехватке жилья. Действия советской власти способствовали увеличению урбанизации, вызванной распадом крестьянской общины в период революции, индустриализацией, коллективизацией сельского хозяйства и раскулачиванием. Темп роста городского населения превышал темпы жилищного строительства. Главной задачей внутренней политики в начале 1920-х гг. стало восстановление разрушенной экономики и создание фундамента для построения социализма, обещанного большевиками народу [1, с. 123].

Пролетарская молодежь стремилась в центры городов с появлением коммунальных квартир. Они по доброй воле принимали участие в осуществлении планов власти по созданию коммунального жилья в стране, при этом организуя молодежные коммуны в бывших буржуазных квартирах. Молодежь также привлекалась к коммуналам из-за их революционной значимости. Участие в бытовых коммунах официальная политика одобряла и всячески поддерживала. «Членам бытовых коммун предполагалось предоставить ряд льгот и привилегий: преимущество при приеме на работу и поступлении в учебные заведения, освобождение от ряда налогов и др.» [6, с. 218].

Однако Наталья Лебина в своем труде [3, с. 75] приводит пример того, что фактически быт коммуны был гораздо жёстче: «10 девушек создали в одной из комнат фабричного барака некое новое объединение под названием "Ленинский закал". Посуды у коммунарок практически не было: ели из общей миски, одни туфли носили по очереди. Коммунистическим в этом нищенском существовании был лишь портрет Л. Д. Троцкого — поборника борьбы за новый быт». Проблемы физического комфорта сводились к минимуму: «более трети юношей и девушек, проживающих в импровизированных "фаланстерах", не имели отдельной постели. После обследования власти вынуждены были развернуть целую кампанию под лозунгом "Отдельную постель каждому гражданину, в частности каждому подростку"».

Одна девушка, которая проживала в общежитии фабрики «Рабочий», заявила: «Вечный шум, гам, ругань, пропажи и упреки. За все три года, что я прожи-

ла в этом общежитии, не было ни одной интересной лекции, ни одного мероприятия, что помогло бы рассеяться и задуматься над жизнью с общественной точки зрения. Ввиду всех этих условий я бросила учиться в школе среднего образования. Огромное желание сделать много, но попадешь "домой", и приходят все, появляется озлобленность, обида за невнимание, и все время хочется плакать» [4, с. 15].

Семейные рабочие, в отличие от молодежи, переселялись в квартиры центральной части города весьма неохотно [2, с. 6]. Некоторые причины такого нежелания формулирует С. Г. Струмилин: «Рабочие не проявляют особой охоты к переселению уже потому, что им и без того не тесно, а слишком просторные квартиры при современной дороговизне дров представляют уже не удобство, а прямое бедствие. (...) К этому нужно прибавить, что барские квартиры – в центре города, а заводы – на окраинах, и рабочему приходится после переселения в центр тратить лишнее время и деньги на проезд к месту работы» [3, с. 80].

Нежелательность коммунальных квартир в качестве идеала проживания для рабочих была еще одной причиной жилищного кризиса. Почти 60 % рабочих в России жили в коммунах еще до революции – общежитиях, где было ограничено личное имущество. Несмотря на то что оплата за жилье официально не была отменена до 1919 г., из-за гиперинфляции практически никто не мог ее оплатить, так как все платежи сразу поглощала инфляция. Это привело к официальной отмене оплаты за коммунальные услуги с 1919 до конца 1921 г. Из-за отмены оплаты были установлены ограничения на потребление воды и электроэнергии, за превышение которых вводились штрафы.

Несмотря на возвращение к платежам за коммунальные услуги, в конце 1921 г. проблема отсутствия точного учета потребляемых услуг еще оставалась. Были установлены стандарты потребления, но из-за отсутствия счетчиков они не всегда соблюдались.

Жители относились к оплате квартплаты с опасением из-за страха быть уплотненными или выселенными в любое время, это привело к накоплению задолженностей и возникновению судебных процессов по выселению жильцов. По решению суда человек мог быть выселен за задолженность, набравшую минимальный срок в два месяца. При длительных командировках продолжительностью три месяца и более человек обязан был предоставить жилтовариществу документы о командировке, лишая себя права на жилье и подвергаясь риску принудительного выселения в случае отсутствия.

Во время революции интенсивность разрушения жилых зданий заметно возросла. Если до начала войны использовались профилактические меры, то с 1916 г. практически не проводились ремонтные работы. Вследствие Гражданской войны в некоторых городах жилая площадь уменьшилась вдвое, большая

часть жилых помещений была уничтожена, а оставшаяся часть была преобразована в учреждения, офисы и новые организации [5, с. 59].

Жилищные условия в России значительно отставали от современных стандартов развитых капиталистических стран, что отсылало страну в аутсайдеры. Однако для людей того времени, привыкших к низкому уровню жизни, такие условия считались приемлемыми. Разрушение жилого фонда было вызвано отсутствием своевременного ремонта и нестабильным климатом, где угроза выселения была постоянной. При таких условиях многие перестали уделять внимание уходу за жильем и даже намеренно его разрушали.

В то время обычные люди имели противоположное представление о поддержке своего жилья: чем меньше они уделяли внимания уходу за ним, тем выше была вероятность его сохранения и избежания выселения. Это создавало странное поощрение, хотя фактически оно было обратным. Те, кто так небрежно относился к своему жилью, что оно не вызывало интереса у других, могли быть уверены в том, что их не выселят.

Существовали объективные причины для такого поведения, например, в период топливного кризиса в конце 1920-х гг., который особенно ощущался в крупных городах, деревянные элементы зданий использовались в качестве топлива, что часто связывалось с небрежным отношением к государственной собственности.

«Проведенный сотрудниками отдела коммунального хозяйства осмотр здания, где проживали тюменские милиционеры, показал, что весь дом находится в зачумленном состоянии, стены пронзены большими отверстиями от гвоздей и в большинстве комнат отсутствуют электрические провода. Существовавшая кухня практически полностью разрушена, печи с пробоинами и покрыты сажой до предела. Пол изрублен колкой на нем дров, разрушены две каменные плиты. Каретник во дворе разрушен. На задней части двора уничтожен хороший лесистый забор», – пишет тюменский историк Зинаида Соколова.

Поразительно, что даже при таких обстоятельствах существовали многоквартирные дома, где жители не только заботились о своем жилье, но и активно проводили ремонт, используя разнообразные законные и полузаконные способы.

Несмотря на усилия советского правительства в реализации жилищной политики, не удалось быстро достичь значительных результатов в строительстве коммунального жилья. Пролетарии предпочитали оставаться в своих старых домах, в своих скромных индивидуальных домиках на окраинах городов с небольшими участками земли. Эти дома лучше удовлетворяли их потребности и позволяли выращивать продукты в отличие от предлагаемых коммунальных квартир в центре города.

1. Верт Н. История советского государства 1900–1991. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
2. Зиновьев Г. Об утопии к действительности // Революция и культура. 1930. № 1. С. 6.
3. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
4. Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге: 40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в. М.: Прогресс-академия, 1994. 62 с.
5. Луценко Н. М. Жилищная проблема и жилищная политика в СССР. Л., 1972. С. 59. URL: <http://dialmon.narod.ru/Gilich.htm> (дата обращения: 12.04.2023).
6. Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. М.: Наука, 1980. 373 с.

УДК 930

Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г.

*М. С. Смирнов**,
обучающийся 2-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. Градостроительную судьбу Москвы во многом определило возвращение ей столичного статуса в 1918 г. Город становился первой столицей и витриной нового социалистического государства и мыслился, прежде всего, как визитная карточка СССР, а в будущем – и всего мирового пролетариата. Новой столице нужен был новый вектор развития и новый генплан. Были разработаны принципы развития города, в котором было отдано предпочтение высотному строительству с соблюдением единого стиля, основанного на классических традициях и современных разработках.

Как и любой масштабный и в чем-то радикальный градостроительный документ, Генплан 1935 г. был оценен по-разному: с одной стороны, Москва превратилась в современный по тем меркам город, с другой – потеряла значительное количество архитектурного наследия.

Ключевые слова: генеральный план, реконструкция Москвы, советское градостроительство, сталинская модернизация, социалистический город, В. Н. Семенов, С. Е. Чернышев

*Научный руководитель: **О. В. Золотарёв**, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

В июле 1932 г. проходило совещание по планировке Москвы и ее архитектурному оформлению, организованное МГК ВКП(б) и президиумом Моссовета. На совещании доклады представили главный архитектор проф. Семёнов и начальник АПУ Крюков, а схемы генерального плана города предложили архитекторы Красин, Курт Майер, Бабуров и Ганес Майер. Л. М. Каганович, представляющий «заказчика», ознакомился со стенограммой и предложениями других архитекторов. Они в большинстве своем включали предложения к увеличению этажности города [4, с. 36].

Таким образом, существовало несколько видений реконструкции города. Одни архитекторы предлагали сохранить исторически сложившуюся радиальную планировку города, сочетать в ней такие функции, как овальность, экологичность и эстетику. Другие архитекторы призывали кардинально перестроить город по принципу функциональности. Третья группа считала, что город должен развиваться вширь. Ключевым моментом дискуссии было обсуждение места и роли в городской среде высотных зданий. У архитекторов единого мнения не было. Однако партийное руководство видело в развитии городской архитектуры не только способ решить социальные проблемы, но и показать в архитектурном стиле преимущество социализма, величие и могущество государства. Для реализации этой цели нужны были именно высотные, монументальные здания. Поэтому победителями конкурсов оказывались именно проекты, которые предлагали построить здания в стиле, который позже получил название сталинский ампир. При всем многообразии предложений общим местом было понимание того, что при реконструкции города необходимо идти по пути увеличения этажности.

Ни одно из рассмотренных предложений не одержало убедительную победу. Поэтому в 1933 г. было создано 12 архитектурных мастерских под руководством главного архитектора Москвы В. Семенова, каждой из которой было поручено решить комплекс «задач по архитектурному освоению магистралей отдельно взятого района, что впоследствии стало единым планом реконструкции Москвы» [5, с. 59].

Ю. Д. Старостенко утверждает, что перед архитекторами 2-й планировочной была поставлена задача «создать единый ансамбль, который бы учитывал, с одной стороны, ещё не начавшийся строиться Дворец Советов, а с другой – уже возводимые здания Дома комитетов и Совета труда, первой очереди гостиницы Моссовета, «дом на Моховой» и библиотеки им. Ленина» [3, с. 113–114].

10 июля 1935 г. было принято Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (Б) «О генеральном плане реконструкции города Москвы». В нем были сформулированы основные принципы планируемого градостроительства. В документе за-

фиксирована позиция партии и правительства в отношении сохранения города и принципов его расширения. Они считали, что нужно сохранить историческую основу города, но «отвергали проекты сохранения существующего города как законсервированного музейного города старины, провести решительную реорганизацию его улиц и площадей» [1, с. 27]. В документе была зафиксирована принципиальная позиция правительства перепланировать столицу путем «решительного упорядочения сети городских улиц и площадей» [1, с. 8]. В документе было записано: «Важнейшими условиями этой перепланировки являются: правильное размещение жилых домов, промышленности, железнодорожного транспорта и складского хозяйства, обводнение города, разуплотнение и правильная организация жилых кварталов с созданием нормальных, здоровых условий жизни населения города» [1, с. 27].

Под «правильными условиями» руководство считало необходимость «обеспечить единое архитектурное оформление площадей, магистралей, набережных и парков. В строительстве жилых и общественных зданий следует использовать лучшие образцы классической и новой архитектуры, а также передовые технологии в области архитектурно-строительной сферы [1, с. 9].

Важным моментом было решение сохранить радикально-кольцевую систему улиц, но при этом еще добавить новые улицы для разгрузки центра города и установить прямую транспортную связь между районами. Планировалось построить каменные набережные, соединить парковые зоны с лесным массивом, расположенным за чертой города; кроме того разработать новую систему улиц, разгрузить центр города, обеспечить транспортную связь между районами; создать проспект от площади им. Дзержинского до Лужников с построением моста через реку и Ленинские горы; расширить Красную площадь; освободить территорию Китай-города и берега Зарядье от мелкой застройки и соорудить на этом участке монументальное здание Дома промышленности; расширить и выпрямить магистральные улицы города. Основным приоритетом было строительство московского метрополитена, названного в честь Кагановича [1, с. 10].

Для нашего исследования важно отметить, что было принято решение о построении «монументальных зданий государственного значения» [1, с. 11]. В постановлении было обозначено строительство «небольшого количества крупных домов, расположенных друг от друга на некотором расстоянии» [1, с. 11]. Относительно принципов застройки высотными зданиями И. Жолтовский писал, что «ритм, движение уличных должны поддерживаться интервалами между отдельными зданиями». В свою очередь, интервалы между зданиями на улицах, по мнению архитектора, должны быть заполнены красивыми элементами, та-

кими как зеленые зоны, фонтаны и деревья, чтобы создать привлекательное пространство [2, с. 42].

В Генеральном плане говорится, что для важных узлов в городе и на широких улицах, таких как набережные и площади, предусмотрены более высокие здания в 7–10–14 этажей [1, с. 12]. В документе также определялись стилистические особенности архитектуры. Предписывалось использовать лучшие образцы классической и современной архитектуры [1, с. 2].

Один из ключевых архитектурных акцентов в Москве – он должен был быть расположен в юго-западной части города. Эта область считалась престижным жилым районом благодаря зеленым зонам и уникальному рельефу, а также связана с проектами реконструкции города. В этом районе планировалось строительство комплекса Дворца Советов и сопутствующего проспекта. Для построения этого комплекса был запланирован снос «зданий между Моховой и Манежной улицами, а также между Волхонкой и Б. Каменным мостом» [1, с. 7]. Планировалось построить «6 новых гостиниц на 4000 номеров, <...> «закончить строительство гостиницы Моссовета в Охотном ряду с надстройкой Гранд-Отеля и достроить вторую очередь гостиницы на площади Киевского вокзала» [1, с. 15].

Также в Генплане планировалось «архитектурно оформить Краснопресненскую, Смоленскую, Дорогомиловскую, Котельническую набережные» [1, с. 6]. С. Д. Тугаринова считает, что в Генеральном плане рекам отводится особая роль, так как река становилась естественной составляющей общего замысла. Предполагалось, что высотные здания гармонично смотрятся на набережных. Поэтому высотки, построенные в 1940–1950-х гг. (например, комплекс МГУ, жилой дом на Котельнической набережной, гостиница «Украина»), располагались на берегу и по своему стилю интегрировались с окружающими водными элементами [5, с. 64].

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении десятилетия в городе был разработан новый Генеральный план под руководством Владимира Семёнова и Сергея Чернышёва. Развитие города предусматривалось осуществлять в юго-западном направлении, избегая промышленных зон. План включал строительство новых широких транспортных магистралей, улучшение существующих мостов и сооружение новых, включая Крымский мост. Работы по осуществлению генерального плана продолжались до Великой Отечественной войны, включая строительство различных объектов. Важным моментом было то, что были разработаны принципы развития города, в котором было отдано предпочтение высотному строительству с соблюдением единого стиля, основанного на классических традициях и современных разработках. Генплан

1935 г. предвидел некоторые будущие районы и местоположения высотных зданий в Москве 1940–1950-х гг. Основным принципом этого Генплана было создание нового архитектурного облика столицы с сохранением традиций, многофункциональностью и утилитарностью зданий.

1. Генеральный план реконструкции города Москвы. Постановления и материалы. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 // Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/36470233/> (дата обращения: 01.02.2024).

2. Жолтовский И. В. // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975. Т. 1. С. 4

3. Старостенко Ю. Д. История проведения конкурса 1932 года на проект планировки Москвы в свете новых архивных материалов // Academia. Архитектура и строительство. 2019. № 4. URL: <https://aac.raasn.ru/index.php/aac/article/view/162> (дата обращения: 01.02.2024).

4. Старостенко Ю. Д. Реализация представлений об ансамбле в проекте реконструкции центра Москвы 1936 г. // Капитель. URL: <http://kapitel-spb.ru/article/старостенко-ю-д-реализация-представл/?e=1692> (дата обращения: 01.02.2024).

5. Тугаринова С. Д. Формирование архитектурно-художественных концепций высотных зданий Москвы 1930–1950-х годов : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2018. 230 с.

УДК 930.2(470)

Образ советской семьи в карикатурах (по материалам журнала «Крокодил» 1950–80-х гг.)

М. С. Карманова,
обучающийся 2-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар*

***Аннотация.** В статье рассматривается образ советской семьи во второй половине XX в., причины его определения и его отражение в карикатурах сатирического периодического издания «Крокодил».*

***Ключевые слова:** советская повседневность, советская семья, карикатура, журнал «Крокодил»*

Образ советской семьи во второй половине XX в. был определен идеологическими, экономическими и социальными условиями времени. В советском

** Научный руководитель: **В. С. Русанова**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.*

обществе семья играла важную роль как основная клетка общества, и её идеалы были тщательно пропагандированы.

Советская карикатура во второй половине XX в. зачастую использовала образ советской семьи для выражения иронии, сатиры или критики существующих порочных явлений в обществе. Многочисленные публикации карикатур в периодических изданиях часто высмеивали наиболее острые проблемы повседневной жизни советских граждан, а также обращались к сфере политики.

Сатирический журнал «Крокодил» издавался с 1922 по 2008 г. с определённой периодичностью. Каждый выпуск журнала содержал в себе фельетоны, карикатуры и другие виды юмористических произведений на различные темы. Номера журнала были наполнены качественными иллюстрациями и сопровождающими изображениями, также каждый выпуск украшался занимательной обложкой, которая отражала основное событие или тему выпуска.

Лишь сатирическим изданиям Советского Союза было позволено визуализировать негативные моменты в жизни советского общества [3, с. 41], поэтому журнал «Крокодил» являлся ценным источником для того, чтобы выявить как общую картину повседневных (семейно-бытовых) отношений советских людей, так и их проблематику, которая отражалась в карикатурах соответствующего временного периода. Так, высмеивание негативных качеств советских граждан и пороков общества при помощи карикатур и других визуальных средств позволяло пропагандировать должный, правильный образ советского человека, порицая негативное или «неправильное» поведение [2, с. 1].

Семейно-бытовые отношения являются самым популярным сюжетом, встречающимся в карикатурах «Крокодила». Причиной этому служит то, что тема семьи и быта касалась всех граждан Советского Союза и имела отклик у большей части читателей. Если, например, не все граждане следили за внешне-политической обстановкой стран и вследствие этого они просто могли не понимать смысла политических карикатур, то сюжеты, затрагивающие семейные отношения и различные бытовые сцены, были понятны всем.

Советская семья во второй половине XX в. представляла собой уникальное социокультурное явление, отражающее изменение идеологии, общественных ценностей и образа жизни советского общества на этом историческом этапе. Важно отметить несколько характеристик, определяющих облик советской семьи в указанный период.

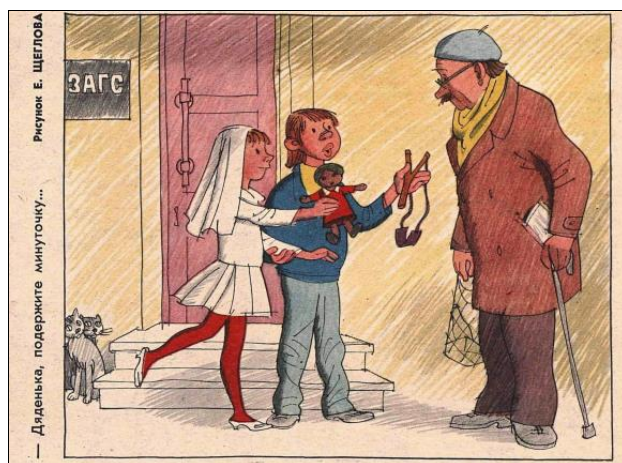

Рис. 1. Карикатура Евгения Щеглова
(Щеглов Е. Б. // Крокодил. 1978. № 9. С. 9)

Во-первых, советская семья воплощала идею коллективизма и равенства, пропагандируемую советской идеологией. Семья рассматривалась как микро-модель общества, где доминировали принципы солидарности, взаимопомощи и обязательной приверженности идеалам коммунизма. Так, в журнале «Крокодил» публикуется карикатура Евгения Щеглова, темой которой является брак и его обязательность, – в иллюстрации маленькие дети собираются идти в ЗАГС [5]. Следовательно, брак в Советском Союзе считался обязательным условием для создания полноценной и порядочной семьи.

Во-вторых, в семье четко распределялись функции и обязанности между её членами: от домашних работ и воспитания детей до выполнения общественных обязанностей в соответствии с советской идеологией. Так, в карикатурах Владимира Шкарбана отражаются основные женские функции в семье – домоводство и воспитание детей [4].

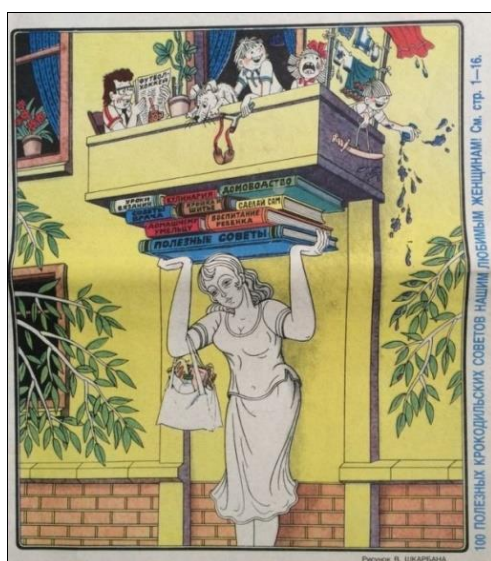

Рис. 2. Карикатура Владимира Шкарбана
(Шкарбан В.И. // Крокодил. 1984. № 7. С. 1)

Женщина в карикатурах визуализируется как основа семьи, на ней всё держится. Мужчина представляется как добытчик семьи и источник основного дохода. Таким образом, патриархальные стереотипы о советских семьях были подвергнуты критике.

— Сынок, не заплывай далеко! Я вся изнервничалась...

Рис. 3. Карикатура Егора Горохова
(Горохов Е. // Крокодил. 1958. № 18. С. 14)

В-третьих, особое внимание уделялось воспитанию и образованию детей. Дети воспитывались в духе коммунистических ценностей, патриотизма и коллективизма. Так, карикатуры Егора Горохова высмеивали чрезмерную опеку над детьми и излишнее внимание к ним, вследствие чего дети вырастали избалованными и несамостоятельными [1]. Забота о детях признавалась важным элементом семейной жизни, пропагандировалась советской идеологией, но некоторые аспекты этой опеки иногда становились объектом насмешек и критики. К примеру такие, как несамостоятельность и отсутствие личной ответственности у молодого поколения.

Представленные характеристики формировали общий образ советской семьи, который был активно пропагандирован и идеализирован советскими властями во второй половине XX в. Однако идеализированный образ советской семьи часто становился и объектом критики в периодической печати.

Сатирические сюжеты на бытовые темы позволяют выделить особенности семейных отношений в Советском Союзе, сформулировать характерные черты советской семьи и обнажить существовавшие в ней проблемы.

Исследование карикатур второй половины XX в. позволяют не только понять многое о семейной системе отношений того периода, но и выявить их сходства и различия с современной бытовой жизнью граждан Российской Федерации. В связи с чем большая часть сатирических сюжетов прошлого столетия остаётся актуальной до сих пор.

1. Горохов Е. // Крокодил. 1958. № 18. С. 14.
2. Грищенко О. В. Карикатура как источник изучения визуального образа советского человека в сатирических рубриках уссурийской газеты «Коммунар» (1955–1965 гг.) // Концепт. 2015. № 6 (июнь). URL: <http://ekoncept.ru/2015/15186.htm> (дата обращения: 30.01.2024).
3. Попова А. А. Журнал «Крокодил» как исторический источник по реконструкции визуального негативного образа советского мужчины в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) // ОНВ. 2012. № 2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnal-krokodil-kak-istoricheskiy-istochnik-porekonstruktsii-vizualnogo-negativnogo-obraza-sovetskogo-muzhchiny-v-pervoe> (дата обращения: 30.01.2024).
4. Шкарбан В. И. // Крокодил. 1984. № 7. С. 1.
5. Щеглов Е. Б. // Крокодил. 1978. № 9. С. 9.

УДК 93/94

Роль А. Н. Яковлева в решении государственных вопросов в годы перестройки (по дневниковым записям)

И. П. Великанов*,

обучающийся 1-го курса

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Аннотация. В статье рассматривается роль секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро А. Н. Яковлева в принятии важнейших решений в годы перестройки на основе дневниковых записей непосредственных участников событий.

Ключевые слова: А. Н. Яковлев, перестройка, Политбюро, дневниковые записи, А. С. Черняев, В. А. Медведев, Г. Х. Шахназаров

Александр Николаевич Яковлев (1923–2005) является ключевой фигурой эпохи перестройки. Ему довелось побывать на разных должностях и пройти путь от должности инструктора отдела пропаганды и агитации Ярославского обкома КПСС до старшего советника Президента СССР. В связи с этим представляет особый интерес его политическая биография, которая, по сути, достигла своего апогея в 1987 г., когда его избрали членом Политбюро ЦК КПСС. В последующий период он проявил себя как вполне зрелый политик, способный отстаивать свою позицию с фактами в руках.

Его амбициозные идеи и планы, которые далеко не всегда находили поддержку в Политбюро, вызывали совершенно полярные впечатления у совре-

*Научный руководитель: **И. А. Анфертьев**, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва.

менников. Так, в сборнике статей, выпущенном к восьмидесятилетию А. Н. Яковлева, его ближайший соратник Б. Н. Ельцин вспоминал: «Он долгие годы был единственным в горбачевском руководстве открытым борцом за мировые общечеловеческие ценности, умеющим не скрывать своих взглядов: свобода слова, свобода вероисповедания, свобода передвижения, свобода СМИ. За это его так ненавидело руководство КГБ, называя “агентом влияния”. Оно предпринимало недюжинные усилия по дискредитации Яковлева, подтасовывало факты, посылало генсеку фальшивые секретные шифровки о прозападных контактах Яковлева. А исторический факт состоит в том, что именно взгляды Александра Николаевича во многом определили вектор движения страны к мировым ценностям» [1, с. 129].

Противоположную позицию в своих мемуарах высказал Председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков. Говоря о докладах и выступлениях Яковлева на Политбюро, автор не раз подчёркивает его негативную роль в процессах перестройки. Например: «Хорошо помню заседание Политбюро, на котором Яковлев докладывал о своей поездке в Вильнюс. Его выступление было направлено на то, чтобы убедить политическое руководство страны, будто процессы, происходящие в Прибалтике, идут в русле перестройки. Его трактовка, оправдывавшая расцвет махрового национализма, вызвала у меня и еще у некоторых членов Политбюро полное неприятие и критику» [5, с. 215].

В новейшей биографии А. Н. Яковлева В. Н. Снегирев, говоря об избрании его членом Политбюро в 1987 г., констатирует факт: «Яковлев в те годы (1987–1989) быстро набирает авторитет, становится одной из самых заметных фигур в советском руководстве» [6, с. 418].

Неким резюме вышеприведённых точек зрения может послужить выдержка из недавнего интервью В. М. Зубка для журнала «Историк»: «Генеральный секретарь доминировал на заседаниях Политбюро и нередко использовал Яковлева и других как громоотвод для недовольства, когда решения и их последствия были непростыми и спорными» [4, с. 64].

Обозначив основные оценки политического веса А. Н. Яковлева в Политбюро, обратимся непосредственно к дневниковым записям и отдельным событиям, в них запечатлённым.

В своём докладе на заседании Политбюро ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. Горбачев, согласно дневниковым записям, выдвинул следующее положение: «Подготовка к XXVII съезду партии, обсуждение трудящимися проектов съездовских документов, несомненно, всколыхнут активность советских людей. Партийным комитетам предстоит позаботиться о том, чтобы обеспечивалась гласность, чтобы работали все каналы связи с массами, проследить, какое внимание уделяется общественному мнению, критическим замечаниям, заявлениям и письмам граждан» [2, с. 12]. Большую работу в связи с этим провёл А. Н. Яковлев.

Вот какую оценку в подготовке очередного съезда даёт В. Н. Снегирев: «Главное дело, которым Александр Николаевич занимался с последних месяцев 1985-го и до весны следующего года, было связано с подготовкой к XXVII съезду КПСС – первому "перестроечному", первому "горбачевскому" форуму коммунистов СССР. Яковлев, вопреки сложившейся практике, хоть и был всего лишь заведующим отделом ЦК, возглавил рабочую группу по подготовке всех основных документов съезда, в том числе отчетного доклада генсека и новой редакции Программы КПСС. Прежде такое дело поручали человеку в ранге не ниже секретаря ЦК» [6, с. 302].

Сам же М. С. Горбачев позже признавался: «Он внес значительный вклад в разработку идей, которые были положены в основу апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года, XXVII съезда партии, в подготовку и проведение крупных мероприятий в рамках нового мышления по оздоровлению международных отношений» [1, с. 91].

На наш взгляд, важным в его политической биографии представляется назначение В. А. Крючкова председателем КГБ 1 октября 1988 г., а именно кому принадлежала эта инициатива. В дневниковых записях можно найти слова М. С. Горбачева, прозвучавшие на пленуме ЦК КПСС 30 сентября 1988 г.: «...У нас остался еще вопрос: кого рекомендуем вместо Чебрикова (председателем КГБ)? Предлагаю Крючкова. (Голоса одобрения.)» [2, с. 422]. В 2003 г. он же писал: «Главная ответственность за эти просчеты [назначением на разные посты будущих членов ГКЧП – прим. И. В.] ложится на меня как на Генерального секретаря и президента. Но ведь и другие в этом принимали участие и вносили свои предложения по тем или иным кадровым назначениям. Тот же Александр Яковлев был убежден, что хорошей заменой Чебрикову Виктору Михайловичу, которого мы взяли на работу в Центральный Комитет партии с поста председателя КГБ, будет Крючков В. А. Хотя это оказалось одной из больших ошибок!» [1, с. 93].

Так кто же сыграл решающую роль в этом судьбоносном назначении? Яковлев в своих мемуарах объясняет: «Я только потом понял, что Крючков, хорошо зная о моих настроениях (в ИМЭМО работал большой отряд КГБ), пристраивался к ним из карьерных соображений. К стыду своему, я поспешил зачислить его в сторонники реформ, но и Крючков, надо признать, умело и вдохновенно морочил мне голову» [8, с. 460].

А. П. Житнухин в книге «Владимир Крючков: время рассудит» констатирует: «На этот счёт [выдвижения В. А. Крючкова на пост председателя КГБ А. Н. Яковлевым – прим. И. В.] существует немало мифов, и в одном из наиболее распространённых утверждается, что Яковлева и Крючкова связывали тесные отношения, которые якобы установились ещё в 1960-х годах, когда оба работали в аппарате ЦК КПСС. Конечно, в самом факте возможного знакомства в

то время нет ничего предосудительного. Вот только близкие к Крючкову люди, неплохо знающие его круг общения, утверждают, что ничего подобного никогда не было. Да и вряд ли могли быть какие-то общие интересы у совершенно разных людей, работавших в разных отделах и занимавшихся практическими вопросами, никак между собой не пересекавшимися.

Высказывается также версия, что Горбачёв с Яковлевым, решив перевести В. М. Чебрикова на работу в Секретариат ЦК КПСС, посчитали Крючкова "удобным" преемником, через которого нетрудно будет влиять на работу КГБ нужным им образом. Очевидно, дисциплину и исполнительность Владимира Александровича они приняли за покладистость, и, как мы увидим, оба крупно просчитались» [3, с. 249].

Но, как бы то ни было, отрицать роль Александра Николаевича в этом назначении никак нельзя.

Другая важная запись отнесена к 24 января 1989 г., где в т. ч. решался вопрос о выводе войск из Афганистана. Предлагались различные варианты выхода из сложившейся ситуации. Например, Э. А. Шеварднадзе настаивал на том, чтобы оставить 10–15 тыс. человек (с. 449), которого поддержал В. А. Крючков. В этом случае А. Н. Яковлев поддержал большинство, кратко и эмоционально высказав свою точку зрения: «Я за то, чтоб наших там не было! Мы обещали своему народу, что похоронок больше не будет!» [2, с. 449].

При чтении этих дневников нельзя не обратить внимание на противостояние А. Н. Яковлева и упоминавшегося ранее Н. И. Рыжкова на заседаниях не только Политбюро, но и на Президентском совете. В записи от 9 ноября 1989 г., где говорится в т. ч. и о рассмотрении вопроса об экономической стороне вопроса эпохи перестройки, Председатель Совета министров выступил следующим образом по поводу разработки экономической программы: «По первому вопросу повестки: как будем оздоравливать экономику? Когда начнем реформу цен? Социалистический рынок – что это такое? Оптовая торговля. Как ее осуществлять? Год назад нас критиковали за оставление госзаказа, за госприемку. Теперь, наоборот, все требуют 100 % госзаказа» [2, с. 553]. Александр Николаевич ему парировал: «...Мы должны сделать революционный шаг, чтобы общество увидело, что перестройка начинает новый темп. Растяжка во времени у Николая Ивановича... Я не могу согласиться. Пусть тяжело, пусть ломка, но – в сжатые сроки. События нас обгоняют. Но наряду со всем этим – максимум внимания к текущим делам: бесхозяйственность, безответственное отношение к труду, упадок дисциплины – все это требует повседневных усилий» [2, с. 553]. Здесь прослеживается линия размежевания позиций двух членов Политбюро, о которой оба позже напишут в своих мемуарах.

В весьма краткой записи заседания Президентского совета от 5 ноября 1990 г., где решался вопрос о постепенном переходе к рынку, читаем: «Яковлев

заявил, что главная беда не в политике, а в экономике. Это вызвало резкую реакцию Рыжкова и Маслюкова». К сожалению, автор этих строк не смог (или не успел) записать даже основные аргументы выступления А. Н. Яковлева. В своих дневниках А. С. Черняев тоже ограничился лишь общими фактами из этого заседания: «Горбачев вслед за Лукьяновым, Маслюковым и Рыжковым крыл авторов [статьи в «Комсомольской правде» – прим. И. В.] и обещал их «прогнать». Весь этот совет производит жалкое впечатление. Рыжков грозил пришествием диктатуры. Лукьянов шантажировал демократами. Шеварднадзе говорил о том, что надо изучить вопрос о порядке сдачи власти» [7, с. 1084].

Подводя итог, можно констатировать следующее: сами по себе приведённые дневниковые записи несут очень важную информацию по части эволюции взглядов высшей партийной элиты, их умонастроений. Но они же весьма фрагментарны и отрывочны, из-за чего ускользают не менее значимые факты; во вторых, в них А. Н. Яковлев часто предстаёт деятелем, яро защищающим идеалы перестройки, но при этом складывается впечатление, что его замечания носят вторичный характер. Как показывают приведённые отрывки из воспоминаний участников тех событий и трудов историков, роль А. Н. Яковлева в Политбюро была огромна, что не нашло отражения в дневниковых записях. При этом же нельзя думать, что роль личности «архитектора перестройки» в развернувшихся процессах оценивается лишь в масштабах здания на Старой площади. Вся его обширная деятельность за пределами зала заседаний Политбюро ЦК КПСС нуждается в отдельных исследованиях.

1. Александр Яковлев: свобода – моя религия: К 80-летию со дня рождения : [сборник] / сост. В. Д. Оскоцкий, С. А. Филатов. М.: Вагриус, 2003. 349 с.
2. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Горбачев-Фонд, 2008. 800 с.
3. Житнухин А. П. Владимир Крючков: Время рассудит. М.: Молодая гвардия, 2016. 358 с.
4. Зубок В. М. Архитектор коллапса // Историк. 2023. № 12 (108). С. 62–70.
5. Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. М.: Вече, 2007. 656 с.
6. Снегирев В. Н. Александр Яковлев. Чужой среди своих. Партийная жизнь «архитектора перестройки». М.: Система; РОССПЭН, 2023. 672 с.
7. Черняев А. С. Совместный исход: дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010. 1047 с.
8. Яковлев А. Н. Сумерки. М.: Материк, 2005. 672 с.

РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 908

«Дневные записки» академика И. И. Лепёхина о прилузских коми сквозь призму современной науки

*М. В. Ненашев**,
обучающийся 3-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье на основе анализа дневниковых записей академика И. И. Лепёхина, посетившего в 1771–1772 гг. Коми край, представлена современная топонимика посещаемых им мест, характеристика традиционного костюма летских коми, празднования Ильинского быкобоя в с. Объячево, а также практика использования дикоросов в культуре питания.

Ключевые слова: Иван Иванович Лепёхин, экспедиция, коми (зыряне), Прилузский район, Республика Коми, дневные записки

В историю научных исследований XVIII век вошел как век экспедиционных обследований регионов России, предпринятых Императорской академией наук. В этот период были накоплены первоначальные сведения по географии, этнографии, истории и естественным наукам о провинциях России. Одним из участников экспедиций по Уралу, Поволжью, Западной Сибири и Русскому Северу был Иван Иванович Лепёхин, ученик М. В. Ломоносова. Он получил образование в одном из старейших европейских университетов – Страсбургском, где изучал медицину.

Летом 1771 г. Иван Иванович Лепёхин возглавил экспедицию, посетившую Коми край. Его помощником был начинающий учёный-естествоиспытатель, будущий академик Николай Яковлевич Озерецковский. В ходе экспедиции были обследованы территории бассейнов рек Летки, Лузы (от Ношуля до Зануля), Сысолы (от Кибры до Усть-Сысолы), Вычегды (от впадения в неё Сысолы до самого устья), нижней Выми, современной территории Республики Коми. И. И. Лепёхин точно и достоверно повествует о том, что он видел собственными глазами, а его сведения всегда сопровождаются описанием источника и комментариями. Экспедиция И. И. Лепёхина успешно завершила работу в 1772 г., когда ее участники возвратились в Санкт-Петербург через Архан-

*Научный руководитель: *Т. И. Чудова*, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России и зарубежных стран, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

гельск. Кропотливая работа по обработке и систематизации собранного полевого материала нашла отражение в «Дневных записках путешествия по разным провинциям российского государства», опубликованных в четырех частях в Санкт-Петербурге в 1771–1805 гг. [12, с. 230–281].

Для рассмотрения выбранной темы представляет интерес пятая глава четвертой части «От городища до города Сольвычегодска», в контексте которой дано описание современной территории Республики Коми в рамках территориально-административного деления – Прилузский район, где проживает прилузская (луздорса) этнографическая группа коми (зырян).

Как отмечалось в дневных записках, 16 июля 1771 г. экспедиция въехала в селение Починок, «от которой начался волок, Нестеришной прозываемый, предел полагала речка Нестериха, впадающая в Летку» [12, с. 230]. После посещения Слободского (ныне г. Слободской Кировская область) экспедиция продолжила свой путь по реке Летке (правый приток Вятки) до села Прокофьево (ныне село Прокопьевка Прилузского района Республики Коми), где, по записям И. И. Лепехина, жили пермяки. Однако в современной этнографической литературе население этой территории определяется как коми (зыряне). До 1929 г. селения от Прокопьевки до Черемуховки по р. Летке входили в состав Слудской волости Хлыновского, позднее Орловского уезда Вятской губернии [6, с. 269]. Летские коми до второй половины XX в. сохраняли в качестве самоназвания термин «пермяки», а термин «зыряне» использовался ими по отношению к представителям других этнографических групп коми. Русские, отмечая языковое и культурное сходство летских коми с коми-пермяками, также называли их пермяками.

В современной этнографической литературе выделяют восемь этнографических групп коми (зырян), отличающихся отдельными элементами традиционной культуры и языка. Причиной формирования специфики территориальных общин была известная замкнутость, обусловленная различными факторами, в частности бездорожьем [10, с. 57]. Населенные пункты, расположенные в бассейне р. Летки и Лузы, входят в состав Прилузского района Республики Коми, а летские и лузские коми объединены в одну этнографическую группу прилузских коми (луздорса). Этот термин весьма условен, здесь выделяются два этнографических микрорайона, привязанные к бассейнам этих рек. Еще в 1986 г. Л. Н. Жеребцов впервые обозначил специфику летского микрорайона: «при всей близости к прилузскому <он> обладает определенными отличиями и заслуживает специального рассмотрения» [5, с. 107]. Это объясняется как географической удаленностью этнографических микрорайонов друг от друга, так и длительной принадлежностью к разным административным центрам.

Иван Иванович Лепёхин составил довольно подробное и красочное описание женской традиционной одежды: «Пермячки платье имеют тут несколько

отменное. Они носят сарафаны без рукавов, в которых нет никаких выемов, но ворот облепляется кругом около шеи; голову свою покрывают сороками, которые спереди с навесом и вышиты разноцветным гарусом, которым и рукава у рубах вышивают» [12, с. 230]. По мнению Ю. И. Бойко, для летских коми характерен сарафанный комплекс севернорусского типа, включающий рубаху с прямыми поликами и косоклинный сарафан. Женская рубаха относится к типу рубах с трапециевидными поликами, выкроенными из кумача, они имеют сходства с другими вариантами коми одежды, такими как верхневычегодские и сысольские коми, лоемские русские, коми-пермяки. Рубаха по крою, расположению узоров на прямых и широких рукавах, композиционным особенностям диагонально-геометрических узоров и их цветовому решению близка также к рубахам, известным у русских Рязанской и Тульской губерний. А вот вышивка, аналогичная летской, не встречалась больше нигде у коми-зырян, однако близка к вышивкам на старинных удмуртских и марийских рубахах. Интерес представляет сарафан, по крою он относится к туникообразным, наиболее древним типам, не имеющим плечевых швов [2, с. 90].

В состав женского костюма входил головной убор – «сорока», мягкого типа, имеющий налобник, два «крыла»-завязки и «хвост», прикрывающий затылок. Этнограф Ю. И. Бойко показала, что: «налобник сороки состоял из двух частей: нижней, представляющей собой широкую красно-чёрную горизонтальную полосу, и верхней – "серё-дёма" (середина), в которой выделялся центральный белый прямоугольник, вышитый счётной гладью белым шёлком по белому холсту и обрамлённый красно-чёрными полосами вышивки. Повседневные сороки имели более короткие завязки с простой вышивкой. К теменной части убора пришивалась широкая полоса холста "сорока бёж (хвост сороки)", полностью покрывавшая затылок» [2, с. 93]. Как отмечала Г. Н. Климова, вышивка являлась главным видом украшения ткани летских коми, основными вышитыми изделиями были женская рубаха и головной убор – сорока [7, с. 52]. Этнографы Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов в конце 1950-х гг. подчеркивали, что «сорока уже не находится в повседневном употреблении, а хранится в сундуках старух, которые лишь в большие праздники надевают ее» [11].

И. И. Лепёхин дает описание флоры, в состав которой входит растение, называемое им «борщ», в настоящее время его определяют как борщевик сибирский. В данном контексте интерес представляет современная практика включения его в состав продуктового сырья. Молодые побеги борщевика сибирского (гумпёк, азыгум) до настоящего времени используют в пищу в сыром виде, заправляют ими первые блюда в случае отсутствия картофеля, а также готовят рагу, при этом по цвету, форме и размеру стебли борщевика сибирского напоминают стручки зеленой фасоли. Стебли борщевика заготавливали впрок, которые употребляли в пищу в качестве закуски, а рассол использовали как за-

правку для крупяной похлёбки, что придавало приятную кислинку блюду и обеспечивало человека витаминным комплексом [3, с. 102].

Путешествие по Коми краю продолжилось по реке Лузе, которая впадает в реку Юг и принимает около 40 различных по величине притоков. Некоторые из них описаны в путевых заметках: Ношуля (современное название Ношулька возле села Ношуль), Пиловка, Ожин (приток впадает возле Объячево), Иол (скорее всего Ёль – по-коми ручей), Бартом [12, с. 236]. Упомянуты деревни – Шернова, Беляева (ныне деревня Беляевская), Ожин (ныне посёлок Ожындор), Керас (ныне деревня Керес, в переводе с коми означает «бор над болотом»), Лонья (ныне село Лойма), Березники (ныне деревня Березники), Вильгоры, Векшоры (ныне деревня Векшор) [12, с. 236–238].

В «Дневных записках» И. И. Лепехин отметил, что в селе Объяченском (ныне село Объячево) во время празднования дня Ильи пророка «мы имели случай приметить их некоторые суеверные обряды, которые, без сомнения, от времён древнего их богослужения происходят» [12, с. 236]. В этот день местные жители близлежащих деревень собирались в селе Объяченском, складывались и приводили с собой быка или телёнка, «которых они в сей день закалывают и обществом употребляют в снесь». После священного жертвоприношения быка, пророк Илья, по мнению местных жителей, помогал им. И. И. Лепехин отмечал, что «хотя христианское богослужение истребило в них следы бывших при таких приношениях обрядов, однако наверно сказать можно, что их древнее богослужение не разнилось от языческого» [12, с. 237].

Примечательно, что ильинский «быкобой» с середины позапрошлого столетия был отмечен в с. Ношуль, красочное описание которого дано М. Косаревым: «20 июля (2 августа) 1858 года жители, пермяне и пермячки, с раннего утра уже все на ногах: суетятся и хлопочут. Раздаётся благовест к обедне, и крестьяне идут чинно в церковь, разодетые в лучшие наряды свои». После службы все торопятся «колоть скот да мясо варить надо», приносят в жертву первого бычка на праздник Ильи пророка [9, с. 87]. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что с ильинскими жертвоприношениями связана широко известная на Европейском Севере России легенда [1, с. 326], согласно которой, раньше после обедни в Ильин день в церковную ограду приходил ежегодно из лесу олень, его убивали, а мясо варили и раздавали нищим. Однажды олень не пришел вовремя к церкви, и тогда старики вместо него закололи корову. Запоздавший олень, увидев это, убежал в лес. И с тех пор ни разу не приходил. На праздник стали закалывать домашнюю скотину. Образ оленя (лося) являлся некогда символом осенне-зимнего периода календаря, а в хозяйственном отношении означал начало промыслового сезона. Сюжет легенды был призван объяснить законность замены оленя (лося) домашним животным [8, с. 16]. В народной культуре коми (зырян), несмотря на то, что они приняли христианство еще

в конце XIV в., сохранились пережитки языческих верований, отсюда и сохранение жертвоприношений. Так, слудские крестьяне приносили в жертву бычка в Ильин день, но не у церкви, а в д. Зимнинской, где в реку бросали молодых барашков и деньги в качестве жертвы. Изменение пространственной организации жертвоприношения выглядит не случайным, так как выбор реки как место жертвы вполне уместен. Река как пограничье между мирами принимает дар с тем, чтобы в будущем был приплод скота. Жертвенными животными на Ильин день выступали бараны или быки, а на Покров – нетель и овца, что соответствовало полу «святого» [14, с. 85]. Обряд «быкобой» у пермяков был приурочен к престольному празднику св. Флора и Лавра «Проллавер» [13, с. 21]. У вепсов баран и ягненок наряду с быком и нетелью выступали жертвой на праздник в честь святых Ильи, Петра и Павла, Пресвятой Богородицы [4, с. 323]. Этот обычай сохранялся во многих коми селениях вплоть до начала XX века [9, с. 89].

Таким образом, дневниковые записи дают представление о традиционном женском костюме летских коми, праздновании Ильина дня в селе Объячево, а сопоставление материалов, зафиксированных И. И. Лепёхиным, с данными современной науки позволяет проследить динамику изменений интерпретаций культурных явлений.

1. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX – начале XX в. М.: Академия наук СССР, 1958. С. 422.

2. Бойко Ю. И. Традиционные женские головные уборы лузско-летских коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2017. № 1 (29). С. 89–95.

3. Бойко Ю. И., Чудова Т. И. Локальная традиция питания летских коми // Научный альманах «Традиционная культура». 2012. № 2. С. 95–104.

4. Жеребцов Л. Н. Этнокультурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 97–107 (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 38).

5. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2. 687 с.

6. Климова Г. Н. Вышивка летских коми // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1977. С. 49–62.

7. Конаков Н. Д. Календарная символика уральского язычества (бинарный зооморфный код). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1990. 44 с. (Научные доклады. Вып. 243).

8. Конаков Н. Д. От Святков до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 128 с.

9. Конаков Н. Д. Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа / под ред. Н. Д. Конакова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 432 с.

10. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции в 1959 г. // Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф.1. Оп. 13. Д. 48. Л. 102.

11. Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям российского государства : в 4 т. Репринтное издание 1771–1805 гг. СПб.: Альфарет, 2010. Т. III: 1771 г. 416 с.

12. Пантюхин Д. А. Коми-пермяцкий праздник Проллавер с обрядом быкобой // Этнографическое обозрение. М., 2012. № 1. С. 85–101.

13. Сидоров А. С. Идеология древнего населения Коми края. // Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми филиала АН СССР. 1972. № 13. С. 10–23.

УДК 93/94

Деятельность Усть-Сысольской городской думы по урегулированию «оброчных статей» в раннее пореформенное время

В. А. Расов*,

обучающийся 4-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Экономика городов Российской империи в XIX в. складывалась из множества составных элементов и регулировалась думами. Одним из ключевых источников среди доходных статей городов были оброчные статьи. В статье рассматриваются мероприятия городской думы по распоряжению оброчными статьями города Усть-Сысольска. Целью исследования является определение прибыльности для думы уездного города Усть-Сысольска Вологодской губернии распределения оброчных статей среди населения.*

***Ключевые слова:** оброчное содержание, оброчные статьи, торги, городская дума, городское имущество, Усть-Сысольск*

В случае усть-сысольских оброчных статей специальных исследований не было обнаружено, однако некоторые работы по истории города упоминают об этой статье дохода. Так, В. И. Чупров в коллективном исследовании «История Сыктывкара» упоминает об одной из разновидностей оброчных статей – пахотных землях, и подчеркивает их важную роль в формировании бюджета города [2, с. 43]. М. Б. Рогачёв отмечает распределение в оброчное содержание земельных участков, рыболовных мест, земель под заводами, мельницами, кузницами и их небольшую прибыльность [9, с. 54–55, 58–59, 62], но это явление рассматривалось историком поверхностно, данные относились или к 1850–

* Научный руководитель: **Ф. Н. Иванов**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

1860 гг. или к концу XIX в. Исследований оброчного содержания городского имущества Усть-Сысольска в раннее пореформенное время не проводилось.

Оброчные статьи являлись важной составляющей хозяйственной деятельности городских дум. Городские думы владели городским имуществом. Подобные объекты могли приобретаться и отчуждаться по решению думы [1, с. 834]. Под отчуждением понимается передача объекта думой в оброчное содержание частным лицам.

Суть оброчного содержания состоит в том, что имущество передаётся из городского имущества в частное пользование посредством торгов. Выиграв на торгах такой объект и заключив с думой контракт, пользователь имущества мог использовать его для получения прибыли, уплачивая каждый месяц установленную плату, а дума передавала ответственность за содержание объекта пользователю. Таким образом, получалось выгодное для обеих сторон сотрудничество.

Кондиции сводились к установлению периода пользования объектом, требованию целостности и сохранности объектов, режиму работы объектов, полномочиям и обязанностям владельца (городской управы) и содержателя объектов. Кондиции были основой заключаемых между управой и содержателем контрактов.

Согласно объявлениям о торгах, объектами торгового аукциона могли быть огородные участки, места для ловли рыбы, городская важня, рыночные лавки, крытые прилавки для торговли мясом и рыбой, места под лари и столы [5, л. 8–8 об.; 7, л. 5–6 об.; 8, л. 2, 25–25 об.]. Однако торги включали не только оброчные объекты, но и подряды и наймы, которых было больше.

Также стоит отметить, что из всего количества заявляемых объектов некоторые либо не пользовались популярностью на торгах, либо не сохранили торговые листы. Таковыми в исследуемый период были места под лари и столы и крытые прилавки. Однако, например, из росписи бюджета за 1875 г видно, что за оба этих объекта поступила плата либо недоимки, что говорит об их успешной реализации [4, л. 6–15 об.].

Помимо торгов по отдаче имущества в оброчное содержание, городская дума ещё в рамках этих же торгов могла отдавать различные права и привилегии. Например, в 1879 г. на торгах продавалось право сбора при взвешивании 1 коп. с пуда, обычно стоимость взвешивания равнялась 0,5 коп. с 1 пуда. Это право, как показывают данные торгов, было популярно среди людей, потому что это позволяло делать наценку за взвешивание товаров, если те весили хотя бы один пуд [6, л. 15 об. – 16].

За рассматриваемый период, был насчитан 61 уникальный участник торгового аукциона. Из них 38 человек (62,3 %) были мещанами, 13 (21,31 %) – крестьянами и 5 (8,2%) – купцами (без учёта членов купеческих семей). Мещане проявляли ин-

терес ко всем объектам, а купцы и крестьяне были больше заинтересованы в приобретении рыночных лавок. Последние также участвовали в торгах за огородные участки.

Суть любого торга состоит в том, что торгующиеся соревнуются между собой, предлагая и перебивая цены оппонентов. Из этого следует, что количество предложенных цен может говорить о заинтересованности торгующихся тем или иным объектом. Данные, приведенные в следующих таблицах обрывочны, но они позволяют увидеть динамику переменных и сделать выводы как относительно отдельных объектов, так и общие.

Таблица 1

Количество предложенных цен на торгах за оброчное содержание городского имущества в 1876–1881 гг.[10]

Объект \ Год	1876	1877		1879	1880	1881	
		Торг	Переторжка			Торг	Переторжка
15 рыночных лавок	202	-	-	-	45	2	5
Ср. число за 1	13,47	-	-	-	3	0,13	0,33
Городская важня	-	9	10	13	23	17	32
3–4 огородных участка	-	31	53	6	13	-	-
Ср. число за 1	-	7,75	13,25	2	4,33	-	-
13 рыболовных мест	38	33	18	-	-	-	-
Ср. число за 1	2,92	2,54	1,38	-	-	-	-

Как видно из приведенной таблицы, количество предлагаемой за объекты суммы стремительно снижается, что свидетельствует о падении интереса к оброчному содержанию, за исключением городской важни.

С точки зрения общей прибыли, оброчные объекты приносили небольшую прибыль. Например, за 1875 г. из 20 статей обыкновенных доходов 11 статей в сумме принесли 352 руб. 3 ½ коп., что равняется 13,39 % от общей суммы обыкновенных доходов и 6,12 % от всех доходов за год [4, л. 6–15 об.]. Однако доходы от 6 объектов из 10 не соответствовали ожидаемым доходам думы за 1875, что косвенно указывает на невыгодные для управы торги, а учитывая недоимки за прошлые годы, 9 из 10 доходов от объектов были убыточными (11-й объект был отдан путём хозяйственного распределения за 68 руб., которые требовала управа).

Из этого следует, что прибыль с реализации городского имущества падает. Одной из причин такого процесса можно считать сам механизм торга, ведь у торгующихся благодаря торгу была возможность сбить прошлогоднюю цену. Однако в большинстве случаев ситуация исправлялась благодаря переторжке.

Самый большой убыток составили рыночные лавки на торгах в содержание на 1881 год. Это может быть связано с тем, что жители Усть-Сысольска не стремились продавать свои урожаи, а использовали сами. Это объясняет разницу в прибыли с лавок и огородных участков.

Таблица 2

**Прибыль с торгов и переторжек в сравнении
с результатами предыдущих торгов (руб, коп.) [11]**

Объект \ Год	1876	1877		1879	1880	1881	
		Торг	Переторжка			Торг	Переторжка
15 рыночных лавок	79,70	-	-	-	-43,7	0,04	-89,85
Ср. прибыль за 1	5,31	-	-	-	-2,91	0,003	-5,99
Городская важня	-	-7,25	3,05	0	0,5	-36	-3
3–4 огородных участка	-	11,2	24,75	-7,25	8,75	-	-
Ср. прибыль за 1	-	2,8	6,18¾	-2,42	2,92	-	-
13 рыболовных мест	9,80	-4,25	2,6	-	-	-	-
Ср. прибыль за 1	0,75	-0,33	0,2	-	-	-	-

Убыток с распределения лавок был замечен управой, и в своём докладе она указывала, что причиной такого снижения прибыли является наличие лавок у жителей при частных домах. Управа предложила думе решить проблему убыточности лавок двумя способами – обложение лавок при домах налогом на недвижимость и установление минимального порога цен за лавки: №№ 1–10 – минимум 25 руб., №№ 11–15 – минимум 15 руб. [8, л. 22–22 об.]. Такое разделение по ценам было связано с тем, что кондиции позволяли на время Георгиевской ярмарки изъять у содержателя лавку, чтобы отдать её по более выгодной цене. Такое условие заметно снизило спрос на лавки под №№ 11–15. Что касается предложенных мер, то они решают лишь вопрос убыточности, а не увеличения спроса. Более того, из-за установления таких высоких порогов спрос на лавки упадёт еще больше, поскольку, как видно из табл. 2, максимальная средняя прибыль за 1 лавку составила 5 руб. 31 коп. (в 1876 г. из-за отсутствия прошлогодних торгов прибыль фактически равняется доходу), а средняя стоимость лавки, согласно установленным барьерам, составила бы 21 руб. 67 коп., которая отбила бы желание у людей торговаться.

Таким образом, распределение оброчных статей в городе Усть-Сысольске имело тенденцию к снижению прибыльности и популярности оброчного содержания. Механизм торгов в большей мере способствовал снижению прибыли, но вместе с тем привлекал людей более эффективно, чем хозяйственное распределение. Мещане, составлявшие наибольшую часть участников торга, были заинтересованы в объектах, способствовавших получению денежных и натуральных доходов путём выполнения какой-либо работы (городская важня, рыболовные места, огородные участки), а не продажи своей продукции.

1. Городовое положение от 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской Империи, Собрание (1825–1881). Т. 45. Ч. 1: Законы (47862–48529), Закон № 48498. С. 821–839. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=932 (дата обращения: 12.02.2024).

2. История Сыктывкара / под ред. И. Б. Берхина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. 288 с.

3. НА РК, ф. 120, оп. 1, д. 209. 29 л.

4. НА РК, ф. 120, оп. 1, д. 216. 53 л.

5. НА РК, ф. 120, оп. 1, д. 277. 66 л.

6. НА РК, ф. 120, оп. 1, д. 389. 45 л.

7. НА РК, ф. 120, оп. 1, д. 431. 43 л.

8. НА РК, ф. 120, оп. 1, д. 497. 46 л.

9. Рогачёв М. Б. «Столица зырянского края»: Очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX века. Сыктывкар: Коми респ. типография, 2010. 248 с.

10. Составлено автором по: НА РК ф. 120, оп. 1, д. 209. л. 9–20; д.277. л. 14–60; д. 389. л. 11–28; д. 431. л. 10–40; д. 497. л. 6–46.

11. Составлено автором по: НА РК ф. 120, оп. 1, д. 209. л. 9–20; д.277. л. 14–60; д. 389. л. 11–28; д. 431. л. 10–40; д. 497. л. 6–46.

УДК 93/94

История строительства пожарной каланчи в дореволюционном Усть-Сысольске

И. В. Помысова*,

обучающийся 2-го курса магистратуры

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. Заметной достопримечательностью Сыктывкара и неофициальным символом города является историческое здание пожарного депо, находящееся

*Научный руководитель: **О. В. Золотарёв**, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

на углу улиц Советской и Орджоникидзе. Его строительство на месте ветхого деревянного здания пожарного обоза в 1900–1907 гг. на перекрестке улиц, называвшихся тогда Спасской и Покровской, стало значимым средством улучшения противопожарного дела.

Ключевые слова: пожарная каланча, пожарное депо, деревянный город, казначейство

Зачатки организованного противопожарного дела появились в Усть-Сысольске в 1813 г., когда городская дума наняла одного трубочиста. Был заключен контракт с одним из городских мещан, который обязывался, «когда сделается тревога, с поспешностью мчаться на двух собственных лошадях с инструментом на место пожара» [2, с. 215]. Со временем были приобретены сначала одна, а потом ещё две пожарные трубы (ручных насоса), построен пожарный сарай с каланчой. Состояние данного инвентаря было неудовлетворительным. Вот что, например, написал в своём циркуляре 29 июля 1836 г. Усть-Сысольской городской думе и. д. Вологодского гражданского губернатора генерал-майор Д. Н. Болговский: «Градскому главе Новоселову делаю строгий выговор за весьма дурное состояние пожарных инструментов и особенно за то, что среди лета в июле месяце осмелились представить оные начальнику на санях...» [4, с. 125]. Как видим, далеко этот пожарный обоз летом уехать не мог, да и был бы он, мягко говоря, очень медленным. Болговский приказал «нимало немедля устроить пожарные инструменты: а) переменить новыми рукава труб в) поставить оные на колесах и с) иметь четыре бочки для воды и деревянных 20 ведер для воинской команды на пожаре, действующей...» [4, с. 126]. По данным историка М. Б. Рогачева, деревянный город Усть-Сысольск практически не знал масштабных пожаров, самый крупный произошел в 1843 г., когда сгорело восемь домов [5, с. 98].

Решение о строительстве нового каменного здания пожарного обоза с высоким наблюдательным постом и помещениями для служителей было принято городской думой в 1899 г., проект его разработал вологодский архитектор И. И. Павлов. К весне 1900 г. горожане на общественных началах заготовили булыжный камень, кирпич, известь, железо, и в том же году был заложен фундамент. К 1901 г. руководитель строительных работ, известный в Коми крае подрядчик крестьянин Благовещенской волости Н. Г. Кононов и рабочие из Сольвычегодска выстроили помещение для пожарной команды и башню, то есть основной объем здания первоначально был одноэтажным. Пожарная команда переехала в новое помещение сразу же. Теперь с новой прочной и высокой 11-метровой башней малоэтажный Усть-Сысольск должен был просматриваться очень хорошо. На каланче для подачи сигнала тревоги был установлен медный колокол.

К 1907 г. надстроили второй этаж, который сразу же оказался сданным в аренду на 10 лет Усть-Сысольскому уездному казначейству, давшему деньги на

завершение строительства здания. Пожелания казначейства при этом были учтены в полной мере: в кабинете, находящемся прямо под каланчой, для установки тяжелого денежного сейфа был выполнен массивный прочный пол. После 1917 г. помещения второго этажа были постепенно переданы пожарным. В Усть-Сысольске было мало гражданских каменных зданий – на 1910 г. их насчитывалось всего 13 или 1,5 % всех городских строений [5, с. 102], и каланча, естественно, стала самым заметным и высоким из них.

Больших пожаров в дореволюционном Усть-Сысольске после ввода в строй нового здания пожарного депо, как и прежде, не было. Однако, первый из них, к счастью незначительный, случился в самой каланче. Из более серьезных происшествий, о которых городское общество говорило несколько месяцев, стал пожар февраля 1912 г. в доме купца Василия Платоновича Комлина на улице Спасской, где на первом этаже была торговая лавка, а на втором размещался уездный земский съезд. Как записал в своем дневнике А. А. Цембер «...пожар начался с верхнего этажа, где помещался съезд. Так быстро, что ничего из съезда не вынесли. Убытку у Комлина 27000 рублей» [6, с. 40]. Чтобы был понятнее масштаб потерь, тот же А. А. Цембер в 1910 г. произвел ремонт своего дома на 170 руб., приобрел лошадь с телегой и сбруей за 150 руб. [6, с. 41]. Однако взволнованная общественность обсуждала не столько беды купца, сколько странность возгорания в запертом на внешний замок помещении, где хранились документы и деньги, то есть возможное сокрытие следов вероятных коррупционных преступлений. Полиция таких фактов не установила, а пожарные сработали хорошо, отстояв расположенные близко постройки.

Неподалеку от депо находился созданный в 1890 г. в приречной части Усть-Сысольска общественный сад, отданный как не пользовавшийся большой популярностью у горожан на попечение пожарных. Фактически сад представлял собой огороженный небольшим заборчиком луг, где были проложены дорожки и высажены по краям березки и тополя, в центре стояла беседка. Естественно, ответственные хозяйственные лица быстро приспособили пустующую зря территорию для выпаса пожарных лошадей.

До 1975 г. помещения пожарного депо использовалось по первоначальному назначению, на первом этаже сначала была конюшня, а потом – автогараж. В 1975 г. здание было перестроено по проекту архитектора А. Д. Ракина. Из масштабных переделок можно указать следующее: к северной стене сделали большую пристройку, куда вывели гараж, первый этаж исторического здания был приспособлен под служебные помещения, бывшие ворота и главный вход со стороны улицы Советской были переделаны в большие арочные окна, а окна бокового фасада – заложены. Реконструкции подвергли и каланчу – ярус звона вместо восьмискатной крыши с небольшим углом наклона покрытия получил невысокий, но более выразительный шатер с полницами, в центре фасадной ча-

сти башни установили механические часы. Эти часы частенько останавливались из-за наших суровых погодных условий, однако, несмотря на мелкие ремонты, прослужили до конца 1980-х гг., затем потребовался основательный ремонт. Привел в исправность часовой механизм Владимир Константинович Лисин, в то время сотрудник, затем начальник Испытательной пожарной лаборатории УГПС МВД Республики Коми. Почти два года понадобилось В. К. Лисину, чтобы не только отремонтировать, но и обогатить часовой механизм на пожарной каланче светом и музыкой. К часам был подключен магнитофон, в котором на пленке был записан фрагмент музыки из известной всем сыктывкарцам песни «Мой Сыктывкар» коми композитора Якова Перепелицы. Мелодия включалась в 09.00 утра и повторялась в течение 12 часов, когда стрелки показывали наступление очередного часа. Часы заработали в 1992 г. и более 13 лет поражали сыктывкарцев и гостей города своей точностью. Однако к 2006 г. вновь возникла необходимость ремонта пожарной каланчи, в ходе которого на башне был установлен новый часовой механизм. Мелодия на часах осталась прежней, только её запись теперь уже на цифровом носителе стала повторяться каждый час в течение суток. После мелодии цифровая запись громко и четко имитирует бой курантов – количество ударов строго соответствует наступившему часу. В 2009 г. на каланче был поставлен манекен дозорного-пожарника в защитном костюме, прозванный пожарными Яшей.

После реконструкции 1975 г. в здании по-прежнему размещаются боевое противопожарное подразделение (в настоящее время – 11-я пожарно-спасательная часть 1 отряда ФПС пожарно-спасательного гарнизона города Сыктывкара), а также административные подразделения: до реформы противопожарной службы – Управление пожарной охраны МВД РК, музей милиции и пожарной охраны, затем с 2002 г. – Главное управление МЧС по РК. Пожарное депо является объектом культурного наследия народов РФ регионального значения.

1. История Сыктывкара. Сыктывкар, 1980. 287 с.
2. Крутиков А. В. Пожарное депо // Город Сыктывкар : энциклопедия. Сыктывкар, 2010. С. 215–216.
3. Лобанов П. Пожарная каланча г. Сыктывкара // fireman.club. URL: <https://fireman.club/statyi-polzovateley/istoriya-pozharnoy-kalanchi-g-syiktyivkara/> (дата обращения: 01.03.2024).
4. Мельникова А. С. Прогулки по Спасской // Арт. 2016. № 1. С. 125–126.
5. Рогачев М. Б. Столица зырянского края // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников и культуры. [Б.м.; Б.г.]. С. 98–104.
6. Цембер А. А. Дневник / подг. текста, вступ. статья и коммент. Л. П. Рощевской. Сыктывкар, 1997. 190 с.

Просветительская деятельность Усть-Сысольского отделения Великоустюжского Стефано-Прокопьевского братства

Р. О. Исламов*,

обучающийся 1-го курса магистратуры
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Религиозно-общественное братство во имя Св. Стефана Великопермского было создано в Великом Устюге и Усть-Сысольске 26 апреля 1896 г. Главными задачами этого объединения стало миссионерство и управление церковными школами. В статье на основании отчетной документации Братства проведён анализ его влияния на развитие школьного образования в Усть-Сысольском уезде. Особое внимание уделено рассмотрению развития материально-технической и методической базы образовательного процесса в церковных школах как аспекта, который позволяет оценить достижения и проблемы, с которыми сталкивалось братство, и выявить, каким образом были организованы и обеспечены церковные школы уезда.*

***Ключевые слова:** Стефано-Прокопьевское братство, Усть-Сысольский уезд, религиозно-общественная организация, церковно-приходская школа, история образования, народное образование*

Во второй половине XIX в. в сфере образования в Российской империи явно прослеживается увеличение запроса на получение образования в крестьянской среде [1, с. 4]. Об этом свидетельствуют многочисленные крестьянские запросы в органы самоуправления с просьбами об открытии учебных заведений в сельской местности. Процесс открытия земских сельских школ сопровождался рядом финансовых и материально-технических проблем, что приводило к нестабильной работе и закрытию учебных заведений.

Описанные события хронологически совпали с процессом формирования православных братств на Европейском Северо-Востоке России. 26 апреля 1896 г. было создано Стефано-Прокопьевское православное братство, взявшее под свою юрисдикцию Великоустюжский, Никольский, Сольвычегодский, Яренский и Усть-Сысольский уезды и выступившее важнейшим фактором координации просветительской деятельности.

Рассмотрение сущности деятельности Стефано-Прокопьевского братства в рамках организации просвещения на примере Усть-Сысольского отделения является целью настоящей работы.

*Научный руководитель: **О. В. Золотарёв**, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Главными источниками для изучения просветительской деятельности братства является его делопроизводственная и отчётная документация. Так, протоколы заседаний и финансовые отчеты, составленные председателем отделения братства, позволяют осветить принимаемые руководством организации решения в рамках исполнения и расхода бюджета.

В рамках освещения положения ЦПШ уезда особый интерес представляют годовые отчеты «уездного наблюдателя школ». Несмотря на наличие общей структуры отчета, его написание велось в достаточно вольной форме. В тексте отчета составитель, как правило, подробно описывал наиболее впечатлившее его учебное заведение, при этом впечатление могло носить как позитивный, так и негативный характер. Информация о прочих учебных заведениях предоставлялась в формате таблицы или обобщенного текстового описания. Можно сказать, что подобная форма отчётности вносила некоторое влияние личного фактора на организацию процесса просвещения в отдельных случаях. Кроме того, в отличие от губернских отчетов, отчеты «уездного наблюдателя» могут содержать наиболее подробную информацию об образовательном процессе в конкретных учебных заведениях, в силу чего данные источники представляют особый интерес в рамках микроисторических исследований.

Первыми шагами в организации просветительской деятельности братства в 1896 г. становится создание сети церковных школ в уезде, под его юрисдикцию попали церковные и организованные на средства сельских жителей одноклассные школы. Только за 1896–1897 гг. около 20 сельских школ подали прошение о присоединении к числу церковных школ [3, л. 1]. Помимо одноклассных школ, в ведение братства попали две двухклассные: Усть-Сысольская и Пажгинская. К 1903 г. количество церковных школ уезда увеличилось до 45, а в 1910 г. число двухклассных школ было увеличено до трёх путем присвоения данного статуса Нижнеконецкой (Тентюковской) школе [7, л. 8].

Говоря о финансовом обеспечении школ, следует сказать, что, согласно финансовым отчётам братства, на содержание церковных школ Усть-Сысольского уезда из средств Святейшего синода выделялось в среднем 50 тыс. руб. в год. Количество выделяемых средств на содержание отдельно взятой школы определялось в частном порядке на основании ежегодного отчета о состоянии школ «уездного наблюдателя» [9, л. 1]. Оклад учителя церковной школы Усть-Сысольского уезда в 1896–1911 гг. составил 120 руб. в год, а с января 1912 г. он был повышен до 240 руб. в год [8, л. 10]. Важной проблемой церковных школ на протяжении всего периода деятельности братства оставалось обеспечение школ помещениями. Согласно отчету «уездного наблюдателя» за 1914 г., только 30 % церковных школ уезда были обеспечены специализированным помещением, большинство сельских школ продолжали размещаться в арендованных крестьянских избах, арендная плата варьировалась в зависимости от населенно-

го пункта, но в среднем составляла от 60 до 100 руб. в год. В связи с этим фактом на заседаниях братства многократно высказывалось беспокойство со стороны врача Н. А. Бронникова. Им отмечалось, что в большинстве изб отсутствуют базовые бытовые удобства, отмечалась ветхость, сырость, сквозняки, отсутствие доступа к питьевой воде и питанию [6, л. 24].

Помимо этого, в отчетной документации был зафиксирован минимальный объем материально-технического оснащения, который должен был быть предоставлен каждой школе (Книги: Соколов Д. П. Начальное наставление в православной христианской вере, Молитвы заповеди и символы веры, Учение о богослужении православной церкви; А. Г. Баранов Книга для классного чтения; В. С. Гербач Методические руководства для учителей; А. И. Гольденберг Сборник задач и примеров для обучения начальной арифметике; набор тетрадей, краткое руководство к изучению церковного пения, прописи и образцы для рисования, аспидные доски, одна пачка грифелей на школу, одна стопка бумаги на школу, чернильницы, перьевые ручки, карандаши) [4, л. 10].

О недостатке материально-технического обеспечения многократно упоминается в воспоминаниях учеников и преподавателей школ. Например, из воспоминаний Шишкиной Елены Степановны, учившейся в Нижнеконечской (Тентюковской) школе в 1886 г., становится известно, что использование бумаги и чернил в учебном процессе являлось редкостью, при письме чаще использовалась аспидная доска и грифель. Помимо этого, существовала проблема недостатка учебных пособий. Елена Степановна вспоминала, что для преподавания русского языка учителям приходилось составлять азбуки и словари самостоятельно [2, л. 1].

Важнейшим вопросом на протяжении всего существования братства оставалась подготовка квалифицированных преподавательских кадров. Наиболее остро данная проблема проявилась в 1903 г., когда количество подконтрольных школ достигло максимальных размеров.

Обеспокоенность по поводу слабой подготовки преподавателей высказал на заседании братства 17 января 1903 г. председатель А. С. Малевинский. По инициативе Малевинского в том же году для преподавателей церковных школ уезда, не имевших педагогического образования, были организованы курсы на базе Усть-Сысольской школы. Главной задачей курсов обозначалась подготовка учителей к качественному преподаванию светских дисциплин, средняя успеваемость по которым находилась на уровне 3,5–4 баллов.

Успеваемость по дисциплине «Закон Божий и церковное пение» находилась на более высоком уровне – 4,5–5 баллов в среднем [7, л. 9]. Данный факт можно объяснить тем, что, будучи религиозной организацией, братство предоставляло школам преподавателей религиозных дисциплин и активно вела подготовку недостающих кадров. Кроме того, прослеживается наибольшее внимание к изу-

чению религиозных дисциплин в зависимости от выделяемых на изучение предметов часов.

Таблица 1

**Выделяемые часы на изучение предметов в ЦПШ
Усть-Сысольского уезда [7, л. 8]**

<i>Предмет</i>	<i>Выделяемые часы (в год)</i>
Закон божий и церковное пение	150
Русский язык	100
Арифметика	100
Прочие предметы	От 50 до 70

В 1909 г. «уездный наблюдатель» Александр Другов выступил с новой инициативой по улучшению качества образования путем частичного перевода образовательного процесса на коми язык. В своем отчете Другов сообщал, что большинство крестьянских детей уезда плохо понимают русский язык, что затрудняло усваивание программы. Инициатива «уездного наблюдателя» была поддержана председателем отделения братства А. С. Малевинским, однако реализация данного проекта была начата только в 1915–1916 учебном году и не была завершена из-за упразднения братства после Октябрьской революции [5, л. 2–5].

Следует указать при этом, что братство во многом способствовало появлению переводов на зырянский язык книг религиозно-нравственного содержания, что создало определенные предпосылки для развития зырянской литературы, которая стала инструментом дальнейшего религиозно-культурного развития.

Отмечая сложность и противоречивость просветительской деятельности Стефано-Прокопьевского братства и ряд существовавших негативных моментов, связанных в первую очередь со слабой экономической базой, можно отметить положительные факторы. Братство занимало прочное место среди культурно-просветительских организаций уезда. Его активная деятельность имела положительный вклад в повышение уровня образования и культуры среди населения, а также привлекла общественное внимание к православной культуре. Действия, осуществляемые братством в период своего существования, представляют собой опыт объединения определенной части населения с целью решения проблем в сфере просвещения.

1. Бондаренко О. Е. Учебные заведения в Коми крае в конце XIX – начале XX века. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1998. 190 с.

2. Воспоминания заслуженной учительницы Коми АССР Шишкиной Елены Степановны // Архив Тентюковского народного музея.

3. Национальный архив Республики Коми (далее НА РК). Ф-179. Оп. 1. № 4. 66 л.
4. НА РК. Ф-179. Оп. 1. № 11. 50 л.
5. НА РК. Ф-179. Оп. 1. № 316. 31 л.
6. НА РК. Ф-179. Оп. 1. № 343. 32 л.
7. НА РК. Ф-179. Оп. 1. № 364. 23 л.
8. НА РК. Ф-179. Оп. 1. № 381. 20 л.
9. НА РК. Ф-179. Оп. 1. № 444. 25 л.

УДК 93/94

**Система привлечения вольнонаёмных крестьян
на лесозаготовки в первое постреволюционное десятилетие
(на материалах Коми области)**

*П. Е. Лобанова**,
обучающийся 4-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Цель исследования – дать общую характеристику деятельности лесозаготовительных организаций Коми края в деле найма сезонных лесных рабочих в 1918–1928 гг. На основе опубликованного комплекса источников рассмотрены причинно-следственные связи и закономерности изменения системы привлечения трудовых ресурсов на заготовки леса на договорных началах в период военного коммунизма и НЭПа. Оценены примерное количество наемных крестьян, занятых на лесных работах, и масштабы оттока рабочей силы из региона.*

***Ключевые слова:** лесозаготовки, вольнонаемный труд, трудгужповинность и трудгужналог, лесные артели, крестьяне-сезонники, Комилес, лесная отрасль*

Традиционно основным источником денежных поступлений в бюджет крестьянской семьи в северной деревне были неземледельческие заработки, в том числе и лесозаготовки, которые приносили крестьянам почти треть доходов. Занятых на лесных работах в Коми крае в 1899 г. насчитывалось 7 810 чел., уже в 1911 г. число их возросло до 12 320 чел., а в 1912 г. – 15 000 чел. [1, с. 18]. Основной формой найма был договор (контракт) между лесопромышленниками и нанятыми на работу крестьянами, определявший условия и формы оплаты труда. Оформлением контрактов и условий с крестьянами занимались доверенные лесопромышленников (подробнее см.: [7]).

*Научный руководитель: *Г. Ф. Доброноженко*, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Со вступлением России в Первую мировую войну ситуация в лесозаготовительной отрасли серьезным образом изменилась. Из-за нехватки физических и материальных ресурсов в 1916 г. вводится практика принудительного труда местного населения на лесо- и дровозаготовках, гужевого транспорта топлива [10]. Это стало прецедентом для советской власти, использовавшей такой механизм в период «военного коммунизма». Но подавляющее большинство лесных рабочих в дореволюционный период все же трудилось по вольному найму.

В первое постреволюционное десятилетие государство привлекало население на лесозаготовительные работы двумя способами: 1) принудительным или внеэкономическим (через трудгужповинность, трудовые армии, трудгужналог) и 2) вольнонаемным или экономическим. Так, в лесозаготовительный сезон 1921/22 г. местное население к работе в лесу привлекали через трудгужповинности и трудгужналог – 1 % и 8 % от общего числа лесных рабочих соответственно. Вольнонаемное крестьянство составляло 91 % [6, с. 250].

Уездные лесные отделы заключали договоры на заготовку леса и дров с отдельными крестьянами так называемым хозяйственным способом. Основными же лесозаготовителями в первые годы «военного коммунизма» как по количеству занятых людей, так и по объему произведенной продукции были лесные трудовые артели (изначально называемые лесопромышленными трудартелями). Вербовка рабочей силы происходила через заключение коллективного договора и входивших в него отдельных трудовых договоров с лесными артелями и ее членами.

Такая лесная артель, «состоящая, как правило, из членов одной семьи, родственников или соседей», была посредником между лесными рабочими и администрацией, контролировала заготовку и вывозку леса, занималась решением бытовых вопросов на делянках [3, с. 214].

Артели объединялись в уездные союзы (к примеру, в Коми крае существовал Усть-Сысольский лесозаготовительный союз) и были самостоятельными юридическими лицами. Артель начинала официально функционировать лишь после того, как в нее вступит не менее 65 членов. Принимали как мужчин, так и женщин с 17-летнего возраста. Уездные союзы входили в более крупную структурную единицу лесной отрасли губернского масштаба – Двино-Вычегодский бассейновый союз [4, с. 68].

Всего по Яренскому и Усть-Сысольскому уездам в конце 1918 – начале 1919 г. насчитывалось 67 артелей, в которых числилось 5 700 чел. После перехода Печоры под власть Советов в ходе Гражданской войны весной 1920 г. в уезде организуют 20 артелей с общим количеством лесных рабочих в 668 чел. [4, с. 69]. Наибольшее количество артелей и крестьян-заготовителей, как и в дореволюционный период, было за Усть-Сысольским уездом, в чей лесозаго-

товительный союз входило 50 артелей (около 4500 чел. и почти 5000 лошадей) [11, с. 24].

Из-за развернувшейся Гражданской войны в регионе лесные рабочие вместе с лошадьми привлекались для перевозки военных грузов и продовольствия для армии. Недостаток транспортных средств приводил к тому, что заготовленный лес простаивал на делянках. Это вело к серьезным проблемам по выполнению договоров лесными артелями на заготовительный сезон. Возникшие сложности приводили к распаду артелей и потере рабочих, которые уезжали искать работу за пределы Коми края. В зиму 1919/20 г. только из Усть-Сысольского уезда ушло более 1000 лесорубов [4, с. 72–73].

К концу 1919/20 заготовительного сезона перед региональными органами власти встал вопрос о целесообразности дальнейшего функционирования союзов лесных трудовых артелей, на которые была возложена вина за неудовлетворительные результаты заготовок. 19 июня 1920 г. было принято решение об их ликвидации на территории Коми края [6, с. 248].

Поворот к НЭПу, о котором было объявлено на X съезде РКП(б) в марте 1921 г., не мог не затронуть основные формы и методы управления лесной отраслью страны. Назревший вопрос проведения крупномасштабных работ по освоению богатых лесных ресурсов Коми области решали лесозаготовительные организации трех форм: 1) лесные тресты; 2) смешанные (государственно-частные) акционерные общества; 3) различные государственные учреждения.

Лесозаготовительные организации (конторы) и государственно-частные акционерные общества организовывали работу в лесу в 1920-е гг. также через подрядные договоры с артелями местных крестьян-сезонников.

Первым трестом, который начал свою деятельность на территории Коми области, был организованный Государственный Северо-Беломорский лесной трест «Северолес». Уже в 1925 г. Коми облисполкомом и трестом «Северолес» было учреждено лесопромышленное и лесоэкспортное акционерное общество «Комисеверолес», которое позже, в 1926 г., переименовано в трест «Комилес». В следующем, 1927 г. к «Комилесу» были присоединены ранее учрежденные тресты местного значения – «Печорлес» (с 1925 г.) и «Электролес» (с 1926 г.) [1, с. 34–35]. Еще одними важными лесозаготовителями Коми АО с 1922 по 1928 г. были государственно-частные акционерные общества – «Руссанглолес» и «Руссголандлес» [1, с. 34]. Иностраный капитал был допущен советской властью в различные отрасли производства с конкретной целью: восстановить прерванные торговые связи с главным рынком сбыта деловой древесины – Европой. С 1925 г. к лесозаготовкам в области вовлекаются различные государственные учреждения – «Волгокаспийлес», «Пермская железная дорога», Нью-чимский завод, Отдел местного хозяйства и т. д. [12, с. 34].

Важными организациями в деле найма крестьян на лесозаготовки, а также регулирования условий труда и быта на делянках являлись профсоюзы – областное бюро Союза деревообделочников, основанное в декабре 1921 г., и с 1925 г. областной союз «Всероботземлес». Число крестьян-сезонников, состоящих в профсоюзах региона, постоянно росло. В 1924/25 г. в них входило около 10,7 тыс. сезонных лесных рабочих из 20,5 тыс. занятых на лесозаготовке и сплаве [9, с. 3]. А уже в следующий, 1925/26 лесозаготовительный сезон в октябре – 11,4 тыс., в мае – 16,5 тыс. [8, с. 12].

Представляется возможным проследить примерную динамику изменения количества рабочей силы в области по отдельным лесозаготовительным сезонам. В сезон 1923/24 на заготовке и сплаве древесины было занято 23 970 чел., в следующий 1924/25 г. – 28 931 чел. (с 11 266 лошадьми) [2, с. 9]. В 1925/26 заготовительный год на лесных работах с учетом сплава числилось 32 491 чел. В 1927/28 г. в 15 основных лесоорганизациях (из 17) состояло 29 088 чел. (30 % всего взрослого населения области) и на сплаве 12 457 чел. – в общей сумме 41 545 рабочих [5, с. 61]. Но, несмотря на постепенное увеличение количества крестьян-сезонников на лесных работах, наблюдался отток рабочей силы за пределы области, в частности на уральские и архангельские заводы. Так, в 1923/24 г. за Урал ушло 2 450 чел., 1924/25 – 3 940 чел., 1925/26 – 8 тыс. чел. [9, с. 14]. Отчасти Коми область теряла свою рабочую силу из-за позднего начала вербовки, те же агенты с Надеждинского комбината на Урале начинали свою работу в коми деревнях намного раньше [8, с. 10].

Таким образом, принудительный труд в процентном соотношении в первое постреволюционное десятилетие был довольно низким – превалировал вольнонаемный, сезонный труд. Основной способ кооперирования лесных рабочих-сезонников через артели использовался в советской практике на протяжении всего первого постреволюционного десятилетия. Крупные лесозаготовительные организации видоизменялись из-за активного развития лесной отрасли региона и смены политико-экономической обстановки в стране.

В сезон 1925/26 г. удалось достичь довоенные (1913 г.) показатели по заготовке экспортного леса, что говорит об эффективном применении вольнонаемного труда в первое постреволюционное десятилетие. Но со второй половины 1920-х гг. возможности увеличения объемов лесозаготовок для решения основных задач появившейся лесной промышленности за счет добровольного привлечения рабочей силы местного крестьянства (при почти полном отсутствии механизации лесозаготовок) были практически исчерпаны.

1. Бондаренко О. Е., Князева Г. А., Турубанов А. Н. Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкарский лесной институт, 2004. 183 с.
2. Давыдов В. Н. Из истории развития лесной промышленности автономной области Коми (зырян) в 1921–1925 гг. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 6. С. 3–12.
3. Доброноженко Г. Ф. Складывание системы принудительного труда крестьян-сезонников в лесозаготовительный сезон 1929/30 года (по информационным сводкам отделов ОГПУ Европейского Севера России) // Двадцать девятая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина / отв. ред.: О. А. Сотникова, Н. Н. Новикова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. С. 212–219.
4. Иванов Н. Д. Первые шаги к социализму. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 96 с.
5. Из резолюции по отчету бюро обкома ВКП(б) на III пленуме обкома – По итогам лесозаготовок за 1927–28 г. 1–9 июня 1928 г. // Лесная промышленность Коми АССР : сборник документов, 1917–1960. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 6–62.
6. Лесная промышленность Коми АССР : сборник документов, 1917–1960. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 294 с.
7. Лобанова П. Е. Организация лесозаготовок в Коми крае в дореволюционный период // StudArctic Forum. 2023. Т. 8. № 4. С. 77–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-lesozagotovok-v-komi-krae-v-dorevolyuetsionnyu-period> (дата обращения: 20.01.2024).
8. Ляпунов М. Промышленность, лесозаготовки и труд Коми автономной области за 1924–25 год // Коми му – Зырянский край: экономический и краеведческий журнал / Областной исполнительный комитет Автономной области Коми; Общество изучения Коми края. Усть-Сысольск: Тип. Коми изд-ва, 1926. № 12. С. 3–12. URL: <http://elib.komisc.ru/uploads/books/Komi-mu-1926-12/50/index.html> (дата обращения: 10.02.2023).
9. Неволин А. Труд и быт лесорубов Коми области в сезон 1924–1925 года // Коми му – Зырянский край: экономический и краеведческий журнал / Областной исполнительный комитет Автономной области Коми; Общество изучения Коми края. Усть-Сысольск: Тип. Коми изд-ва, 1925. № 8. С. 1–11. URL: <http://elib.komisc.ru/uploads/books/Komi-mu-1925-9/files/assets/basic-html/index.html#48> (дата обращения: 10.02.2023).
10. О привлечении населения к гужевым перевозкам продовольственных грузов и топлива. 16 февраля 1916 г. URL: <http://illuminats.ru/home/29-new/4609-russian-empire> (дата обращения: 19.07.2023).
11. Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг. : сб. докл. и материалов / сост.: В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск: Карел. НЦ РАН; НАРК, 2005. 442 с.

12. Экономическая хроника: Итоги лесозаготовительных операций 1925–26 операционного года // Коми му – Зырянский край: экономический и краеведческий журнал / Областной исполнительный комитет Автономной области Коми; Общество изучения Коми края. Усть-Сысольск: Тип. Коми изд-ва, 1926. № 12. С. 34–40. URL: <http://elib.komisc.ru/uploads/books/Komi-mu-1926-12/50/index.html> (дата обращения: 10.02.2023).

УДК 93/94(908)

Создание топливно-энергетического комплекса на Европейском Северо-Востоке как градообразующий фактор

С. Н. Михайлова*,
обучающийся 1-го курса магистратуры
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье рассматриваются процессы становления топливно-энергетического комплекса на Европейском Северо-Востоке как градообразующий фактор. В первой половине XX в. Республике Коми удалось в экстремальных условиях создать уникальный комплекс по добыче полезных ископаемых. Основная часть строительства топливно-энергетического комплекса совпала с периодом Великой Отечественной войны, когда резко возросли нужды фронта.*

***Ключевые слова:** история Европейского Северо-Востока, история Республики Коми*

В XX в. был накоплен уникальный опыт создания и организации газовой, нефтяной, угледобывающей промышленности в экстремальных условиях. В годы Великой Отечественной войны при разрушенных экономических связях между регионами наблюдалась масштабная мобилизация и активизация внутренних резервов и ресурсов, направленная на строительство и введение в эксплуатацию новых шахт по добыче угля, нефти и газа, поиска новых месторождений. Города Республики Коми в годы Великой Отечественной войны находились в стадии становления, но при этом вносили весомый вклад в победу нашей страны. В военные годы северные города Республики Коми возникли как центры стратегического сырья для государства.

Развитие угледобывающих предприятий в Воркуте началось ещё в 1936 г., когда было принято решение о строительстве первой мощной шахты № 1 «Капитальная» в Воркуте. К 1940 г. в Воркуте было построено ещё четыре шахты, общая производительность которых превышала миллион тонн угля в год. 12

*Научный руководитель: **Л. А. Максимова**, канд. ист. наук, доцент, директор Института истории и права, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

февраля 1942 г. СНК СССР принял Постановление «О развитии добычи воркутинских углей и обеспечении их вывозки» [7, с. 320]. Это постановление предусматривало значительное расширение строительства шахт в Воркуте и Инте, увеличение добычи угля, намечался ряд мероприятий по организации бесперебойной работы Северо-Печорской железной дороги.

Строительство трёх новых шахт мощностью в 900 тысяч тонн началось в 1942 г., а две шахты мощностью в 680 тысяч тонн угля в год уже вступили в эксплуатацию. 22 октября 1942 г. заработала шахта № 1 «Капитальная», мощностью 750 тысяч тонн угля в год. В этом же году завершилась реконструкция первой опытной шахты № 1–2, её производительность выросла до 500 тысяч тонн угля. Шахты № 5 и 6, заложенные ещё в 1941 г., дали первые тонны угля [1, с. 270]. За первые полтора года войны проектная мощность шахт увеличилась в 4 раза, что составило порядка 2 млн тонн. На территории комбината «Воркутауголь» началось строительство 18 шахт общей мощностью 5 млн 400 тысяч тонн и сдано в эксплуатацию 11 шахт с суммарной годовой проектной мощностью 2 млн 630 тыс. тонн. За 1942–1943 гг. мощность воркутинских шахт увеличилась на 1780 тонн, что составляло 85,5 % всех мощностей, введенных в Воркуте с 1932 по 1949 г.

За предвоенные и военные годы в Воркуте было построено 12 угольных шахт, добыто 7,8 млн тонн высококачественного угля, большая часть которого была вывезена за пределы Республики на нужды фронта.

Широкое развитие в 1941–1945 гг. получили механизация трудоемких процессов добычи угля и применение горно-шахтного оборудования, облегчающего труд горняков, работающих в очистных и подготовительных забоях. В 1940 г. в единственной в то время шахте № 8 было только семь врубовых машин, а в 1945 г. на шахтах комбината было уже 68. В 1945 г. было добыто угля в 11,3 раза больше, чем в 1940 г. В марте 1944 г. Воркутстрой преобразован в комбинат «Воркутауголь». Таким образом, в военные годы был создан солидный производственный потенциал – основа градообразования Воркуты.

Строительство первых шахт в г. Инте возлагалось на плечи Воркутстроя. Вместе с началом Великой Отечественной войны на реке Инте разворачивается масштабное строительство шахт: на Первом горном строятся три шахты: № 1, 2, 3, на Втором – пять: № 4, 6, 7, 8 и 10. Каждая из шахт имеет мощность от 100 до 150 тысяч тонн угля в год. Неглубокие «микрошахты» строились с целью наиболее быстрого получения угля.

Из шахт Первого горного района шахта № 3 первой начала давать уголь. Шахты № 1 и 2 начали давать уголь только в 1946 г. В декабре 1943 г. с шахты № 4 был отгружен первый сверхплановый эшелон угля для осажденного Ленинграда. Знаменательным событием стройки было образование самостоятельного предприятия «Интастрой» 1 января 1942 г.

Первый уголь с шахт «Интастроля» был получен в 1942 г. За этот год было добыто 53 тысячи тонн угля. Однако вывоз угля состоялся лишь 15 октября 1943 г. В конце первого полугодия 1943 г. в эксплуатацию были введены шахты № 6, 7, 8 и 3 общей производительностью 200 тысяч тонн угля в год. Приемка шахт проводилась комиссией из 13 человек, председателем которой был И. С. Гузанов. Срок эксплуатации шахт предполагался полтора-два года, потому как размеры шахтных полей были невелики. Запасы угля для шахты № 6 составляли 150 тысяч тонн; для шахты № 8 – 155 тысяч тонн; для шахты № 7 – 160 тысяч тонн [4, с. 95]. Государственный план угледобычи был выполнен с превышением уже в первый месяц после введения в эксплуатацию шахт: шахта № 3 – на 110 %, шахта № 6 – на 108 %, шахта № 7 – на 128 % и шахта № 8 – на 108 % [4, с. 95].

Уже в августе 1943 г. в докладной записке политотдела «Интастроля» за 1943 г. говорится о том, что для районов и шахт были открыты фронтовые счета сверхплановой добычи в фонд Главного командования Красной армии. Первые тысячи тонн сверхплановой добычи угля были занесены в счета: по шахте № 1 – 152 тонны; по шахте № 2 – 128 тонн; по шахте № 3 – 1044 тонны; по шахте № 4 – 359 тонн; по шахте № 6 – 1610 тонн; по шахте № 7 – 584 тонны; по шахте № 8 – 646 тонн; всего по строительству 5400 тонн [4, с. 96].

По итогам работы «Интастроля» за 1944 г. было выполнено: добыто 278388 тонн угля против плановых 250 тысяч тонн, проходка составила 18557 вместо плановых 135000 метров – 137 %; отгрузка планировалась 195000 тонн, в результате составила 210068 тонн. Качество угля выдержано. Пробурено 5538 погонных метров, разведано четыре шахтных поля [4, с. 113]. В течение всего 1944 г. медленно шло строительство шахт-новостроек № 1, 2, 4, 9. Сильно ощущался недостаток рабочей силы, из-за чего и тормозилось строительство и ввод в эксплуатацию новых шахт. Параллельно с добычей угля на шахтах № 3, 6, 7 и 8 на Инте строилось ещё пять шахт: № 1, 2, 5, 9, 10, и одна на Кожиме. Кроме того, строилась вторая очередь ТЭС и предстояло заложить шахты № 11, 12, 13, 14. Наряду с выполнением плана по добыче угля главная задача «Интастроля» заключалась в ликвидации отставания в строительстве шахт-новостроек.

Итогами 1945 г. является освоение всеми эксплуатационными шахтами своих проектных мощностей. Добыча угля составила 118 % плана, или 412113 тонну угля, отгружено 112 % плана, или 308776 тонн, горнопроходческие работы были выполнены на 105 %. На 1 января 1946 г. общая заданная мощность шахт «Интастроля» составляла 460 тыс. тонн [4, с. 119].

Война застала Ухту на пике развития промышленности. Однако с началом войны резко сократились капитальные вложения в развитие промышленности, были приостановлены строительство заводов, в том числе нефтеперерабатыва-

ющего и цементного, также и геологоразведочные работы. Добыча нефти сократилась, месторождения, которые были открыты ещё в 1930-х гг., не могли удовлетворить потребность в топливе, которая постоянно росла. Впервые в СССР в Ухтинском районе (пос. Ярега) были сооружены шахты для добычи тяжелой нефти [5, с.94]. На ярегские шахты легла основная нагрузка по добыче нефти. Недостроенная шахта № 1 увеличила добычу практически в два раза в 1942 г. К концу 1943 г. шахте № 1 и её работникам удалось достичь проектной мощности – 125 тыс. тон в год, и она стала самой крупной шахтой в мире на тот момент. В 1944 г. Ярегское месторождение перешагнуло 100-тысячный рубеж – 80 % от нефтедобычи Коми АССР. Одновременно нефть добывалась и на шахте № 3, где добыча с начала войны к 1944 г. увеличилась в три раза. Добыча тяжелой нефти также выросла в три раза. За время Великой Отечественной войны шахты Яреги увеличили добычу нефти в 10 раз. Ярегская нефть активно использовалась на нефтеперерабатывающем заводе. Военные годы позволили увеличить переработку нефти на 210 %, нефтяниками было добыто около 550 тонн нефти, что позволило увеличить производство лакового битума [3, с. 50].

Первое газовое месторождение в Коми АССР было открыто ещё в 1935 г., расположено к юго-востоку от Ухты. Его промышленная разработка началась только в 1942 г. Вскоре добыча газа в Седьельском месторождении стала первым в Советском Союзе газовым промыслом. Активно газовая промышленность стала развиваться лишь в годы Великой Отечественной войны. Были открыты и новые месторождения газа: в 1943 г. – Войвожское, а в 1945 г. – Нибельское. В Ухтинском районе к началу войны уже было пробурено около 12 тыс. метров скважин, в 1942 г. количество увеличилось на 7 тысяч, а в 1943 г. прибавилось ещё около 4 тысяч метров скважин. В 1943 г. ресурсы Седьельского месторождения были исчерпаны на 1/5 [2, с. 228]. В период с 1941 по 1951 г. в Коми АССР был создан газовый промысел, построены первые газопроводы.

В условиях военного и послевоенного времени удалось наладить промышленное производство технического углерода – термической, печной и канальной сажи. Накануне войны было принято Постановление Совета народных комиссаров № 2607 «О мероприятиях по увеличению производства газовой сажи», где говорилось о необходимости строительства в Ухте завода газовой сажи, мощность которого составит 12 тонн сажи в год, а также предусмотреть строительство газопровода Крутая – Ухта, пропускная способность которого составит 1 млрд кубометров в год. Окончатся работы по строительству завода и газопровода должны были к середине 1942 г. С 1941 г. в «Ухтижемстрое» создается управление по строительству газопровода и сажевых заводов [6, с. 98]. По планам капитальных работ в 1941 г. уже должны быть введены в эксплуатацию три сажевых завода, заложено 10 фундаментов сажевых заводов. Первый в стране газовый промысел был официально оформлен 12 июля 1941 г. приказом

№ 296 по «Ухтижемстрою» «Об организации Крутянского газового промысла» [2, с. 230].

С 1944 г. общий размер добычи нефти стал быстро увеличиваться за счет тяжелой нефти, удельный вес которой в добыче достиг 91,3 % в 1945 г. Ухтинский нефтеперегонный завод за годы войны расширил ассортимент выпускаемой продукции. Теперь здесь налажено производство не только керосина, бензина, но и машинного масла, автола, смазочного мазута, солидола и нигрола. Продукция завода шла на фронт, но также её часть уходила и на хозяйственные нужды страны.

За годы Великой Отечественной войны был создан новый газовый промысел, который включал в себя 58 эксплуатационных скважин, которые полностью удовлетворяли потребность сажевых заводов. Все заводы превысили проектную мощность в 1945 г. и дали в 1945 г. 6 тысяч тонн сажи. Газовиками было добыто около 1 миллиарда, 514 миллионов кубометров газа и более 15 тысяч тонн сажи [6, с.122].

Годы Великой Отечественной войны стали основополагающими для нефтедобывающей и газодобывающей промышленности в Коми АССР. Ухтинский район превратился в один из районов добычи нефти и основной район производства газовой сажи. В короткие сроки на территории Коми удалось наладить нефтедобычу и её переработку, добычу газа, угля. Быстрыми темпами шло строительство заводов и создание рабочих мест для людей. В период войны была введена в строй нефтешахта № 1, которая на тот момент была первая в Советском Союзе и самая крупная из известных шахт.

1. Воркута – город на угле, город в Арктике. Респ. экологический центр по изучению и охране восточно-европейских тундр / отв. ред.-сост. д. б. н. М. В. Гецен. 2-е доп. и перераб. науч.-популяр. изд. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2011. 512 с.

2. Историко-культурный атлас г. Ухты / ред.-сост. И. Д. Воронцова. Ухта, 2009. 507 с.

3. Канева А. Н. Нефть и газ Севера – фронту. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1972. 96 с.

4. Малофеевская Л. Н. Город на Большой Инте. Сыктывкар, 2004. 390 с.

5. Максимова Л.А. Последствия индустриальной модернизации на Европейском Северо-Востоке // Известия Коми научного центра Уро РАН, 2018. №1(33). С. 94–102.

6. Нефть и газ Коми края : сб. документов и материалов / сост.: В. Д. Захаров, А. Н. Козулин. 2-е изд., доп. и перераб. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 122 с.

7. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1962. Т. 2. 543 с.

«Вуктыл – не тыл, а передовая!» – строительство газопровода «Сияние Севера»

К. Н. Канева*,

*обучающийся 2-го курса магистратуры
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар*

***Аннотация.** В статье представлена история открытия Вуктыльского газоконденсатного месторождения и строительство газопровода «Сияние Севера». В феврале 1968 г. стройка была объявлена Всесоюзной коммунистической, более 80 % от числа рабочих там трудилась молодежь.*

***Ключевые слова:** Вуктыл, газопровод, строительство, молодежь, природный газ, конденсат*

В июле 1966 г. на страницах газеты «Ухта» была опубликована новость о геологической команде из Ухты, которая открыла новое газоконденсатное месторождение на территории Коми АССР. Это находка стала первым звучным упоминанием о месте под названием Вуктыл.

Первые сведения о наличии геологической структуры вуктыльского газа приуральского района Коми АССР были получены еще в 1933 г. от геолога Т. А. Добролюбовой.

Геологи и буровики продолжали работу в течение двух лет, и в результате испытаний скважин № 3 и № 10 на нижневуктыльской площади были обнаружены мощные фонтаны газа с дебитом в 507 тыс. м³/сут. и 600 тыс. м³/сут. [6, с. 15].

24 июля 1966 г. разведочная скважина № 21 на Вуктыле произвела невероятно сильный выброс газа с суточным дебитом около 1 млн куб. м. Геологи из Ухтинского территориального геологического управления и треста «Войвожнефтегазразведка» оценили потенциальные запасы месторождения «Вуктыл» в пределах освещенной скважинами глубины, которые составляют около 180–200 млрд куб. м.

Полученные данные о бурении и объемах суточного дебита скважин подтвердили перспективы данного месторождения и дали основание для того, чтобы приступить к дальнейшей возможной промышленной разработке и поставке газа в центральную часть страны [1, с. 76].

В ноябре 1966 г. коми филиалом ВНИИГаз был утвержден проект разработки данного месторождения, составленный на основе проведенного исследова-

* Научный руководитель: Л. А. Максимова, канд. ист. наук, доцент, директор Института истории и права, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

ния. Также в это время было принято решение о поэтапной эксплуатации Вуктыльского месторождения до полного истощения его запасов. Страна остро нуждалась в необходимости большого количества газа.

10 мая 1967 г. Совет министров СССР принял постановление № 404, касающееся усиления геологоразведочных работ на добычу природного газа на месторождении Вуктыльском в Коми АССР, а также строительства магистрального газопровода, связывающего это месторождение с центральными и северо-западными районами страны. Это решение было обусловлено огромными запасами газа, высокими объемами его добычи, близостью месторождения к промышленным объектам Европейского Севера и центральных регионов страны, а также серьезным дефицитом топлива в стране [4, с. 111].

Магистральный газопровод был назван «Сияние Севера», и его прокладка началась 3 марта 1967 г., несмотря на то, что разведочные работы на месторождении еще не были завершены и запасы газа не были полностью подтверждены.

Первый этап работ включал в себя установку двух разных по диаметру участков газопровода. Первый участок протяженностью 1020 мм был проложен от Вуктыла до Ухты, а второй участок диаметром 1220 мм был проложен от Ухты до Торжка. Общая длина газопровода составляла 1388 километров [5, с. 20].

В феврале 1968 г. строительство газопровода было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой и сыграло значительную роль в жизни молодежи из разных уголков нашей страны. Этот проект стал своего рода школой жизни для сотен юношей и девушек, которые приняли участие в его реализации. Молодежь строила не только газопровод, а также жилье, впоследствии появился и город. Лозунг «Вуктыл – не тыл, а передовая!» лучше всего отражал дух того времени. Работы велись одновременно на четырех ключевых строительных объектах: обустройстве газоконденсатного месторождения в Вуктыле, строительстве газоперерабатывающего завода в Сосногорске, прокладке газопровода Вуктыл – Ухта – Торжок и создании конденсатопровода Вуктыл – Ухта.

Газопровод Вуктыл – Ухта – Торжок был построен в короткие сроки. Строительство планировалось в течение 36 месяцев, однако благодаря уникальному трудовому подвигу людей, воспитанных в атмосфере социалистической конкуренции, результата удалось достичь всего за 18 месяцев [3, с. 1].

20 апреля 1969 г. газ с Вуктыла достиг своей цели, он поступил на Череповецкий металлургический комбинат. Отводы от газопровода были проложены до Котласа, Сыктывкара, Вологды и даже Рыбинска, а через Торжок продолжили свой путь в Новгород и Ленинград. В газете «Правда» 14 апреля 1969 г. была опубликована заметка, посвященная успешному запуску газопровода до Рыбинска.

Рис. Ми-6 привез очередную партию новоселов и стройматериалов [5]

В течение своего долгого существования Вуктыл предоставил стране впечатляющие объемы природного газа и конденсата. Общий объем поставок превысил 400 млрд куб. метров газа и более 55 млн тонн конденсата. Однако разработка месторождения велась с приоритетом на истощение ресурсов, и поэтому неизбежны были и значительные потери конденсата. Более 100 млн тонн до сих пор просто остаются в пласте недоступными для извлечения. В настоящее время Вуктыльское месторождение характеризуется высоким процентом добычи газа – около 85 %, что объясняется его уменьшающимся пластовым давлением. Однако по магистрали «Сияние Севера» до сих пор продолжает идти газ.

1. Воронцова И. Д. Историко-культурный атлас г. Ухты: Из истории газовой промышленности. URL: <http://atlas.ukhta-lib.ru/из-истории-газовой-промышленности> (дата обращения: 04.03. 2024).

2. К истокам газовой индустрии: Газпром Трансгаз Саратов. URL: <https://saratov-tr.gazprom.ru/about/history/70-let-gazoprovodu-saratov-mo/k-istokam-gazovoj-industrii/> (дата обращения: 07.03.2024).

3. Кортунов А. К. Газовая промышленность СССР. М.: Недра, 1967. 322 с.

4. Кортунов А. К. Годы крутого подъема. М.: Гостоптехиздат, 1961. 51 с.

5. Ми-6 привез очередную партию новоселов и стройматериалов // Фото из открытых источников. URL: <https://www.gazprom.ru/press/media/2010/vyktul-deposit/> (дата обращения: 08.03.2024).

6. Седых А. Д. История развития газовой промышленности. М.: ИРЦ Газпром, 2004. 282 с.

Политические процессы в городе Сыктывкаре в 1980–2000 годах

*А. М. Ракина**,

*обучающийся 2-го курса магистратуры
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар*

Аннотация. В статье представлены промежуточные итоги исследования политических процессов, происходивших в Сыктывкаре в указанный период, и их влияние на социальную и экономическую сферы города.

Ключевые слова: политические процессы, демократизация, смена власти, политические движения

Политические процессы в городе Сыктывкаре в период с 1980–2000 годов оказались настоящей прорывной эпохой для этого небольшого северного города России. В то время как страна во многом была охвачена перестройкой и переходом к демократии, Сыктывкар стал свидетелем уникального политического развития, которое выделяло его среди других городов Севера.

В начале этого периода, в 1980-е годы, Сыктывкар являлся одним из центров неофициального движения диссидентов, которое стремилось к свободе самовыражения и демократическим изменениям. Именно здесь формировались гражданские общественные организации, которые занимались защитой прав человека, свободой слова и политической активностью.

Одним из ключевых событий, влияющих на политические процессы в Сыктывкаре, стало назначение нового руководства города в начале 1980-х годов. Это было время, когда многие местные жители выразили свою неудовлетворенность проводимой политикой в области управления и требовали перемен. Новое руководство привнесло свежий ветер перемен в городскую политику, внедряя новые идеи и подходы к управлению.

Основной фокус нового руководства был направлен на экономическое развитие города и повышение жизненного уровня местных жителей. В этот период было затрачено значительное количество усилий на развитие инфраструктуры города, создание новых рабочих мест и поддержку малого бизнеса. В результате, Сыктывкар стал одним из центров экономического развития Северного региона.

Однако политические процессы в городе не ограничивались только экономическими изменениями. Сыктывкар стал площадкой для развития гражданского общества и свободных политических движений. Местные жители активно

* Научный руководитель: *Д. И. Пинаевский*, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

выражали свои мнения и принимали участие в демонстрациях, митингах и выборах. Было создано множество новых организаций и союзов, которые открыто выступали за права и интересы граждан.

В начале 1990-х годов Сыктывкар, как и вся Россия, стал свидетелем крупных политических изменений. Распад Советского Союза привел к появлению новых политических партий и организаций, участие которых в деле управления городом стало заметным. В этот период проводились первые демократические выборы, на которых были избраны новые городские руководители [1].

Однако, процесс демократизации в городе был далеко от гладкого. Различные политические силы боролись за влияние и власть, что иногда приводило к конфликтам и напряженным ситуациям. Противостояние различных политических партий и группировок нередко приобретало конфликтный и острый характер.

К концу 1990-х годов, в связи с укреплением демократических институтов, политическая жизнь города начала становиться более устойчивой и предсказуемой. Партии и политические движения стали больше сотрудничать друг с другом и работать в интересах города. Общество стало более осознанным и активным политическим игроком, выражая свои интересы и требования через демократические механизмы.

В конце 1990-х и начале 2000-х годов в Сыктывкаре происходили активные политические борьбы и противоборства. На фоне нарастающей агрессивности и политических противоречий на федеральном уровне, граждане Сыктывкара выступали за укрепление гражданского общества и обеспечение разнообразия политических мнений [2].

В этот период в городе также происходили смены власти и формировались новые политические движения и партии. Политические лидеры Сыктывкара активно участвовали в выборах и проводили публичные дебаты, рассматривая насущные проблемы города и его обитателей.

Кроме того, Сыктывкар стал площадкой для проведения митингов и акций протеста, связанных с политическими событиями как в городе, так и в стране в целом. Граждане активно выступали за свои права и свободы, требуя ответственности политических деятелей и обеспечения справедливости.

Политические процессы в городе Сыктывкаре в период с 1980 по 2000 годы оказали значительное влияние на его социально-экономическую сферу. Анализ системы управления, политических событий, экономической политики, роли политических лидеров и их влияния на общество позволяет более глубоко понять особенности и динамику политической жизни Сыктывкара в указанный период [3].

В целом, период с 1980–2000 годов стал вехой в политической истории Сыктывкара. Город стал примером успешного политического и социального

развития, смог положительно повлиять на экономику региона, а также создать условия для активного участия граждан в политической жизни. Политические процессы, произошедшие в этот период, оставили яркий след и продолжают влиять на современную политическую ситуацию в Сыктывкаре. Исследование этих процессов важно для понимания изменений, происходивших в политической и социальной сферах Сыктывкара в указанный временной период.

1. Нестерова Н.А. Государственная национальная политика в Республике Коми в конце 1980-х – 1990-е годы. Сыктывкар, 2000. 26 с.

2. Ковалев В.А. Поставторитарный синдром в регионе (Опыт республики Коми в контексте “путинского федерализма”). Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 95–103.

3. Канев А.М. Опыт суверенизации в Республике коми в первой половине 90-х годов: экономический, политический, правовой и культурные аспекты // Человек. Культура. Образование. 2014. №3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-suverenizatsii-v-respublike-komi-v-pervoy-polovine-90-h-godov-ekonomicheskiiy-politicheskiiy-pravovoy-i-kulturnye-aspekty> (дата обращения: 01.12.2023).

УДК 394.21

Сохранение национальных традиций народов, проживающих на территории Республики Коми (на примере Белорусской национально-культурной автономии)

С. А. Ивашева*,

обучающийся 2-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные форматы деятельности национально-культурной автономии по сохранению языка и национальной культуры белорусов, проживающих на территории Республики Коми.*

***Ключевые слова:** национально-культурная автономия, форматы деятельности, белорусы в Республике Коми, национальные традиции, праздничная культура*

Особенности народа складываются из языка, традиций, обычаев. Без сохранения традиций не будет культуры народа, не будет самого народа. В условиях, где народ проникает в чужую культуру, может произойти ассимиляция – потеря одной частью социума своих отличительных черт и их замена позаимствован-

*Научный руководитель: **Л. А. Максимова**, директор Института истории и права, кандидат исторических наук, доцент, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

ными у другой части, которая является естественным процессом, из-за которого может произойти такое явление, как исчезновение целого народа [1]. С целью сохранения самобытной традиционной культуры каждого народа в Российской Федерации в 1996 г. были образованы национально-культурные автономии.

Национально-культурные автономии – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов [2].

9 ноября 2022 г. вышел Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5], согласно которому государственная политика должна быть направлена на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Ведь традиционные ценности являются одной из главных составляющих культуры народа, так как это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, лежащие в основе единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство.

Таким образом, целью данной работы является выявление форматов деятельности национально-культурной автономии белорусов в Республике Коми по сохранению национальных традиций.

Работа основана на анализе широкой группы источников, включающая в себя периодическую печать, делопроизводство, рекламные материалы.

Белорусская национально-культурная автономия была образована 4 апреля 1997 г. Инициатором создания стал Аркадий Степанович Крупенько – политический и общественный деятель Коми. Стоит сказать несколько слов о том, почему была создана общественная организация. По мнению А. С. Крупенько, одной из причин создания Белорусской национально-культурной автономии явился распад Советского Союза, поскольку у некоторых белорусов, проживающих в Коми, возникла трудность вернуться на историческую родину, особенно у людей пожилого возраста. Представляется, что многие белорусы, большую часть жизни прожившие в Коми, не намеревались возвращаться. У них сформировались социальные связи в местном социуме, и территория, где они провели детство, учились, обрели семьи, работу, ассоциировалась с малой родиной. По статистическим данным, в Республике Коми в 1992 г. проживало почти 27 тысяч белорусов, за 10 лет их количество снизилось, но тем не менее составля-

ло ещё 15 270 человек [3, с. 72]. Поэтому и была необходимость в создании национально-культурной автономии.

Со времени создания общественной организации прошло четверть века, но с каждым годом автономия становилась больше и сильнее. Так, в 1998 г. был создан народный хор «Купалинка», который стал визитной карточкой национально-культурной автономии. Стоит отметить, что костюмы для хора были выделены Республикой Беларусь, в частности от Минского автозавода [4, с. 334]. И хор «Купалинка» до сих пор дает концерты в Республике Коми, принимает участие на фестивалях международного масштаба, причём большая часть песен исполняется на белорусском языке. Например, в сентябре 2023 г. хор «Купалинка» в составе делегации из Республики Коми принимала участие на IV Фестивале искусств белорусов мира, которую возглавляла Галина Александровна Сизых – председатель Белорусской национально-культурной автономии.

По приезду на незнакомую землю со временем начинает утрачиваться своя, родная культура. Но благодаря автономиям возможно сохранение и дальнейшее развитие культуры и языка.

Отмечают такие национальные праздники, как: День единения народов Белоруссии и России 2 апреля, День независимости Белоруссии 3 июля, но одним из самых любимых является «Дожинки» – праздник урожая. Это связано с окончанием сельскохозяйственных работ, когда дожинается последний сноп зерновых. В Республике Беларусь этот праздник отмечается с большим размахом. И в Республике Коми так – организуют выставку урожая, проводят концерт с танцами и плясками. Кроме этого, проводятся мастер-классы по вышивке, вытынанке – процесс вырезания кружевных узоров из бумаги, валянию шерсти в рамках проекта «Живая крыніца». Несмотря на то что некоторые мастер-классы не имеют прямого отношения к культуре белорусов, их особенностью является то, что при изготовлении поделок людей учат белорусскому языку. Кроме этого, реализуется проект «ЭтноТема: пять вечеров», в рамках которого представители национально-культурной автономии выезжают в школы, университеты и знакомят с белорусской культурой, языком, проводят мастер-классы, например по белорусскому танцу. Благодаря организованному общению земляков формируется устойчивое использование белорусского языка, сохраняется самобытность повседневной и праздничной культуры белорусов.

Отдельно хочется выделить экопарк «Лэзымская пуца». Этот туристический объект находится недалеко от Сыктывкара, в Сыктывдинском районе. Он позиционируется как Подворье Белорусской национально-культурной автономии Республики Коми, где ежегодно проводятся мероприятия автономии. Например, 3 июля, в День Белоруссии, там проводится Фестиваль национальной культуры. Руководитель – бывший председатель Белорусской национально-культурной автономии Андрей Анатольевич Лазицкий.

Кроме этого, происходит взаимодействие между Витебским областным краеведческим музеем и Сыктывдинским музейным объединением. Например, в 2023 г. состоялась передвижная выставка «Шылад, кывбур, серпас». На выставке были представлены работы частной коллекции племянницы коми композитора Прометея Чисталёва, художницы, поэтессы Алевтины Стручковой. Это говорит о том, что национально-культурная автономия продвигает не только свою культуру, но и культуру того народа, где находится организация.

Стоит сказать и о том, что в Белорусскую национально-культурную автономию может вступить не только представитель белорусской нации, но и любой желающий, которого привлекает данная культура. У многих народов есть что-то общее: ценности, элементы культуры, традиции, даже в языке могут быть схожести. Например, уже выше было сказано про такой праздник в Республике Беларусь, как «Дожинки», и русский человек может догадаться, почему праздник урожая назван так, ведь в русском языке есть выражение «дожинать плоды».

Национально-культурные автономии осуществляют свою деятельность под крылом Дома Дружбы народов Республики Коми. Большинство мероприятий проводится в этом культурном центре.

Таким образом, основной формат работы НКАБ связан с использованием различных устроительных технологий. Для популяризации национальной культуры организована художественная самодеятельность – концерты хора и других самодеятельных коллективов, устраиваются фестивали национальной культуры. Проводятся мастер-классы по ознакомлению с традиционными ремеслами белорусов. Просветительская деятельность автономии выражается в выездах с проектом «ЭтноТема: пять вечеров», «Белорусская семья на Севере». Сохранение традиционной праздничной культуры обеспечивается празднованием «Дожинок», День единения народов России и Белоруссии. Все эти форматы связаны с использованием белорусского языка. Связь с исторической родиной поддерживается через двусторонние международные соглашения по вопросам культуры между НКАБ и организациями Республики Беларусь.

В рамках деятельности автономии происходит не только сохранение своей культуры на чужой территории, но и взаимодействие с культурой местного населения, продвижение коми культуры, взаимный обмен традициями и ценностями. Важно подчеркнуть, что это объединяет все народы, проживающие на территории многонациональной страны.

1. Соколовский С. В. Ассимиляция // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1834987> (дата обращения: 10.11.2023).

2. О национально-культурной автономии : федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ.

3. Крупенько А. С. Белорусская национально-культурная автономия / Аркадий Крупенько; беседовал Игорь Соколов // Лица. Республики Коми. Сыктывкар, 2006. № 2 (6). С. 72–72.

4. Курочкин М. И. В поиске талантов // След на северной земле. Сыктывкар: НКА «Беларусь» в РК, 2006. С. 333–340.

5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html> (дата обращения: 20.11.2023).

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (к 80-летию прорыва блокады Ленинграда)

УДК 94(47).084.8

Ижма и ижемцы в годы Великой Отечественной войны на страницах районной газеты «Гөрд Печора»

*Д. Н. Канева**,
обучающийся 5-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье на основе материалов районной газеты проведен анализ развития промышленности, сельского хозяйства и образования Ижемского района Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Сюжеты, представленные на страницах местного периодического издания, могут быть самостоятельным источником в исследовании повседневной жизни ижемцев в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ижемский район, сельское хозяйство, промышленное производство, образование, районная газета

Великая Отечественная война оставила неизгладимый отпечаток в исторической памяти нашего народа, оказала влияние на сознание многих поколений наших граждан. В годы Великой Отечественной войны жизнь Ижемского района, как и многих других регионов и городов России, изменилась: возникло много новых проблем, которые ижемцы старались решить, понимая важность их вклада в победу страны [17, с. 7].

Некоторые аспекты истории трудовых будней жителей Ижмы в годы войны нашли отражение в трудах Н. К. Хатанзейского [16; 20], А. Ф. Сметанина и Д. В. Милохина [7], А. Н. Турубанова [13], Ю. А. Спиридонова [8]. Однако следует отметить, что в них практически не используется такой важный источник, как районная газета, которая долгие годы была главным информатором ижемского сообщества.

История газеты начинается с 10 октября 1920 г. Первый ее номер вышел под названием «Гөрд Печора» («Красная Печора») в с. Усть-Цильма. С июня 1922 г. редакция была переведена в с. Ижма [2, с. 4]. С 1965 г. газета печаталась на коми литературном языке под названием «Выль Войвыв» («Новый Север»), а в

*Научный руководитель: **Т. В. Павлова**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

1967 г. она стала выходить на русском языке и называться «Новый Север» [15, с. 16–17].

К началу Великой Отечественной войны, уже став органом Ижемского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся, газета сократилась в объеме в два раза и выходила на двух страницах [15, с. 6]. Тираж газеты не был указан, однако в 1947 г. он был объемом 1200 экземпляров, и в сравнении с довоенным временем он сократился. В начале Великой Отечественной войны и до 1943 г. редактором газеты «Гөрд Печора» был А. А. Беляев, которого после призыва на фронт сменила М. Потапова в 1943 г., с 1945 г. редактором стал М. В. Вокуев [10].

Для формирования картины повседневной жизни Ижемского района в годы Великой Отечественной войны были изучены материалы газеты за 1943 год, который является переломным в истории Великой Отечественной войны, и материалы за 1975 год, где приведена подборка документов партийного архива Коми обкома КПСС, рассказывающая о вкладе Ижемского района в победу, приведены статистические данные по лесозаготовкам и сельскому хозяйству за 1941–1945 гг.

Из подборки документов известно, что в августе 1941 г. производительность труда по судоремонтным мастерским затона Щельюр достигла 140 %. Токари, слесари, плотники, кузнецы и пильщики выполняли нормы от 150 до 215 %; плотники и котельщики – от 100 до 147 % [12, с. 2 (15 марта)].

В январе 1943 г. бригада судоремонтников на ремонте земмашин «Печорская № 1» выполнила план на 200 %. В период фронтового месячника она заняла третье место по Советскому Союзу и получила третью премию [12, с. 3 (25 марта)].

Не отставали от судоремонтников и стахановцы на лесозаготовках, ежедневно выполняя нормы на 150–160 %. В 1942 г. все лесопункты и лесоучастки включились в социалистическое соревнование к 24-й годовщине Красной армии [12, с. 3 (25 марта)]. В 1944 г. в ответ на успешное наступление Красной армии коллектив леспромхоза взял новые повышенные обязательства: выполнить февральский план к 23 февраля и дать древесину сверх плана. К 23 февраля месячный план по заготовке выполнен на 100,3 % и по вывозке – на 104,3 % [12, с. 3 (3 апреля)].

Ключевым занятием ижемцев оставалось оленеводство. На 1943 год по району государственный план развития оленеводства был выполнен на 105,4 %, естественный прирост составил 102 %. На республиканском совещании девять лучших передовиков оленеводства награждены грамотами президиума Верховного совета Коми АССР [12, с. 3 (25 марта)]. Особое внимание уделялось также увеличению поголовья лошадей [14, с. 2].

Колхозы Ижемского района за годы войны расширили посевную площадь на 1280 гектаров (140,8 %), увеличили поголовье крупного рогатого скота с

7433 до 7636 голов. Несмотря на то что урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота заметно снизилась, сдача молока, мяса, шерсти, зерна увеличилась. Ижемцы протягивали руку помощи жителям территорий, освобождённых от оккупации. Так, например, в 1943 г. Мохченский колхоз выделил для освобождённых от немцев территорий 22 головы крупного рогатого скота [3, с. 1]. Особое внимание уделялось подготовке сельскохозяйственных кадров. Из материалов газеты известно, что Мохченской МТС, согласно плану, требовалось подготовить 25 трактористов. Колхозы района отнеслись к этому заданию серьезно, выделили достаточное количество людей для обучения [1, с. 2].

Школьное образование тоже переживало в годы войны трудный период. В канун войны в районе имелись две средние (Мохченская и Щельяюрская), десять неполных и тринадцать начальных школ. В них работало 160 учителей [17, с. 138]. Около 150 учителей района в период уборочных работ принимали активное участие на колхозном производстве, перевыполняли производственные нормы, проводили с колхозниками беседы, читки газет [12, с. 3 (25 марта)].

Материалы газеты сообщают, что в школах района постановлением Совнаркома СССР в 1942–1943 учебном году со второго полугодия было введено изучение военного дела для начального, неполного среднего и среднего образования. Для реализации этого требования было необходимо назначить в школах специальных военруков, подготовить материальную базу, предоставить школам учебные и наглядные пособия, физкультурный инвентарь. Как сообщается в газете, в районе были серьёзные трудности с исполнением этой задачи, не хватало кадров и нужного обеспечения материальной базой [11, с. 2].

Следует отметить, что в военные годы резко возрастает идеологическая функция печати, усиливается воспитательное содержание газет, влияющее на сознание, убеждения и общественные действия людей [6, с. 108]. Ижемская районная газета «Гёрд Печора» не стала исключением. В период Великой Отечественной войны в газете активно печатались патриотические лозунги и достижения тружеников района, также статьи об активной работе комсомольских организаций. В частности, комсомольцы являлись инициаторами социалистических соревнований, принимали участие в сборе средств на танковую колонну, а учащиеся школ собирали деньги на самолёт-истребитель «Пионер Коми АССР», посылали фронтовикам письма и подарки [4, с. 13–14].

Труженики тыла в статьях газеты, отвечая на призывы руководства страны, обязывались перевыполнять планы работ, интересовались успехами Красной армии, в каждом выпуске газеты публиковались сведения о взятии городов и последних боевых действиях. Также размещались портреты героев и активно печатались материалы от фотохроники ТАСС.

В выпусках газет встречаются письма фронтовиков, которые пишут о своей фронтовой жизни, успехах и призывают своих земляков работать за себя и

ушедшего на фронт товарища [5, с. 2]. Такие письма способствовали трудовой мобилизации населения в тяжёлые военные годы.

Важно отметить то, что в период войны газета выполняла и пропагандистскую роль, благодаря чему значительно возросла политическая активность трудящихся района, усилилась тяга людей в ряды партии [12, с. 3 (25 марта)].

Подводя итоги исследования, следует сказать, что труженики тыла Ижемского района внесли огромный вклад в победу Красной армии. Как свидетельствуют материалы газеты, размеры поставок государству продукции в это время были значительно выше, чем в довоенные годы. Между рабочими бригадами устраивались социалистические соревнования для перевыполнения плана работ. Активно работали молодёжные комсомольские организации.

Стоит подчеркнуть, что районная газета – ценный источник при изучении периода Великой Отечественной войны. На её страницах читатель знакомится с жизнью коми-ижемцев, с их бытом, достижениями, проблемами в рассматриваемый период. Являясь важным средством массовой информации в годы войны, газета выполняла не только функции идеолога, информатора, но и коллективного организатора, способствовала пропаганде и мобилизации населения на самоотверженный труд.

1. Вокуев. Гётовитам сельскохозяйственной кадрыяс // Гёрд Печора. 1943. 30 января. С. 2.

2. Гёрд Печора. 1941. № 29. 10 апреля. С. 4.

3. Гёрд Печора. 1943. 20 марта. С. 1.

4. Республика Коми. Книга памяти Ижемского района. Ижевск: ИП Пермьяков С. А., 2015. Т. 3. 280 с.

5. Рочева Д., Попова А., Истомина П., Канева А., Артеева М., Артеева И. Письмо фронтовик землякьясянь // Гёрд Печора. 1943. 2 августа. С. 2.

6. Сесицкая А. С. Периодическая печать как источник по истории Великой Отечественной войны (по материалам камчатской прессы) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (19). С. 107–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/periodicheskaya-pechat-kak-istochnik-po-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-po-materialam-kamchatskoj-pressy?ysclid=lsfqszehmd66303931> (дата обращения: 10.02.24).

7. Сметанин А. Ф., Милохин Д. В. Производственная деятельность колхозного крестьянства Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны : материалы круглого стола. Сыктывкар, 2004. С. 143–153.

8. Спиридонов Ю. А. Республика Коми в годы Великой Отечественной войны // 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Республика Коми в годы Отечественной войны). Сыктывкар, 1995. С. 7–15.

9. Вокуев М. В. Твои люди, Заполярье. URL: <https://архив-воркута.рф/index.php/kulturno-prosvetitel'skaya-deyatelnost/litsa-vorkuty/55-tvoi-lyudi-zapolyare-m-v-vokuev> (дата обращения: 10.02.24).

10. Твои люди, Ижма / редакторы газеты «Красная Печора» – «Новый Север». URL: <https://museum-izhma.ru/spisok-znamenityh-ljudej/redactory-gazeta-krasnaya-pechora---novyj-sever/> (дата обращения: 10.02.24).

11. Тимонин. Бурмодны школаясын военной обучение // Гӧрд Печора. 1943. 16 января. С. 2.

12. Труд во имя Победы: Документы рассказывают [Подборка документов ГУРК НАРК]. 1941–1945 // Новый Север. 1975. 15 марта. С. 2; 25 марта. С. 3; 3 апреля. С. 3.

13. Турубанов А. Н. Производственно-техническая база индустриальных отраслей народного хозяйства Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны : материалы круглого стола. Сыктывкар, 2004. С. 154–165.

14. Турышева. Ыджыд внимание вӧв видзӧм развивайтӧм вылӧ // Гӧрд Печора. 1943. 13 августа. С. 2.

15. Филиппов Г. А. Жизнь, отданная газете «Новый Север». Ижма, 2012. 40 с. URL: <http://www.izhmambs.ru/content/menu/473/Filippov-G.-Ghizn-otdannaya-gazete.pdf> (дата обращения: 10.02.24).

16. Хатанзейский Н. К. Земля ижемская: история и современность. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 197 с.

17. Хатанзейский Н. К. Ижма (история и современность). Ижевск: КнигоГрад, 2010. 144 с.

УДК 930.85

Общее состояние изб-читален Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам отчётов РОНО о политпросветработе)

Е. В. Станкевич,
обучающийся 4-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар*

***Аннотация.** В статье представлена краткая характеристика изб-читален, действовавших в Коми АССР в период Великой Отечественной войны, рассмотрены различные бытовые проблемы, с которыми сталкивались культурно-просветительные учреждения региона. Исследование проведено на основе отчетов РОНО о политпросветработе в Коми АССР за 1942–1945 гг., хранящихся в Национальном архиве Республики Коми.*

***Ключевые слова:** культурно-просветительные учреждения, изб-читальни, бытовые проблемы, Великая Отечественная война, Коми АССР, политико-просветительная работа*

** Научный руководитель: **И. В. Рочева**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.*

Формирование в России изб-читален как центров просвещения деревни началось еще в XIX в., но окончательное их оформление произошло уже при советской власти [10, с. 16]. Избы-читальни создавались в основном для обучения взрослого населения сельской местности и по набору функций занимали «промежуточное положение между библиотекой, школой и пунктом ликвидации неграмотности» [8, с. 32].

В Коми крае, как и в других регионах СССР, с установлением советской власти избы-читальни получили свое развитие как политико-просветительные учреждения. В годы Великой Отечественной войны к задачам изб-читален и других культурных учреждений добавилось разъяснение населению целей и характера войны, поднятие боевого духа тыловых жителей [16, с. 55].

Из материалов обследования политпросветучреждений Коми АССР за 1942–1945 гг. известно количество изб-читален за 1941–1945 гг. В 1941–1943 гг. их насчитывалось 170, в 1944 г. – 173, а в 1945 г. – 175 [17, л. 41]. Таким образом, количество изб-читален начало увеличиваться ближе к концу войны.

Многие избы-читальни за период войны сталкивались с различными бытовыми проблемами: нехваткой дров, керосина, ламп. Большой проблемой были негодные для работы помещения – грязные, холодные, плохо оборудованные. В некоторых случаях у изб-читален попросту отсутствовали собственные здания. Почти везде требовался ремонт. Часто избы-читальни помещали в крестьянские дома, в здания сельских советов, колхозов, бывших церквей и часовен.

В 1942 г. по этим причинам многие учреждения не функционировали в должной мере. Например, Позтыкеросская и Пезмогская избы-читальни (Корткеросский район) долго не работали из-за отсутствия дров, Пажгинская (Сыктывдинский район), Чернутьевская и Сельибская избы-читальни (Удорский район) не работали в связи с нехваткой керосина. Помещение Кедвинской избы-читальни (Ухтинский район) было занято под колхозное зерно, из-за чего учреждение было закрыто полтора месяца, а в 1943 г. это же помещение использовалось как кладовая для картофеля [13, л. 112]. В то же время как положительный пример можно назвать Сталинскую избы-читальню Сысольского района, которую в 1942 г. перевели в просторную, чистую и светлую комнату нового дома [20, л. 14].

В 1944 г. по республике в культурно-просветительных учреждениях не хватало 529 ламп и больше тысячи ламповых стекол. По отчетам, керосином в этом году избы-читальни были обеспечены в основном удовлетворительно. Дров на 1944–1945 гг. заготовили примерно чуть больше половины от требуемого, из чего, в свою очередь, только половина была подвезена к учреждениям [1, л. 2]. Из этого следует, что проблема заключалась не только в заготовке топлива, но и в его доставке к месту назначения. В основном запасы дров отсутствовали, их заготавливали и подвозили по мере необходимости.

С кадрами ситуация была не лучше. Работников постоянно не хватало, что тоже являлось одной из причин закрытия учреждений. В 1942 г. по республике отсутствовало девять избачей: в Усть-Вымском, Удорском, Усть-Куломском, Ижемском районах и в городе Сыктывкаре [14, л. 1].

Кадры изб-читален по республике состояли в основном из неподготовленных работников, которые не имели специального образования и опыта работы с колхозниками и, соответственно, не могли в полной мере развернуть политико-просветительную деятельность в деревне. Очень редко встречались заведующие, окончившие политпросветшколу. Так, избач В. П. Онькова Кочпонской читальни окончила специальную школу, но Горкомом партии не была утверждена, хотя на 1943 г. В. П. Онькова уже имела трехлетний стаж работы в данном заведении [7, л. 10].

У большинства стаж работы не превышал одного года. Заведующий Усть-Усинским РОНО в отчете за 1943 г. писал, что работники политпросветучреждений все молодые, только назначенные [6, л. 53]. Заведующие Хабарицкой и Гамской избами-читальнями, судя по отчетам за 1943 г., работали в учреждениях только 5 месяцев [15, л. 63; 11, л. 70]. Известно, что на март 1944 г. в Ластинской избе-читальне избач К. В. Ветошкина работала третий месяц [9, л. 68].

Для периода Великой Отечественной войны характерна большая текучесть кадров во всех культурно-просветительных учреждениях. Например, в отчетах политпросветучреждений за 1942 г. говорится о том, что заведующие избами-читальнями менялись каждые 2–3 месяца, в результате чего улучшений в деятельности учреждений не наблюдалось [14, л. 1]. В 1943 г. в Пажгинской избе-читальне сменилось четыре избача [2, л. 107].

Часто избачами работали учителя, медработники, секретари сельских советов. Для повышения квалификации работников проводились специальные семинары, на которых избачам давали советы по культурно-просветительной работе в период войны. Зачастую такие семинары посещало мало людей, а иногда они и вовсе не проводились, что снижало эффективность работы изб-читален.

Подавляющая часть избачей – женщины со средним или ниже среднего образованием, которые часто сменяли друг друга. Это влияло на уровень осуществляемых политпросветучреждениями задач. При большой текучести кадров, причем без специального образования, нельзя было говорить о положительных результатах деятельности читален.

Во всех избах-читальнях в период Великой Отечественной войны наблюдается дефицит культуринвентаря, плохая обеспеченность литературой и периодической печатью. Характерной чертой для изб-читален было наличие небольшой библиотеки при них. Например, в Корткеросском районе в 1943 г. в избах-читальнях насчитывалось 8157 экземпляров книг, но состояние их было плохое

[19, л. 2]. А в Сыктывдинском районе избы-читальни за 1943 г. получили только 360 новых книг [2, л. 107].

Из периодической печати выписывали газеты «Вөрлэдзысь», «За Новый Север» и журналы «Политпросветработа», «Крестьянка». Некоторые избы-читальни жаловались на нехватку газет и журналов (Усть-Вымский, Сыктывдинский районы) [4, л. 41; 2, л. 107], географических карт, различных лозунгов и плакатов (Летский, Корткеросский, Усть-Усинский, Ижемский районы) [19, л. 2; 6, л. 53; 12, л. 84; 18, л. 93].

Недостаточно было и культинвентаря (шашек, шахмат, музыкальных инструментов), различного оборудования (столов, стульев, стеллажей для книг). Редко когда избы-читальни были всем обеспечены. Ижемские учреждения, к примеру, имели весь нужный культинвентарь, а в Усть-Усинском и Сысольском районах с этим были проблемы [12, л. 84; 6, л. 53; 5, л. 122].

Нехватка литературы и оборудования напрямую связана со средствами, выделяемыми для полноценного функционирования учреждений. Бюджет избами-читальнями тратился далеко не полностью. В Ижемском районе на каждую избы-читальню в 1943 г. было отпущено 42700 руб., а израсходована половина [12, л. 84]. Кочпонская изба-читальня за 1943 г. из 10700 руб. израсходовала только 5564 руб. Причина неиспользования оставшихся средств заключалась в том, что в учреждении не проводили никакого ремонта, а также не приобретали нового оборудования [3, л. 24]. Были и другие обстоятельства, из-за которых не производилось полное расходование средств: работа избачей весной и осенью в колхозах (или работа по совместительству), невозможность купить оборудование и канцелярские товары в связи с их отсутствием (их попросту негде было купить). Случалось и такое, когда сельские советы не финансировали избы-читальни. В частности, Колвинский с/с Усть-Усинского района в 1943 г., кроме зарплаты, никакие расходы по избам-читальням не производил. Жалобы в РОНО никаких результатов не дали [6, л. 53].

Таким образом, общее положение изб-читален Коми АССР в годы войны оставляло желать лучшего. Большинство учреждений находилось в неудовлетворительном состоянии. Были проблемы с помещениями, с их освещением и отоплением, наблюдался дефицит мебели, оборудования, культинвентаря, литературы и периодической печати. Качественному функционированию изб-читален мешало и отсутствие квалифицированных кадров.

1. Годовой отчет о работе политико-просветительных учреждений Коми АССР за 1944 год // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 449. Л. 2–6.

2. Годовой отчет по политико-просветительной работе за 1943 год по Сыктывдинскому району // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 106–111.

3. Годовой отчет по политико-просветительной работе по Кочпонской избечитальне за 1943 год // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 23–26.
4. Годовой отчет по политико-просветительной работе по Усть-Вымскому району за 1943 год // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 41–46.
5. Годовой отчет политико-просветительных учреждений Сысольского района за 1943 год // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 122–124.
6. Годовой текстовый отчет о политико-просветительной работе за 1943 год в Усть-Усинском районе // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 53–54.
7. Годовой текстовый отчет по политико-просветительной работе по городу Сыктывкару за 1943 год // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 7–14.
8. Головина Э. Т. Особенности функционирования изб-читален на Ставрополье в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. № 4. 2015. С. 31–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-izb-chitalen-na-stavropolie-v-1920-1930-e-gg> (дата обращения: 02.02.2023).
9. Итоги обследования Ластинской избы-читальни за три месяца 1944 года // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 68.
10. Кулачков В. В. Изба-читальня в жизни крестьян 1920-х гг. (историографический обзор) // История: факты и символы. 2019. № 3 (20). С. 15–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izba-chitalnya-v-zhizni-krestyan-1920-h-gg-istoriograficheskii-obzor/viewer> (дата обращения: 02.02.2023).
11. Обследование Гамской избы-читальни // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 70.
12. Отчет о политико-просветительной работе в Ижме за 1943 год // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 84–86.
13. Отчет о политико-просветительной работе в Ухтинском районе // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 112–114.
14. Отчет о работе политико-просветительных учреждений за 1942 год // ГУ РК «НА РК». Ф. 241. Оп. 1. Д. 393. Л. 1–9.
15. Отчет по Хабарицкой избе-читальне // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 63.
16. Рочева И. В. Бытовые условия деятельности культурно-просветительных учреждений системы Наркомпроса в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 4. С. 55–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovye-usloviya-deyatelnosti-kulturno-prosvetitelnyh-uchrezhdeniy-sistemy-narkomprosa-v-komi-assr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 29.01.2023).
17. Материалы обследования политпросветучреждений (1942–1945 гг.) // ГУ РК «НА РК». Ф. 1112. Оп. 1. Д. 8. Л. 41.
18. Текстовый отчет по политико-просветительной работе Летского РОНО за 1943 год // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 92–100.
19. Текстовый отчет по политико-просветительной работе по Корткеросскому району за 1943 год // ГУ РК «НА РК». Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423. Л. 1–6.
20. Текстовый отчет по политико-просветительной работе Сысольского района от 25 марта 1943 года // ГУ РК «НА РК». Ф. 241. Оп. 1. Д. 394. Л. 13–17.

Хабаровский процесс над японскими военными преступниками

*Д. Е. Саевич**,

обучающийся 1-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. Рассмотрена история организации и проведения Хабаровского судебного процесса над японскими военнослужащими, работавшими в отряде 731, представлявшем собой особый исследовательский и производственный центр для разработки бактериологического оружия и проведения экспериментов на людях. Особое внимание уделяется судьбе военнослужащих Красной армии, попавших в отряд 731.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Сиро Исии, отряд 731, Хабаровский процесс

Окончание Великой отечественной войны 1941–1945 гг. и Второй мировой войны 1939–1945 гг. ознаменовало не только завершение борьбы против Германии и ее союзников, переход всех сфер жизнедеятельности общества и государства на «мирные рельсы», но также и необходимость рассмотреть все аспекты военного времени, преступлений против человечества, необходимость сплочения стран антигитлеровской коалиции и в деле суда над проигравшей стороной.

Наиболее известен Нюрнбергский процесс над военными преступниками, проходивший с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в Международном военном трибунале в г. Нюрнберге. Однако, были и иные процессы и трибуналы, сведения о которых распространены намного меньше. В данном случае речь идет о Токийском международном трибунале и Хабаровском процессе. Международный военный трибунал для Дальнего Востока проходил в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. В состав трибунала входили обвинители от одиннадцати стран, которые, так или иначе, участвовали в военном противостоянии с Японией [1].

В ходе Токийского трибунала США не были склонны выдвигать обвинения в военных преступлениях против тех, кто был связан с созданием бактериологического оружия. Их расследование было направлено не на поиск доказательств для обвинения, а на сбор научных данных, полученных в ходе прово-

**Научный руководитель: А. А. Кутузова, научный сотрудник сектора отечественной истории, кандидат исторических наук, КНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар; старший преподаватель кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.*

дившихся японцами исследований в области биологического и химического оружия. Данный процесс не был обойден вниманием и советской стороной. Непосредственно на Токийском трибунале советской стороной было обозначено намерение провести дополнительное расследование в отношении раскрытии информации об японских военных преступлениях, в том числе о проведении экспериментов над военнопленными [2].

Подобное желание со стороны СССР было связано с несколькими аспектами. Следует отметить, что в ходе военных действий, и после их завершения Красной Армией было взято в плен около 600 тыс. военнопленных Японии. Органами государственной безопасности СССР была осуществлена деятельность по определению непосредственных участников исследований и экспериментов в Японии, участия в работе отряда 731. Отчетные документы, протоколы, полученные в результате захвата военнопленных, оккупации японской территории позволяли говорить о необходимости более подробного изучения данного вопроса. Однако на Токийском трибунале указанные документы не были представлены и зачитаны. Кроме того, представители американской стороны были настроены на защиту результатов экспериментальной работы, рассматривая их как ценный практический материал по изучению особенностей функционирования человеческого организма, сопротивляемости болезням и т. д. Вследствие этого в ноябре 1948 г. советские власти решили провести новое судебное разбирательство. Хабаровский процесс предварялся значительной подготовительной работой. Сам судебный процесс проходил в декабре 1949 г. [1, 4]

Обвинительный акт, представленный на Хабаровском процессе, состоял из 4 основных пунктов:

1. Организация формирований для организации и ведения биологической войны против стран – членов антигитлеровской коалиции,
2. Организация и проведение опытов и экспериментов над живыми людьми (военнопленными и мирным населением),
3. Подготовка и применение бактериологического оружия против Китая в рамках военного противостояния,
4. Подготовка бактериологического оружия для применения против СССР [2].

В числе подсудимых на данном процессе выступили двенадцать бывших военнопленных японской армии. Основой обвинения стала статья № 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

Особым пунктом рассмотрения стало участие в работе отряда 731. Данный отряд был создан генерал-лейтенантом медицинской службы Сиро Исии в

1936 г. на основании секретного указа императора Хирохито. Изначально отряд именовался «Управлением по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии». Лишь в 1941 г. подразделение было переименовано в отряд 731. Базой военного подразделения стала железнодорожная станция Пинфань, находившаяся в 20 км от Харбина. Территория Манчжурии была крайне удобна для проведения экспериментов в связи с наличием значительного количества привозимых людей.

Отряд 731 состоял из восьми отделов, каждый из которых имел свою собственную спецификацию. Первый отдел занимался исследовательскими программами и выращиванием возбудителей для бактериального оружия. Испытания проводились на людях и животных. Для подопытных была создана внутренняя тюрьма на 300–400 человек, где каждому давали номер вместо имени. Второй отдел производил проверку бактериологического оружия в условиях полигона и в боевой обстановке. С 1940 по 1945 гг. через отряд было пропущено не менее трех тысяч человек, уничтоженных путем заражения смертоносными бактериями [2].

Однако не только отряд 731 был связан с проведением опытов над военнопленными и мирным населением. Отряд 100 располагался в Могатоне в 10 км южнее города Чанчунь. В данном отряде проводилось изучение новых возможностей использования бактерий в военных целях и разработка сильнодействующих ядов для массового уничтожения людей. Кроме того. Проводились опыты, направленные на определения пределов выносливости организма человека в конкретных условиях, изучения отдельных вопросов профилактики и лечения не инфекционных заболеваний [2].

Исследования проводились на испытуемых китайского, русского, корейского, монгольского и американского происхождения. В 1930–1945 гг. в плену у японцев, прежде всего в Маньчжурии, по разным причинам оказались несколько тысяч советских граждан. Многих из них помещали в концлагерь «Хогоин» («Приют») в районе Харбина. Он был рассчитан на 150 человек, и содержались одни лишь русские. Основной установкой этого лагеря являлась обработка советских военнослужащих и получение от них максимума известных им данных о положении Советского Союза. Тех, кто не делился информацией под напором пыток или пытался сбежать, отправляли в 731 отряд. Вот некоторые известные фамилии советских граждан, кого постигла данная участь: Демченко, Игнатов, Канев, Перебоев, Романченко, Кузеванов [3].

Деятельность отрядов 731 и 100 была прекращена в августе 1945 г. Японскими военными была предпринята попытка скрыть факт существования данных воинских подразделений, результатов их деятельности путем их непосредственной ликвидации. С этой целью посредством добавления в еду цианистого калия умертвили большую часть заключенных тюрьмы в отряде № 731. Тех,

кто не принял отравленную пищу, расстреляли через смотровые окошки в камерах. Здание тюрьмы было взорвано динамитом и авиационными бомбами. Главное здание и лаборатории были уничтожены саперами.

Вечером 30 декабря 1949 г. в Хабаровске был объявлен приговор суда. Все обвиняемые были признаны виновными и приговорены к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях. В качестве определенного продолжения выступило вручение нот послами СССР в США, Великобритании и Китае правительствам данных стран. В каждой копии переданных документов излагались основные факты, установленные в ходе Хабаровского судебного процесса. На основании представленных фактов СССР предлагал сформировать специальный Международный военный суд и передать ему в качестве военных преступников императора Японии Хирохито, генералов Исии Сиро, Китано Масадзо, Вакамацу Юдзиро и Касахара Юкио [2].

Несмотря на значимость доказательств, документальную подкрепленность, инициатива Советского союза не была поддержана. Под давлением США и Великобритании возобладала точка зрения, что император Японии не мог повлиять на планы военных по началу агрессивной войны.

Исии Сиро и заменившего его на посту руководителя отряда № 731 Китано Масадзо американцы не желали привлечь к суду по другой причине: в обмен на гарантированную безопасность Исии и Китано передали секретные данные американским специалистам [4].

Противостояние США и СССР, Холодная война ярко проявились в обсуждении результатов процесса на международном уровне. В США был издан циркуляр № 5, где указывалось, что все японские военные преступники могут быть освобождены. Это стало причиной заявления правительством СССР очередной ноты правительству США, где подобные намерения были оценены как попытка изменить или вовсе отменить решение Международного суда в Токио. Официального же ответа на предложение правительства СССР относительно создания Международного военного суда от правительств США и Великобритании не последовало [1].

Если оценивать Хабаровский судебный процесс с точки зрения последующих событий, следует признать, что он оказал воздействие на такое важное достижение международного гуманитарного права, каким стала Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинного оружия и об их уничтожении, подписанная 10 апреля 1972 г. в Москве, Лондоне и Вашингтоне

1. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. История Дальнего Востока России / под общ. ред. члена-корреспондента РАН Н. Н. Крадина; отв. ред. Г. А. Ткачева. Владиво-

сток: Дальнаука, 2020. Т. 3. Кн. 3. URL: <https://web.archive.org/web/20210726235938/http://ihaefe.org/wp-content/uploads/History11.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

2. Кузнецов Д. В. Меч возмездия. Судебные процессы над японскими военными преступниками класса В и С, 1945–1951 гг. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2022. 192 с. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/news/mech_vozmezdija/2022-09-29-95 (дата обращения: 12.01.2024).

3. Тужилин С. В. Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 18–24.

4. Хабаровский процесс. Документальные свидетельства : сборник документов / отв. ред. серии: Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. Л. Д. Шаповалова; отв. сост. А. И. Шишкин; вступ. статья С. В. Сливко. М., 2021. URL: https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/wp-content/uploads/2022/11/bsd_habarovskij-proccess.pdf (дата обращения: 02.02.2024).

УДК 93/94

Великая Отечественная война сквозь призму людских судеб (на примере Лопатина Николая Петровича)

В. А. Вилкова*,
обучающийся 1-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Предпринята попытка изучения Великой Отечественной войны через призму микроистории, на примере судеб непосредственных участников военных действий.*

***Ключевые слова:** микроистория, Великая Отечественная война, послевоенный период, солдатский путь, история военного времени*

Микроистория – это особый методологический подход к изучению и написанию истории. Цель микроистории – представить особенно своеобразные моменты прошлого, сосредоточив внимание на жизни и деятельности отдельного человека или группы людей. Освещая испытания и невзгоды обычных людей в их повседневной жизни, микроистория стремится показать как степень, так и пределы человеческой деятельности, то есть способности людей делать осмысленный выбор и предпринимать осмысленные действия в своей жизни [4].

*Научный руководитель: **А. А. Кутузова**, канд. ист. наук, научный сотрудник сектора отечественной истории, КНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар; старший преподаватель кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Подчеркивая значимость повседневной жизни, микроистория заставляет нас переосмыслить традиционные подходы к истории, которые фокусируются на, казалось бы, более важных политических событиях и действующих лицах. Рассматривая микроуровень социальной деятельности и культурного значения, микроистория бросает вызов подходам к изучению истории, которые подчеркивают необходимость количественной оценки, обобщения или натурализации человеческого опыта, нахождения и навязывания нормативных и абстрактных исторических законов, структур. Микроистория наполняет прошлое своей собственной яркой энергией, поскольку искусно созданные микроистории отражают драму повседневной жизни. Они позволяют читателям понять людей как проводников перемен в мире, в котором они живут, часто перед лицом непреодолимых трудностей [4].

Именно в связи с важностью микроистории крайне важно рассматривать наиболее яркие и трагические страницы истории российского государства сквозь призму отдельной судьбы, трагедии одной жизни.

Нынешнее поколение в неоплатном долгу перед теми, кто остался на полях сражений, перед теми, кто вернулся, обеспечив нам мирную, спокойную жизнь на Земле. Именно поэтому долг современного поколения – помнить и чтить память тех суровых дней и героев войны, обеспечить связь нынешнего и уходящего поколения, представить значимость личных архивов, документов и фотографий, продемонстрировать необходимость продолжения работы по расширению знаний о судьбах солдат времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Война во многих русских семьях сохранила собственный отпечаток. Кто-то никак не возвратился с битвы, а кто-то возвратился живым либо инвалидом.

Наглядным примером является судьба Николая Петровича Лопатина, одного из тех, кто ушел защищать свою страну и свой народ. Он ушел на фронт в феврале 1942 г. Уже в апреле Николай Петрович был тяжело ранен на Волжском фронте. Крайне важным и значимым фактом выступает то, что по выздоровлении его отправили на обучение – в среднее учебное заведение меньшего инструкторного состава. Его зачислили в особый лыжный батальон, основное направление деятельности которого было проникновение в тыл врага для совершения диверсий на стратегических объектах. Жёсткие бои при переходе линии фронта, большие потери в отряде, переформировка. В конце февраля 1943 г. старшина Лопатин уже воюет в составе отдельной разведывательной роты в районе станции Синявино. Казалось бы, небольшая, ничем не примечательная местность. Но именно там проходили одни из самых страшных, самых ожесточенных боев Великой Отечественной войны. Это неотъемлемая часть истории блокады Ленинграда. В ходе боёв на Невском пятачке и Синявинских высотах погибло более 360 тысяч человек.

Воспоминания Николая Петровича были записаны. С 22 по 23 марта 1943 г. 12 разведчиков пошли в очередной раз на задание. Осторожно сделали проход в проверочном заграждении, на котором висело бесчисленное множество пустых консервных банок в чернеющей шапке дота. Без крика сняли часовых, в ДОТ полетела противотанковая граната... Вдруг взбешенно залаяли проснувшиеся пулеметы, «затявкали» автоматы, с визгом «зашлепались» мины. Под ливнем огня разведчики выбрались на ничейную землю и только через сутки при поддержке нашей артиллерии вырвались в расположение своих частей. Задание было выполнено. Лопатина наградили медалью «За боевые заслуги». На операционном столе прифронтного госпиталя из правого бока, изуродованного разрывной пулей, удалили четыре ребра. Шли дни, недели, месяцы. Не удалось фашистам вычеркнуть солдата из списка живых. Он победил в борьбе со смертью. Через три месяца разведчик снова был среди боевых друзей.

Николай Петрович вздохнул, бросил потухшую папиросу. Встал, открыл дверцу, подбросил свежих чурок в огнедышащую топку. Вышел на улицу. Метрах в двухстах виднелась широкая лента Печоры. В снежном полотне, который, словно маскхалатом, еще прикрывал набрякший лед, появились беспорядочные зеленоватые дыры, проделанные острыми солнечными лучами. – Через недельку, глядишь, и тронется, – прикинул Лопатин. – И пойдет к морю лавина. Даже неизбежные заторы не остановят ее мощного натиска.

В 1944 г. наши войска, как могучий поток, сметали на своем пути фашистские орды. Защитники не могли остановить неизбежного возмездия. В ту пору часть, где служил Лопатин, находилась в километрах восьмидесяти от Новгорода и напрягла силы для большого наступления. Нужна была свежая информация о противнике. Неделю просматривали разведчики намеченный участок переднего края противника, и в одну из ночей группа пошла на задание. Во вражеской траншее, рядом с дзотом в одно мгновение захвачены двое зазевавшихся военных, и можно уже повернуть назад, к своим. Но тут из дзота выскакивает в нижнем белье немец. Через минуту он уже связан, во рту торчит надежный кляп. Опытные разведчики работали четко и бесшумно. К боевым наградам Лопатина прибавился орден Красной Звезды.

Наступило спокойное время, однако отклики этой битвы сохранились в любом городке, а также селе. Любой человек обязан не забывать о своих собственных корнях. Вспомнив эти сложные годы, годы боевого разрушения, изумляешься, какое количество горести, а также тяжких последствий пришлось на долю наших близких. Наши предки показали удивительную стойкость, а также мужество наиболее кровавой странички в событиях российского государства.

Небольшая судьба небольшого человека, его поступки, решения продемонстрировали целую эпоху, целое поколение сквозь призму военного времени, существования в трагические дни, стремления идти вперед, несмотря ни на что.

1. Архив Министерства обороны: поиск по фамилии участников Великой Отечественной войны. URL: <https://sdelaicomp.ru/obzori/archiv-ministerstva-oborony-poisk-po-familii-uchastnikov-vov.html> (дата обращения: 01.12.2023).

2. Бессмертный полк. Харовский район. Истории. URL: <https://www.moypolk.ru/harovskiy-rayon/soldiers> (дата обращения: 01.12.2023).

3. Великая Отечественная война: Вопросы и ответы / П. Н. Бобылев, С. В. Липицкий, М. Е. Монин, К. Р. Панкратов. М.: Политиздат, 1985. 430 с. URL: <http://militera.lib.ru/h/1/all/com/b40341/index.html> (дата обращения: 01.12.2023).

4. Галлямова А. Г. Взгляд на историю Великой Отечественной войны через призму микроистории // Историческая этнология. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-na-istoriyu-velikoy-otechestvennoy-voyny-cherez-prizmu-mikroistorii> (дата обращения: 11.01.2024).

5. Материалы личного семейного архива В. Вилковой.

6. Память Народа 1941–1945 гг. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 01.12.2023).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 94(44).023

Заметки о штрафах в «Книге Ремёсел» Парижа

*А. А. Юлчебаев,
обучающийся 2-го курса
МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

***Аннотация.** В статье на материале «Книги Ремёсел» Парижа рассматривается ряд вопросов, связанных со штрафами в средневековом ремесле: штрафы как одна из форм доходов разных групп лиц и финансирования различных направлений деятельности ремесленных сообществ; положение штрафов в структуре доходов некоторых из этих лиц.*

***Ключевые слова:** штрафы, ремесленные корпорации, средневековое ремесло, история Парижа, «Книга Ремёсел» Парижа, количественные методы*

«Книга Ремёсел» Парижа представляет собой хороший источник для исследования штрафов. Штрафы заявлялись самими создателями как одна из основных тем в этом документе: «Мы намереваемся осветить в первой части этого труда, как только можем лучше, все цехи Парижа, их установления, способы нарушений в каждом цехе и их штрафы» [1, с. 309]. В то же время штрафы редко занимали центральное внимание исследователей. Однако в этой статье мы не претендуем на полноценный разбор всех тем, связанных со штрафами в силу крайней объёмности материала, на который можно посмотреть под многими углами. Мы рассмотрим штрафы как одну из форм доходов разных групп лиц и финансирования различных направлений деятельности ремесленных сообществ, обратим внимание на положение штрафов в структуре доходов некоторых из этих лиц.

Итак, в «Книге Ремёсел» Парижа мы находим несколько групп лиц, в пользу которых поступали денежные средства от штрафов. Во-первых, значительная часть штрафов шла в пользу королевской власти: короля или парижского прево. В ряде статутах находим упоминания нескольких лиц, которым король предоставил право собирать штрафы за место себя:

1) королевские чиновники: «королевский хлебодар» [1, статут I], «главный королевский кузнец» [1, статуты: XV, XVI, XVIII], «дворцовый эконоом» [1, статут LXXVI];

2) старшины некоторых цехов [1, статуты: XLVII, XLVIII].

Вместе со штрафами эти лица получали также и низшую юрисдикцию над данными им цехами. Получая низшую юрисдикцию, то или иное лицо могло осуществлять судебные функции в конкретном цехе, рассматривать дела о нарушениях в цехе, о спорах внутри цеха, о драках без пролития крови, о судебных исках, за исключением уголовных дел и дел о собственности. Эти дела, а также дела о воровстве подлежали суду парижского прево.

В одном статуте мы находим упоминание причин, по которым король передал права собирать штрафы другому лицу. За получаемые средства королевский кузнец был «обязан подковывать только королевских верховых лошадей и никаких других» [1, статут XV]. Иногда король мог передавать не всю сумму штрафа, например, в статуте XVIII каждый, кто нарушал какое-либо постановление цеха, платил 5 су штрафа парижскому прево и 4 денье главному королевскому кузнецу [1].

Другой значительной группой были должностные лица, занимающиеся «охраной ремесла»: присяжные, прюдомы, присяжные-прюдомы, старшины и сержанты.

Средства со штрафов, которые получали присяжные и прюдомы «за труды» по охране цеха, они могли тратить на расходы, связанные с несением их должностных полномочий, они могли являться компенсацией за потери, которые они несут, исполняя свои должностные обязанности. Например, в статуте LIII присяжные получают часть штрафов «за их заботу и за их убытки, которые они имеют, охраняя цех» [1], в статуте LXX сказано, что присяжные должны получать часть штрафа из рук парижского прево на возмещение: расходов, которые они несут, собирая штрафы» [2]. При этом имеются в виду потери не только в денежной форме, но и времени, когда «охраняющие цех» оторваны от ремесленного производства. Например, в статуте L присяжные получают штрафы «за то, что они теряют дни, охраняя цех» [1].

В ряде статутов указывается точное число должностных лиц, в других же мы можем найти только указание на множественное число. Например, в статуте XXIX при разделе штрафа упоминаются «охраняющие ремесло» во множественном числе: «Et quiiracontrecesteeordenance, ilpaiera v s. auRoy, ettroissolsau[s] gardesdumestier» [5] («Кто поступит против этих установлений, уплатит королю 5 су и 3 су охраняющим цех» [1]) – в табл. 1 это обозначено «2(+)».

При этом не существовало зависимости между размером штрафа отходящего «охраняющим цех» и их количеством (или даже существовала обратная зависимость). В тех статутах, где мы можем наблюдать наибольшее количество должностных лиц (12, 6 и 4), отсутствуют упоминания штрафов для них. Однако мы не можем это однозначно доказать, поскольку в статутах, где упоминаются самые большие штрафы, мы не находим указания точного числа должностных лиц, точное указание количества которых проявляется также с умень-

шением сумм штрафов. При штрафах в 24 денье (2 су) в примерно трети случаев нет упоминаний точного числа «охраняющих цех», при дальнейшем увеличении размеров штрафов мы находим указание точного числа ещё реже (таблица 1).

Штрафы являлись основным типом доходов для лиц, «охраняющих цех», иные источники дохода (получаемые при «продаже ученика» [1, статут XXXV], при поступлении ученика в ученичество к мастеру [1, 2, статуты XXXVI, LXIX, XCIV], при «покупке ремесла» [2, статут XCIV] , при открытии собственной мастерской [2, статут XCIV]) не были распространены. Однако были распространены освобождения от иных повинностей, которыми были обязаны другие ремесленники в их цехах. Например, должностные лица могли освобождаться от несения караула. Стоит отметить, что с уменьшением размеров штрафов увеличивалась встречаемость освобождения от караульной службы. При штрафах в 48 денье (4 су) встречаемость отмены караульной службы – 1 из 5 (20 %), при штрафах в 24 денье (2 су) встречаемость – 2 из 15 (13,33 %), при штрафах 12 денье (1 су) – 8 из 14 (50 %), при отсутствии части штрафа для должностных лиц отмена караульной службы встречается в 26 из 35 случаев (74,28 %) (табл. 1).

Таблица 1

Структура доходов лиц, «охраняющих цех» [3]

<i>Размер части штрафа (в денье)</i>	<i>Количество должностных лиц, «охраняющих цех»</i>	<i>Размер доп. дохода</i>	<i>Освобождение от караула</i>
240 ⁽¹⁾	2(+)	12	0
120 ⁽²⁾	2(+)	0	0
96 ⁽¹⁾	2(+)	0	0
60 ⁽¹⁾	2(+)	0	0
48 ⁽⁵⁾	4 ² , 3 ² , 2(+) ¹	0 ⁴ , 12 ¹	1 из 5
36 ⁽²⁾	2(+) ¹ , 2 ¹	36 ¹ , 0 ¹	0
32 ⁽¹⁾	2(+)	48	0
30 ⁽¹⁾	2(+)	0	0
28 ⁽²⁾	2(+)	0	0
24 ⁽¹⁵⁾	2 ⁵ , 2(+) ⁴ , 3 ³ , 6 ¹ , 4 ¹ , 2 или 3 ¹	120 ¹ , 48 ¹ , 0 ¹³	2 из 15
20 ⁽¹⁾	2(+)	0	0
12 ⁽¹⁴⁾	2 ⁹ , 4 ² , 8 ¹ , 3 ¹	6 ² , 0 ¹²	8 из 14
8 ⁽¹⁾	2(+)	0	0
6 ⁽¹⁾	2(+)	0	0
0 ⁽³⁵⁾	2 ¹⁸ , 6 ³ , 4 ³ , 2(+) ³ , 12 ² , 3 ² , 1 ² , 5 ¹ , 2 или 3 ¹	0	26 из 35

Также значительная часть штрафов отходила в пользу религиозного братства ремесленников. Стоит отметить, что штрафы не были единственным источником пополнения казны братства ремесленников, в равной степени были распространены и иные источники финансирования деятельности, которой занималось это братство, а именно: суммы, которые выплачивались братству мастером и (или) учеником при поступлении последнего в ученичество [1; 2, статуты: XXII, XXV, XXVIII, XXX, LV, LXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXVII, XCI] или при вступительных взносах в ремесло [1; 2, статуты LV, LXXIV, LXXXVII.] или же за право покупать рыбу в Париже и его окрестностях [2, статут XCIX «О парижских рыбаках пресных вод»]. Эти средства могли тратиться:

1) на поддержку обедневших людей из своего цеха.

В статуте LVI «О портных платья» сказано, что прюдомы получают из штрафов в 5 су 2 пар. су «для братства, для помощи бедным цеха» [2]; в статуте LXIX «О поварах» сказано, что из части штрафов, предназначенных для старшин цеха, третья часть должна идти «на поддержку бедных и старых людей этого цеха» [2]; в статуте LXXXIV «О сапожниках» сказано, что прюдомы получают из штрафов в 5 су 2 пар. су «для помощи бедным их цеха» [2]; в статуте LXXXVIII «О перчаточниках» сказано, что прюдомы со штрафов в 5 су получают 2 пар. су «для помощи бедным их братства» [2];

2) поддержку учеников, находящихся в обучении у мастеров.

Например, в статуте XX «О чеканщиках медных листочков» сказано, что ученик при поступлении в ученичество к мастеру платит 5 су, «которые идут на пользу всего цеха, чтобы мастера сообща продолжали доучивать ученика, если мастер умрёт прежде, чем закончится срок обучения» [1];

3) благотворительность.

В статуте I «О булочниках», если нарушался запрет работать в праздничные дни, булочник должен был заплатить 6 денье с каждой печи и «на 2 су (saudées) хлеба, который ... раздадут нищим» [1]; в статуте XCI «О шляпниках фетровых шляп» ученик, прежде чем начать обучение у мастера, был обязан внести 10 су «братству цеха на милостыню (asmosne)» [2].

При этом средства, идущие на поддержку учеников, находящихся в обучении, поступают от взносов, которые делает ученик при вступлении в ученичество [1; 2, статуты: XX, XXI, LXXXVII]. Средства, направленные на поддержку обедневших людей цеха, поступают от штрафов [1; 2, статуты: LI, LVI, LXIX, LXXXIV, LXXXVIII]. А средства, идущие на благотворительность, могли поступать как от штрафов [1, статут I], так и от иных поступлений [2, статут XCI], но чаще всего на благотворительность отдавались некачественные (сделанные с нарушением установлений цеховых статутов) продукты производства ремесленников.

В статуте I «О булочниках» изымаются из продажи и раздаются нищим хлеба недостаточного размера, раздаётся нищим также хлеб, принесённый для продажи в город и изготовленный непарижскими ремесленниками [1]; в статуте VIII «О пивоварах» нищим раздаётся пиво, изготовленное из некоторых запрещённых ингредиентов: можжевельных ягод, пряностей, камеди, также подлежит раздаче нищим пиво, продающееся в трактире, в котором не изготавливается [1]; в статуте LXX «О продавцах птицы» за нарушение правил торговли теряют товары, «которые должны быть отданы через присяжных нищим в госпитале или бедным узникам в Шатле» [2]; в статуте XCIX «О парижских рыбаках пресных вод...» рыба отдаётся узникам Шатле или в церковь (Meson-Dieu) без уплаты штрафа [2]. Отметим также, что упоминания братства отсутствуют в случаях, когда нет упоминания денежных средств и речь идёт об изъятии продуктов производства ремесленников.

В большинстве статутов не указывалось, на какую конкретную деятельность поступают эти средства, обозначалось лишь то, что они поступают в пользу братства ремесленников [1; 2, статуты: XXII, XXV, XXVIII, XXX, XXXVIII, LV, LXI, LXVIII, LXXII, LXXIV, LXXVII, LXXIII, LXXIX, LXXX, LXXXVII] либо же «на пользу всего цеха» [1, статут XX], «на общую пользу всего этого цеха» [2, статут XCIX]. Зафиксированы также противоположные ситуации, когда само братство ремесленников не упоминалось, а упоминалось лишь, что средства следует тратить на одну из указанных выше целей [1; 2, статуты: I, VIII, XXI, LXIX, LXX, XCIX].

Таблица 2

Структура доходов братства ремесленников [4]

<i>Статут</i>	<i>Размер части штрафа (в денье)</i>	<i>Наличие источников доп. дохода</i>	<i>Размер доп. дохода (в денье)</i>	<i>Некачественные продукты в пользу бедных</i>
I	24	0	0	1
XXIV	4	0	0	0
XXXI	12	0	0	0
XXXVIII	12	0	0	0
XLVIII	240 и 24	0	0	0
LI	60	0	0	0
LVI	24	0	0	0
LXI	60	0	0	0
LXIX	16	0	0	0
LXXXIV	24	0	0	0
LXXXVIII	24	0	0	0
XXVIII	240	1	60	0
LXXVII	24	1	120	0

<i>Статут</i>	<i>Размер части штрафа (в денье)</i>	<i>Наличие источников доп. дохода</i>	<i>Размер доп. дохода (в денье)</i>	<i>Некачественные продукты в пользу бедных</i>
LXXVIII	120	1	120	0
XX	0	1	60	0
XXI	0	1	60	0
XXII	0	1	60	0
XXV	0	1	60	0
XXX	0	1	120	0
XXXVII	0	1	12	0
LV	0	1	48 и 60	0
LXVIII	0	1	24	0
LXXII	0	1	60	0
LXXIV	0	1	60	0
LXXIX	0	1	120	0
LXXX	0	1	120	0
LXXX	0	1	120	0
LXXXVII	0	1	60 и 36	0
XCI	0	1	120	0
XCIX	0	1	240	1
LXX	0	0	0	1

Сравнивая структуру доходов религиозного братства ремесленников и лиц, занимающихся охраной цеха, можно сделать вывод, что штрафы занимали куда более значимое место в доходах лиц, «охраняющих цех», поскольку являлись основным типом дохода, иные источники которого не распространены, в то время как у религиозного братства ремесленников мы видим два зачастую взаимоисключающих источника финансирования (через штрафы и через иные источники дохода). При этом стоит отметить, что у братства ремесленников, вполне вероятно, иные доходы занимали несколько более важную ступень, чем доходы от штрафов, поскольку они встречаются чаще (19 к 14) и среднестатистический доход от них был несколько больше (91,57 к 64,85 денье).

1. Регистры ремёсел и торговли Парижа / пер. Л. И. Киселёвой; под. ред. А. Д. Люблинской // Средние века. М., 1957. Вып. X. С. 306–362.

2. Регистры ремёсел и торговли Парижа (Окончание) / пер. Л. И. Киселёвой; под. ред. А. Д. Люблинской // Средние века. М., 1958. Вып. XI. С. 171–221.

3. Составлено автором по: Регистры ремёсел и торговли Парижа, 1957; Регистры ремёсел и торговли Парижа (окончание), 1957; Lespinasse R., Bonnardot F., 1879.

4. Составлено автором по: Регистры ремёсел и торговли Парижа, 1957; Регистры ремёсел и торговли Парижа (окончание), 1958; Lespinasse R., Bonnardot F., 1879.

5. Lespinasse R., Bonnardot F. Histoire générale de Paris. Les métiers et corporations de la ville de Paris XIIIe siècle. le livre des métiers d'Etienne Boileau // Paris Imprimerie Nationale. P.1879.

УДК 930/94

Российская империя и Корея во второй половине XIX в.

В. И. Габов*,

*обучающийся 1-го курса магистратуры
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар*

***Аннотация.** Дальний Восток на современном этапе развития российского государства играет большую роль как в экономическом, так и в политическом аспектах. Дипломатические отношения между соседствующими странами способствуют развитию территорий. После присоединения Приамурья и Уссурийского края Российская империя стала соседствовать с Корейским полуостровом, где находилось государство Чосон. Страны начали налаживать контакт, и после принудительного «открытия» Корея начала рассчитывать на получение подданства Российской империи по той причине, что не могла самостоятельно противостоять колониальным державам.*

В статье представлен результат анализа научной литературы по истории взаимоотношений между Российской империей и корейским государством в конце XIX – начале XX в.

***Ключевые слова:** Российская империя, Коджон, королева Мин, Япония, дипломатия, Сеул, договор*

Российско-корейские отношения имеют долгую историю. Считается, что отправной точкой является подписание Пекинского трактата между Российской империей и Цинской империей, по которому низовья реки Тумынцзянь (рус. Туманная) стали границей между Россией и Чосоном.

Страной утренней свежести на тот момент правил ван Чхольджон (1831–1863). Однако в 1863 г. он умирает, и на престол восходит его несовершеннолетний родственник Ли Мёнбок (храмовое имя Коджон) (1852–1919). Регентом до достижения необходимого возраста был его отец Ли Хаын (1820–1898).

*Научный руководитель: **О. В. Золотарёв**, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

В 1866 г. Коджон женился на представительнице клана Мин. Выбор невесты для юного правителя был сделан регентом. Имя этой женщины не сохранилось, но все почитают её как «королеву Мин».

В 1874 г. у Коджона и королевы Мин рождается сын. Назвали его Чхок (посмертное имя Сунджок) (1874–1926). Также в это время королева сплотила клан Мин, расставила их на важные должности и получила поддержку конфуцианских учёных мужей. За счёт этого её муж смог взять власть в свои руки: издание указа о начале самостоятельного управления государством мужем позволило ему взять власть в свои руки. Тэвонгун ушёл в отставку [4, с. 76–78]

В 1876 г. Корея под жёстким военно-политическим давлением Японии вынуждена была «открыть» себя. Япония навязала Корее неравноправный договор. Затем последовали аналогичные договоры Кореи с США, Великобританией, Германией [4, с. 139].

В 1882 г. по настоянию Цинской империи в Корею был назначен советником немецкий востоковед Пауль Георг фон Мёллендорф. Это был первый иностранец, принятый на корейскую государственную службу. П. Г. фон Мёллендорф не только поддерживал реформаторскую деятельность Королевы Мин и представителей её клана, но и придерживался идеи о необходимости более тесного взаимодействия Кореи с Россией.

В июле 1884 г. Россия и Корея подписали Соглашение о дружбе и торговле, состоящее из 13 статей, которое установило дипломатические связи между Россией и Кореей. В результате его подписания была открыта Российская миссия в Сеуле в 1885–1886 гг. Поверенным в делах с 1886 по 1897 г. был назначен статский советник К. И. Вебер. Соглашение позволило России торговать и строить объекты в открытых портах Кореи. Российский военно-морской флот и корейские суда имели право заходить в порты друг друга для ремонта и пополнения запасов. Договор был ратифицирован 14 октября 1885 г. [4, с. 150–151].

Своей активной дипломатией и практическими действиями Россия предотвратила аннексию Кореи Китаем после попытки переворота 1884 г.

Китай и западные страны активно выражали своё недовольство по поводу российско-корейского торгового соглашения, используя методы запугивания в отношении корейцев так называемой «русской угрозой» [2, с. 4].

Однако, несмотря на это, в 1888 г. соглашение было дополнено конвенцией «Правила для сухопутной торговли с Кореей».

Японо-китайская война (1894–1895), которая была вызвана противостоянием двух стран за доминирование на Корейском полуострове, закончилась победой Японской империи. Над Чосоном нависла угроза оккупации. Вокруг вана стало расти количество «прояпонских» советников [5, с. 129–130].

Однако происходит значительное изменение обстановки, когда Россия, Франция и Германия совместными усилиями убеждают Японию отказаться от

Ляодунского полуострова. Это событие вызывает серьёзные перемены в восприятии в Корее. Многие начинают убеждаться в том, что Российская империя обладает необходимыми возможностями для противостояния Японии. В результате в королевском дворе начинают преобладать пророссийские настроения, сформулированные в стратегическом курсе «ближе к России – дальше от Японии».

20 августа 1895 г. японцы организовали нападение на дворец Кёнбоккун, в результате которого королева Мин была убита. Смерть королевы ознаменовала не только конец эпохи женщины-политика, которая активно боролась против японского влияния на свою страну, но и фактическое поражение «пророссийской» группировки.

После гибели Мин «прояпонская» политическая коалиция активизировала свою деятельность. В результате пророссийский кабинет, сформированный королём Коджоном и королевой Мин, был распущен, а на его место поставлены приверженцы «японского пути» развития Кореи [5, с. 128].

Опасаясь за свою жизнь и жизнь наследника, Коджон попросил политического убежища в российском посольстве в Сеуле. В записке, переданной российским дипломатам, он писал: «С сентября месяца меня неотступно окружает шайка изменников... Изменники могут воспользоваться случаем, чтобы погубить меня и моего сына. Вместе с наследником я намерен бежать от ожидающей меня опасности и искать защиты в Русской Миссии... Другого средства спастись у меня нет» [3, с. 237–238].

11 февраля 1896 г. король Кореи и его старший сын Ли Чхок тайно перебрались в здание российской дипломатической миссии в Сеуле, что вызвало политическую нестабильность в стране. Под покровительством России королевская власть продолжала осуществляться в течение более 12 месяцев в российской миссии.

Ван Коджон сформировал новое правительство и обратился к России с просьбой о помощи в обучении корейских военнослужащих. Россия согласилась на эту просьбу и направила небольшую группу военных инструкторов, которые активно работали над обучением корейских сил. Кроме того, Россия отправила финансового советника, который помогал Корее в вопросах экономики. В мае 1896 г. корейская делегация приняла участие в коронации императора Николая II и провела переговоры с российскими представителями. В результате были достигнуты важные соглашения, включая вопросы безопасности корейского короля и направление дополнительных русских военных инструкторов и финансовых советников в Корею. Это сотрудничество с Россией сыграло важную роль в укреплении Кореи как независимого государства [1, с. 69].

К. И. Вебер 2 февраля 1886 г. сообщал Н. К. Гирсу, что Коджон обратился к нему с предложением об установлении протектората России в Корее.

9 июня 1896 г. был подписан русско-японский протокол, устанавливающий юридическое равенство сторон вместо господства Японии. Это был успех русской дипломатии и свидетельство укрепления позиции России в Корее [6, с. 123].

Опасаясь все возрастающего влияния России на корейские дела, Япония, Великобритания, Франция и США стали настаивать на возвращении короля Коджона из российской миссии во дворец. Первое время король под разными предлогами неоднократно откладывал свой переезд. Однако, будучи обвинённым корейскими политиками в том, что столь длительное пребывание в иностранном посольстве унижает национальное достоинство Кореи, Коджон 20 февраля 1897 г. все же переехал в новый дворец Кенненгун.

В своём письме Николаю II король Коджон выразил глубочайшую благодарность и искреннюю преданность «великому государству и державному императору» за предоставление убежища в русской дипломатической миссии [6, с. 124].

В том же 1897 г. король объявил о создании империи, провозгласив начало новой эпохи Кванму. Себя он сделал первым императором Кореи. Однако де-факто, новое «императорское» правительство было неспособно контролировать ситуацию в стране, все больше погружающейся в кризис.

Стремление короля Коджона и королевы Мин сохранить независимость Кореи, полагаясь на поддержку России, имеет различные трактовки северокорейскими историками. Они называют действия Коджона и Мин попыткой «цепляться за царскую Россию». В северокорейской исторической литературе бегство Коджона в русскую дипломатическую миссию в январе 1896 г. называется «сговором с пророссийскими элементами», а образование им нового правительства, выступившего против ориентации на Японию, считается «проявлением низкопоклонства короля». Таким образом, эта точка зрения делает акцент на влиянии и роли России в истории Кореи в тот период.

В литературных произведениях южнокорейских авторов мы можем найти схожую оценку действий России по сохранению независимости Кореи. В своей книге «1 200 дней в Москве» бывший советник посольства Республики Кореи в Москве Со Хен Соб описывает пребывание Коджона в российской дипмиссии как «национальный позор». Такое осуждающее отношение к этому событию выражает негативное отношение к нему и подчёркивает его значимость в истории Кореи.

В российской историографии действия короля Коджона и королевы Мин имеют положительную оценку. Благодаря их действиям удалось хоть и временно, но ослабить господство колонизаторов.

Позже Япония усилила своё влияние на Корейском полуострове, а Россия ослабла из-за изменений в своей политике. В апреле 1898 г. Россия подписала

Токийский протокол, отозвав своих военных инструкторов и финансового советника из Кореи, а Русско-Корейский банк прекратил свою деятельность после подписания Токийского протокола в 1898 г.

Русско-японские отношения продолжали ухудшаться. В конечном счете разразилась русско-японская война (1904–1905), завершившаяся поражением России и окончательной потерей наших позиций на Корейском полуострове. В 1905 г. Япония навязала Корее статус протектората, а в 1910 г. Корея перестала существовать как самостоятельное государство. Япония аннексировала Корею, превратив её в колонию [1, с. 69–70].

Изучение этого вопроса помогает нам лучше понять предшествующие события 1896–1897 гг. между Россией и Кореей. Анализ причин и последствий связанных с Россией надежд позволяет нам оценить значимость этих событий и их воздействие на обе страны. Более тщательное исследование раскроет более детальный анализ и лучшее понимание сложных отношений между Россией и Кореей в этом историческом контексте.

1. Закирова Р. А. Российское посольство во времена Чосон: защита короля Коджона // Кореистика в России: направление и развитие. 2024. № 1. С. 67–71.

2. Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея (1876–1898) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 43 с.

3. Пак Б. Д. Россия и Корея. М.: ИВ РАН, 2004. 520 с.

4. Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 640 с.

5. Симбирцева Т. М. Убийство во дворце Кёнбоккун // Восточная коллекция. 2004. № 3. С. 127–142.

6. Тягай Г. Д. Король Коджон в русской миссии // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 3. С. 118–124.

УДК 94(497.17)

**Регламент чет ТМОРО 1900 г.
как доктринальная основа четнического движения в Македонии
накануне Илинденского восстания**

*А. П. Нигамедзянов,
обучающийся 3-го курса
МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

Аннотация. Статья посвящена истории становления четнического движения в Македонии в конце XIX – начале XX в. и его состоянию накануне крупнейшего восстания в новейшей македонской истории – Илинденского восстания 1903 г. Особое место уделяется анализу Регламента чет Тайной македонско-одринской революци-

онной организации 1900 г. как одного из главных документов, отражающих устройство четнического движения в Македонии в первые годы XX в.

Ключевые слова: *история Болгарии, история Македонии, четническое движение, четы, национально-освободительное движение*

В конце XIX в. мощная волна национально-освободительных движений, охвативших во второй половине века балканские народы Османской империи [5, с. 263–265], докатилась до области Македония, разделенной между Битольским, Салоникийским и Ускюбским вилайетами [7, с. 9–10]. Относительно запоздалый характер освободительного движения в Македонии обусловил довольно позднее оформление контуров антиосманской борьбы в регионе [13, с. 97].

В отличие от Болгарии и Сербии, получивших независимость в 1878 г. по условиям Берлинского трактата, освободительное движение в Македонии в это время потерпело поражение [1, с. 56–57; 5, с. 275–276] и было отсрочено на несколько десятилетий [4, с. 13–14; 7, с. 9–10].

На протяжении этого времени болгарское правительство оказывало организационную и ресурсную поддержку противникам османского правления в Македонии [6, с. 13–17] – так на македонскую почву переносилась теория и практика политической борьбы [13, с. 98], которую активно воспринимал доминирующий этнос в регионе – македонские болгары [5, с. 276].

С точки зрения македонской историографии в Македонии второй половины XIX в. уже оформилась македонская нация [4, с. 32] и антиосманское движение в регионе было македонским национальным движением [4, с. 32–33; 14, с. 99–100]. На наш взгляд, это преувеличение, и историю национально-освободительного движения в Македонии во второй половине XIX – начале XX в. следует рассматривать как часть болгарского освободительного движения [2, с. 133; 6, с. 19–20], а Македонию в данный период – как неотъемлемую часть болгарского исторического и этнического пространства [5, с. 170].

Важным рубежом в истории национально-освободительного движения в Македонии была первая половина 1890-х гг. [13, с. 95–96], когда сложилась институциональная основа революционного движения в Македонии в лице Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО), основанной в 1893 г. [9, с. 140]. Организация неоднократно меняла свое название [9, с. 143–144]. С конца 1890-х гг. по 1905 г. она называлась Тайной македонско-одринской революционной организацией (ТМОРО) [9, с. 146–147].

Для удобства мы будем использовать термин «ВМОРО» для обозначения названия организации на протяжении всей ее истории, сохраняя прочие названия организации (БМОПК, ТМОРО и др.) только при обозначении нормативных

документов организации. Такой подход превалирует в болгарской и отечественной историографии [3, с. 171–172; 9, с. 146].

ВМОРО ставила своей основной целью освобождение Македонии [9, с. 145] и Одринской Фракии от османского правления [13, с. 99]. Средствами достижения цели признавались революционная деятельность и вооруженная борьба против власти [13, с. 46–47]. Первоначально вооруженные силы организации были представлены нерегулярными четническими отрядами [7, с. 20; 8, с. 10], совершавшими в Македонии отдельные рейды и теракты против османов [3, с. 174].

По мере развития революционного движения и распространения в Македонии подпольных структур ВМОРО четничество претерпевало определенные изменения [6, с. 32–33; 9, с. 146]. К концу 1890-х гг. стали формироваться четы в новом понимании этого слова – четы как регулярные [3, с. 175], постоянно действующие вооруженные отряды [10, с. 23–24], тесно переплетенные с другими институтами ВМОРО [7, с. 27; 9, с. 146]. В подготовке чет принимали участие офицеры болгарской армии [13, с. 99–100].

Помимо военных функций четы вели также политическую деятельность на местах – исполняли полицейские и судебные функции [2, с. 141–142], облагали население налогами для дела революционной борьбы [3, с. 175]. Такая многофункциональность чет позволяла отечественному историку Д. О. Лабаури говорить даже о «теневом государстве ВМОРО» [2, с. 147–148].

Большинство историков среди основных функций чет выделяет агитационную и организаторскую работу [3, с. 180; 10, с. 23–25; 13, с. 97–98], призванную подготовить население к борьбе [10, с. 23–25]. Следствием этого были последовательные репрессии со стороны османских властей [7, с. 47–48]. С конца 1890-х гг. количество раскрываемых властями «дел» (на болг. – «афери») неуклонно возрастало [7, с. 49–60]. Термин «дело» («афера») закрепился в болгарской историографии [7, с. 23–24; 8, с. 11; 13, с. 77].

К концу 1890-х гг. начинает оформляться нормативная документация, регулирующая непосредственно деятельность четнических отрядов [9, с. 147]. Нормативные акты, регламентирующие четническое движение, приводятся в соответствие с уставными документами ВМОРО – в том числе Уставом БМОРК (Болгарские македонско-одринские революционные комитеты, как тогда называлась ВМОРО) и Регламентом БМОРК от 1896 г.

Первым уставным документом, регулирующим непосредственно деятельность чет, был Регламент чет Тайной македонско-одринской революционной организации 1900 г. (на болг. – «Правилник за четите на Тайнатамакедонско-одринска революционна организация») [11]. Интересным вопросом является перевод на русский язык болгарского слова «правилник». М. Л. Ямбаев предла-

гает несколько вариантов перевода – «циркуляр», «регламент», «инструкции» [3, с. 180–181].

На наш взгляд, наиболее уместным вариантом перевода в данном контексте является именно термин «регламент», который мы используем и в данной статье. Данный вариант перевода отражает суть документа – подробное регламентирование всех мелких вопросов, касающихся деятельности чет, менее свойственное для устава как формы нормативного документа.

Согласно Регламенту, четы представляют собой неотъемлемые структуры ВМОРО на местах, «дополнительные части местных районных организаций» (гл. II, п. 1) [11, с. 3]. В каждом районе действовала одна чета (гл. I) [11, с. 3]. В чете, согласно Регламенту, могло состоять семь человек и более (гл. V, п. 27) [11, с. 14], хотя встречались четы меньше семи человек [10, с. 20–21]. Регламент разделяет четы на сельские и городские без каких-либо организационных различий между ними (гл. II, п. 4, 5) [11, с. 4–5].

Четы управлялись руководящими органами (на болг. – «ръководител-нотяло») (гл. V, п. 38-41) [11, с. 17–18], подотчетными местным комитетам (гл. II, п. 4, гл. IV, п. 19) [11, с. 4, 11]. Каждая чета должна была иметь исполнительную полицию (гл. II, п. 4) и тайную почту (гл. II, п. 4) [11, с. 4]. Также четам было поручено вести свою документацию – сметы и поименные списки членов, которые они должны представлять в местные комитеты наряду с ежемесячными отчетами о работе (гл. II, п. 4, гл. IV, п. 20) [11, с. 4, 12].

Устав в качестве основных функций чет выделяет распространение революционных идей среди населения (гл. II, п. 1, 3) [7, с. 27; 11, с. 3–4], подготовку населения к восстанию (гл. II, п. 2, п. 5) [11, с. 4–5], хранение оружия и раздачу его населению (гл. II, п. 6) [11, с. 5]. Четы также были наделены функцией сбора денег у населения для подготовки восстания (гл. II, п. 7, 10) [11, с. 5–6; 13, с. 99–100]. «Последней задачей» чет (на болг. – «крайна задача») было участие в будущем восстании (гл. II, п. 11) [3, с. 186; 11, с. 6–7].

Деятельность чет была строго тайной [9, с. 151] – четникам запрещалось расспрашивать начальство о не относящихся к ним действиях организации, а четы различных районов не имели права без необходимости (гл. III, п. 15) [11, с. 9–10] сообщать друг другу о своей работе (гл. III, п. 14) [11, с. 9]. Располагать информацией о работе чет могли только местные комитеты и Центральный комитет (гл. III, п. 14) [11, с. 9].

Четы были наделены карательными функциями – они исполняли смертные приговоры в отношении лиц, против кого они были вынесены организацией (гл. II, п. 8) [11, с. 5]. Четы не имели права, за редкими исключениями (гл. III, п. 17) [11, с. 10–11], самостоятельно выносить смертные приговоры (гл. II, п. 9, гл. III, п. 17, гл. IV, п. 23) [11, с. 6, 10, 13]. В то же время чета могла осудить членов на смертную казнь за тяжкие преступления (гл. V, п. 46) [11, с. 21–22].

Крайне интересна монополия ВМОРО на революционную деятельность, закреплённая в Регламенте. Четам предписывается задерживать и обезоруживать бойцов чет, не относящихся к ВМОРО (гл. II, п. 9, гл. III, п. 17) [11, с. 6, 10]. Четты имеют право совершать грабежи с позволения руководства (гл. II, п. 10) [11, с. 6], но должны бороться с любыми разбойными действиями [13, с. 104–105], не относящимися к организации (гл. II, п. 9, гл. III, п. 17) [11, с. 6–10]. В этом видно стремление руководства ВМОРО взять национально-освободительную борьбу в регионе в свои руки [9, с. 152–153].

Принципы четнического движения, заложенные в Регламенте 1900 г., оставались неизменными вплоть до Илинденского восстания 1903 г. [10, с. 43] – важнейшего события в истории ВМОРО [3, с. 158; 8, с. 14]. После восстания, закончившегося поражением повстанцев [3, с. 158; 8, с. 21–22], были изданы новый Устав, Регламент, Регламент чет ВМОРО [12] и другие нормативные документы. В них был добавлен ряд новых положений, но некоторые пункты остались неизменными с 1900 г. [12, с. 2–7].

Таким образом, организационные и доктринальные основы четнического движения ВМОРО в Македонии в своей основе были закреплены Регламентом чет 1900 г. Данный документ отразил состояние четнических структур организации в первые годы XX в. – в канун Илинденского восстания 1903 г. Опыт восстания был учтен руководством ВМОРО для дальнейшего развития революционной борьбы, вплоть до полного освобождения Македонии.

1. Гуринова О. Н. Македонский вопрос в международных отношениях 1913–1920 гг. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2015. 304 с.

2. Лабаури Д. О. Евангелие и револьвер: Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-история, 2018. 328 с.

3. Ямбаев М. Л. Четты ВМОРО – компонент политической системы Болгарии (Начальный этап их деятельности) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2006. С. 166–186.

4. Димески Д. Македонскотонационалноосвободителнодвижење во Битолски-отвилает (1893–1903). Скопје: Студентскизбор, 1981. 580 с.

5. Дойнов Д. Кресненското-Разложкотовъстание, 1878-1879: Принос за неговия обхват и резултати, за вътрешните и външнополитическите условия, при които избухва, протича и стихва. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1979. 333 с.

6. Илинденско-преображенското въстание 1903–1968. София: Изд-во на Нац. съвет на Отечествения фронт, 1968. 459 с.

7. Македония и Одринско (1893–1903). Мемоар на Вътрешната организация. София: Задграничнопредставителство на ВМОРО, 1904. 287 с.
8. Михайлов И. Македоно-одринската революционна борба преди и през Илинденското въстание // Сборник Илинден 1903–1921. Сборник в памет на големото македонско въстание. София: Македонското студентско дружество «Вардар», 1921. С. 7–22.
9. Пандев К. Националноосвободителното движение в Македония и Одринско (1893–1903 г.) // Свобода и отечество. Статии, документи, очерци, литературни материали за Пиринския край. София: Отечествен фронт, 1972. С. 139–160.
10. Петров Т. Нелегалната армия на ВМОРО в Македония и Одринско, 1899–1908. София: Изд-во на м-во на отбраната "Св. Георги Победоносец", 1993. 226 с.
11. Правилник за четите на Тайната Македоно-Одринска Революционна Организация. София: Задграничнопредставителство на ВМОРО, 1900. 22 с.
12. Правилник на четите на Вътрешната Македоно-Одринска Революционна Организация. София: Автономия – Задграничен лист на Вътрешната македоно-одринска революционна организация, 1905. 16 с.
13. Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. 1. Илинденското въстание. София: Издание на Илинденската Организация, 1933. 454 с.
14. Църнушанов К. Македонизмът и съпротивата на Македония срещу него. София: Св. Климент Охридски, 1992. 533 с.

УДК 93/94

Сравнение антикомунистическа политика на правителствата Пхибунсонгхрама и СаритаТханарата, Тханомакиттикачона

К. В. Анискевич,
обучающийся 3-го курса
СПбГУ, г. Санкт-Петербург*

Анотация. В статията се сравняват тайландските правителства Пхибунсонгхрама и СаритаТханарата в областта на антикомунистическите реформи.

Ключевые слова: новейшая история Таиланда, коммунизм, политика антикоммунизма, военное правительство, маоизм

XX век – време, когато целият свят се сблъска с стремително развитие на комунизма както на Запад, така и на Изток. Во много страни на Азия комунизмът привлек много внимание, обаче с Тайланд дело е различно. В монархията комунистическите идеи се развивали противоречиво и ограничено ввиду на много причини. В първоначално, из-за характера на самите тайци, които смятали комунистическите идеи за нещо далечно и различно, так-

* Научен ръководител: **В. Н. Колотов**, д-р ист. наук, доцент, завеждащ катедра по история на Далечния Изток, СПбГУ, г. Санкт-Петербург.

же из-за сугубо отрицательного отношения властей к коммунистам и всем тем, кто любым образом мог быть к ним причастен.

При анализе развития коммунизма в Таиланде уместно обращаться ко времени военных переворотов, где самыми яркими личностями являются маршалы ПлэкПхибунсонгкхрам (Пхибун, годы у власти: 1938–1944, 1947–1957), Сарит-Тханарат (Сарит, годы у власти: 1958–1963) и ТханомКиттикачон (Тханом, годы у власти: 1963–1973). Традиционно в тайской историографии эры Сарита и Тханома соединяют в одно целое, поскольку политика Тханома во многом являлась продолжением деятельности Сарита. В Таиланде большинство глав правительства относились к военным, приходя к власти посредством военного переворота. С 1932 по 2023 г. в Таиланде произошло не менее 13 *coup d'état*; военные до сих пор имеют большое влияние. В связи с этим возникает вопрос – что позволило им настолько обосноваться в государственном аппарате? По мнению автора данной работы, значительную роль сыграла правительственная борьба с коммунизмом, и именно при кабинетах Пхибуна, Сарита и Тханома. Однако маршалы относились к «красной заразе» неодинаково, поэтому и антикоммунистическая политика носила разный характер.

Чтобы понять, с какой «угрозой» государству столкнулся Пхибун, необходим краткий обзор коммунистического движения в Таиланде до 1938 г. Коммунизм в Таиланде появился в 1920-х гг. под немалым влиянием Ханоя. Создание коммунистических ячеек в соседней стране, как считали вьетнамцы, могло бы значительно помочь в их борьбе против Франции [17, с. 73]. В 1931 г. была создана Китайская коммунистическая партия Сиам, которая опиралась на опыт политической борьбы в Китае [2, с. 334], но вести эту борьбу в Сиаме они предполагали собственными силами, без участия радикальных националистов и вообще сиамцев [12, с. 129]. К 1940-м гг., коммунистами в Таиланде были практически одни иностранцы, не заинтересованные в революции в Таиланде. Коммунистические партии в довоенный период были разрозненны и несостоятельны, действовали в отрыве от тайцев и от реальной политической обстановки. Среди коммунистов в Сиаме не было концепции диктатуры пролетариата или свержения правительства, зато четкими были идеи уравнивания в правах меньшинств.

После свержения абсолютной монархии власть в Таиланде была крайне нестабильна, новым министрам было необходимо объяснить легитимность своего правления [16, с. 348]. Более того, им было необходимо доказать народу, что они устроили военный переворот не ради личной верховной власти, а только для блага населения страны, проводя социально-экономические реформы для повышения качества жизни. Борьба с коммунизмом, который уже был демонизирован в высших кругах, могла бы стать основой укрепления власти военных, в первую очередь кабинета Пхибуна в Таиланде.

При анализе антикоммунистической деятельности Пхибуна можно выделить несколько характерных черт.

Ненависть к китайцам. Исторически сложилось, что в Таиланде с XIX в. основообразующую роль в экономике играли китайцы, что подвергало национальную экономику опасности. Ситуация особенно обострилась с победой коммунизма в Китае в 1949 г., после чего в Таиланде всех китайцев стали отождествлять с маоистами. Пхибун, будучи скорее индифферентным к самим идеям марксизма-ленинизма (маоизма), крайне боялся роста числа китайских общин [9, с. 40]. Из-за обвинений в распространении коммунизма, например, для китайцев были повышены сборы, значительно ограничен въезд в страну [16, с. 68]. В целом отношение к китайцам прививалось сугубо негативное. Из этого обстоятельства следует следующий фактор.

Продвижение тайского национализма (ความเป็นไทย). При Пхибуне получили широкое распространение идеи «тайскости» (англ. Thainess), национальная гордость тайцев, с помощью которой предполагалось сплотить народ — «своих» (we) против «чужих» (others). Правительство ярко противопоставляло тайцев, которые чтут нацию, религию и короля, и всех других, будь то китайцы, европейцы или коммунисты. Население, которое поддерживало революционные идеи, было названо коммунистами, поскольку настоящий таец, согласно националистической пропаганде правительства Пхибуна, никогда бы не пошел против своего государства [14, с. 585].

Союз с США. После Второй мировой войны коммунизм стал стремительно развиваться в ЮВА, поэтому Вашингтон, руководствуясь «теорией домино», понял необходимость создания своей базы в Юго-Восточной Азии для борьбы с коммунистическими идеями. Американцы считали Таиланд «наиболее политически и географически удобной базой для формирования противодействия [коммунистам]» [10, с. 7]. Таиландское правительство, в свою очередь, от такого союза получало бы высокое финансирование и множественные поставки оружия, что было необходимо еще не стабильному кабинету Пхибуна. Таиланд и не стал бы предпринимать никаких действий против коммунизма в начале 1950-х, если не был бы уверен в финансовой и военной поддержке стран Запада [11, с. 3]. Стоит предположить, что борьба с коммунизмом была по большей мере средством привлечения внимания США.

Таким образом, в «эру» Пхибуна борьба с коммунизмом была нечеткая и скорее инертная. Антикоммунистическая политика могла быть средством достижения других целей — борьбы с засильем китайцев, продвижения идей тайского национализма и получения финансовой помощи Вашингтона. Необходимо также отметить, что и само коммунистическое движение было слабым, не получив должного распространения среди тайцев. Однако поскольку в стране

практически не было настоящих приверженцев идей марксизма-ленинизма (маоизма), то в Таиланде не появились и настоящие политически убежденные антикоммунисты [9, с. 42–43].

Итак, при таком положении дел к власти пришел Сарит, совершив военный переворот 1957 г., который был обусловлен борьбой с коммунизмом [4, с. 200]. Воспитанные идеями неприятия коммунизма и любых левых течений, и Сарит, и Тханом были яркими противниками коммунизма, однако считали его скорее проблемой меньшинств [8, с. 21]. В то время к числу коммунистов прибавились также горные поселения на севере и северо-востоке страны, которые не считали себя тайцами. Китайские и вьетнамские коммунисты находили бедные горные племена, успешно проводили собрания, где обращали людей в свою «веру». В связи с этим правительство Сарита, а позже Тханома перешли к следующему этапу антикоммунистической политики:

Социальные реформы. Север и северо-восток правительство начало застраивать школами, рынками и дорогами, повышать уровень медицины [3], обеспечивая уровень социальной безопасности тайцев. Благодаря этому, как считали государственные деятели, распространение коммунистической повестки должно было замедлиться, поскольку коммунистам стало бы просто нечего предложить населению. Социальный фактор в политике 1957–1973 гг. имеет высокую значимость, поскольку благодаря ему на отдаленные от центра районы практически впервые обратили внимание. Тем не менее, в исторических документах отмечают, что структуры и обязанности были плохо организованы [5, с. 7] и реформы не приносили ожидаемых результатов.

Военная сила. Начатые при Сарите и хорошо развитые при Тханоме, в Таиланде существовали военные организации, которые были созданы для жестокого подавления всего левого движения. Например, Оперативное командование операциями по подавлению коммунизма (CSOC), Пограничная полиция (BPP). Военные, занятые в этих организациях, нередко обвинялись в превышении полномочий, поскольку сами не до конца понимали, кем были коммунисты и как они могли навредить режиму [7, с. 16], потому поступали излишне жестко со всем населением. Другими словами, если при Пхибуне большое внимание уделялось идеологической борьбе с коммунистами, то при Сарите-Тханарате ставка делалась на подавление военными силами.

Китайский фактор. В 1965 г. при правительстве Тханома Китай выразил открытую поддержку революционному коммунистическому движению в Таиланде [6, с. 78], а позже оказывал финансовую помощь. Важно отметить, что примерно с того времени коммунизм в королевстве приобрел четкий характер маоизма — китайцы, занимающиеся пропагандой в Таиланде, полностью ушли в джунгли и выступали против правительства только на нестабильных окраинах страны; на тайский язык были переведены работы Мао Цзэдуна, по которым

велось обучение новых членов партии [13, с. 331]. Иначе, коммунизм оставался проблемой меньшинств, военное правительство Тханарата уделяло все большее внимание другим нациям в стране в борьбе с коммунистическими идеями. Охраняя народ Таиланда от иностранной угрозы, военное правительство стремилось доказать легитимность своей власти.

Американский фактор. Вьетнамская война имела большое влияние на страны ЮВА, в том числе и для Таиланда, где базировались американцы. На территории страны были размещены военные базы (У-Тапао, НакхонПханом и др.). Поскольку Таиланд был проамериканским государством, то и любых коммунистов, которые, что примечательно, находились практически в тех же местах, что и американцы, военные стремились уничтожить, принимая финансовую помощь Штатов.

Тем не менее, конец 1960-х гг. стал временем турбулентности для военных из-за набирающих популярность среди населения демократических идей. В то же время идея коммунистической угрозы, на которой базировалась власть военных, была скомпрометирована решением президента Никсона вывести войска из Вьетнама [1, с. 101].

Таким образом, при правительствах Сарита и Тханома коммунизм продолжил быть «иностранной заразой», однако борьба с ним стала организованной. Вопрос идеологии отошел на второй план, а военная борьба с коммунизмом ужесточилась не без помощи Вашингтона. Таиландское правительство боялось развития красных идей на окраинах (в Бангкоке и других более развитых районах коммунисты не нашли последователей), поэтому проводило реформы в социальной сфере. Ввиду того, что коммунистами были в основном китайцы, а неприязнь к красным возвращали военные под эгидой Вашингтона, можно предположить, что Таиланд стал своего рода ареной, где для США было необходимо чужими руками остановить коммунистическую угрозу всему миру.

В заключение необходимо отметить, что и Пхибун, и Сарит-Тханом не принимали коммунизм и всячески боролись против него. Если при Пхибуне упор делался на антикоммунистическую идеологию, то при Сарите и Тханоме фокус перешел на жестокое подавление всех радикально настроенных тайцев, многие из которых по-настоящему коммунистами и не являлись. Тем не менее, именно благодаря специально созданной не без помощи Вашингтона коммунистической угрозе и соответственно борьбе с ней военным удалось укрепиться в верхних эшелонах власти.

1. Пугачева Е. В. Феномен военных переворотов в новейшей истории Таиланда в контексте системы национальной и региональной безопасности (XX–XXI вв.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. 238 с.

2. Ребрикова Н. В., Калашников Н. И. Таиланд. Общество и государство. М.: Наука, 1984. 129 с.
3. Aisya C. Communist Party of Thailand // НОВОСТН. 2021. URL: <https://www.hobocn.ru/2021/09/17/communist-party-of-thailand/> (дата обращения: 23.11.2023).
4. Casella A. Communism and Insurrection in Thailand // The World Today. 1970. 26 (5). Pp. 197–208.
5. Communist Insurgency in Thailand. 1966. Number 52–66. CIA. Secret.
6. Cui F. Communism in Thailand as a transnational revolution and the influence of China's foreign policy // Journal of Language and Culture. 2022. 41 (2). Pp. 67–89.
7. Kerdphol S. The Struggle for Thailand: Counter-insurgency, 1965–1985. Bangkok: Research Center Co, 1986. P. 253.
8. Pawakapan, P. Infiltrating Society: The Thai Military's Internal Security Affairs. Singapore: ISEAS – YusofIshak Institute, 2021. P. 182.
9. Poonkham J. A Genealogy of Bamboo Diplomacy: The Politics of Détente with Russia and China. Canberra: Australian National University Press, 2021. P. 325.
10. Psychological Strategy Board in Washington D. C. U. S. Psychological Strategy with Respect to the Thai Peoples of Southeast Asia. Number CIA-RDP80R01731R000700450029-9. 1953. CIA. Top secret.
11. Resistance of Thailand, Burma, and Malaya to communist pressures in the event of a communist victory in Indochina in 1951. Number NIE 20. 1951. CIA. Secret.
12. Stuart-Fox M. Factors influencing relations between the communist parties of Thailand and Laos: The second conference of the Asian studies; Association of Australia at the university of New South Wales. California, 1979. P. 334.
13. Wedel Y. The Communist Party of Thailand and Thai Radical Thought // Southeast Asian Affairs. 1981. 1981 (1). Pp. 325–339.
14. Winichakul T. Nationalism and the Radical Intelligentsia in Thailand // Third World Quarterly. 2008. 29 (3). Pp. 575–591.
15. ตามไทดิลกรวิทย์รัตน์. "คอมมิวนิสต์" ในการเมืองไทยกรุงเทพฯ: จุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2544. 135 с. (Дилоквиттхайрат Т. “Коммунисты” в тайской политике. Бангкок: университет им. Короля Чулалонгкорна, 2001).
16. สุทธินันท์สุวรรณวิจิตรและวรวิทย์กลิ่นสุข. ทหารกับการเมืองในประเทศไทย Phetchabun Rajabhat Journal – ปีที่ 6 ฉบับที่ 2 ประจำเดือนมีนาคม – เมษายน 2564. С. 344–353 (Суваннавитьит С., Клинсук В. Военные и политика Таиланда // Журнал Пхетчабун Ратчабат. 2021).
17. ธงชัยฟุ้งกันไทย. ลัทธิคอมมิวนิสต์และนโยบายต่อต้านของรัฐบาลไทยพ.ศ. 2468-2500 :วิทยานิพนธ์อักษรศาสตร์มหาบัณฑิตสาขาศาสตร์ประวัติศาสตร์ : กรุงเทพฯ, 2521. 512 с. (Пынгкантай Т. Коммунизм и политика таиландского правительства по борьбе против коммунизма 1925–1957 гг. : дис. магистра филологических наук по направлению «история». Бангкок: Университет им. Короля Чулалонгкорна, 1987).

Предместье *Cardelpont* средневекового города Альби: в поисках идентичности

Л. О. Раевский*,
аспирант 3-го года обучения
ТюмГУ, г. Тюмень

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового статуса предместья *Cardelpont* средневекового города Альби. Особое географическое положение предместья, находившегося на границе двух сеньшалств, приводило к многочисленным спорам о его юридической принадлежности и конфликтам между представителями местных властей. Подобная ситуация продолжала складываться на протяжении нескольких столетий. С целью урегулирования вопроса стороны неоднократно обращались к королю Франции. Однако, несмотря на его решения, в связи с различными поводами вопрос о правовом статусе предместья продолжал подниматься и в последующее время. Все это оказало влияние на формирование особой идентичности жителей *Cardelpont* в качестве обособленного сообщества.

Ключевые слова: город, Альби, идентичность, урбанистика, средние века, городское пространство

История города Альби уходит своими корнями в эпоху Античности и Раннего Средневековья. При этом первоначально город располагался на левом берегу реки Тарн. И лишь после постройки в 30–40-е гг. XI в. Старого моста [2, с. 129; 3, с. 5; 5, с. 25] через реку, на противоположном правом берегу стало формироваться предместье, получившее название *Cardelpont*, что в переводе с окситанского языка означает «предмостное укрепление», «голова моста», «тет-де-пон» (заимствование в русском языке из французского аналогичного термина «*têtedepont*»). Однако появление предместья породило целый ряд споров о его административной принадлежности. Главный вопрос заключался в том, является ли он частью города Альби или представляет собой отдельную коммуну. Ответ на него был неоднозначным.

На первый взгляд предместье являлось неотъемлемой частью города, что подтверждается грамотой 1296 г., согласно которой жители Кап дель Понт признают власть над ними епископа Бернара де Кастане и консулов Альби: «...все мы вышеозначенные из замостного укрепления Альби за рекой Тарном... признаем..., что мы и все предместье, расположенное в вышеозначенном месте за мостом через реку Тарн в Альби, являемся частью коммуны и сообщества

* Научный руководитель: **А. Г. Еманов**, д-р ист. наук, профессор, профессор археологии, истории стран Древнего мира и Средних веков, ТюмГУ, г. Тюмень.

названного города Альби, кварталов Комб и Сент-Аффрик, и находимся под властью вашего консулата и названного города... и признаем власть господина епископа Альби...» – «...*nos omnespraenominati de Capite, velsuburbio, autbarrio Capitispontis Albiae de ultra Tarnum... recognoscimus... nos et totum Barriumdictiloci de ultra pontemTarni Albiae esse de comunitate et universitadedictae Albiaecivitatis de gachis de las Combas, et de Sancto Affricano et esse de consulatu et subconsulatuvestro, et dictaecivitatis et de ... jurisdictione ... dominiepiscopi Albiensis...*» (пер. мой. – Л.О.) [4]. Кроме этого, из грамоты мы узнаем, что предместье не только является частью города, но и юридически входит в состав двух его кварталов – Комб и Сент-Аффрик.

Однако, несмотря на это, река Тарн являлась границей между сенешальством Каркассона, к которому относились земли, находящиеся по левому берегу реки, включая город Альби, и сенешальством Тулузы, под юрисдикцию которого попадали земли, расположенные на правом берегу [3, с. 31].

В связи с этим чиновники сенешальства Тулузы неоднократно привлекали к суду людей за преступления, совершенные на территории предместья. Так, в 1302 г. комиссары сенешальства расследуют дело о нападении на мосту Альби некоего Эстева Макареля на жителя города Рамона Бу. В 1311 г. в городе Корд, власть консулата которого распространялась на весь правый берег вплоть до предместья, судили жителя Альби Жана Кадьера за совершенную им кражу в Кап дель Понт. В обоих случаях консулы Альби рассматривали происходящее как вмешательство во внутренние дела города и выражали свой протест [3, с. 31].

Помимо этого, интересы властей сталкивались и в вопросах налогообложения. Как правило, жители предместья платили налоги вместе с остальными горожанами Альби, что подтверждает и вышеозначенная грамота 1296 г.: «...*признаем, что мы должны платить талью и вносить свой вклад в общие расходы вышеназванного города и обеспечивать другие траты в случае необходимости...*» – «...*recognoscimus... nos debere... contribueretalliis, et expensis communibuspraedictaecivitatis, et aliisnecessitatibus...*» (пер. мой. – Л.О.) [4]. При этом в 1341, 1335–1340 гг. сенешаль Тулузы предпринимает попытки взимать налоги с жителей Кап дель Понт [7].

Кроме этого, интересы сталкивались и в вопросах формирования вооруженных отрядов. В 1295 г. консулы города Корд требовали, чтобы жители Кап дель Понт выставляли вооруженные отряды совместно с ними [6].

В 1338 г. консул Альби Понс Ратье в городе Гайак выражал протест Арно Лемози, лейтенанту судьи Альбижиа Бернара Пелисье, по поводу писем с требованием отправить в Гайак шесть вооруженных людей из Кап дель Понт, которые должны были присоединиться к войскам сенешаля Тулузы. Ратье заявляет, что Кап дель Понт является неотъемлемой частью города Альби и поэтому

должен выставлять войска совместно с городом, который, в свою очередь, относится к сенешальству Каркассона. Однако Лемози отвергал требования [6, с. 209; 7, с. 295–296].

Споры вокруг юридической принадлежности предместья доходили до того, что в 1342 г. по этому вопросу высказывался король Франции Филипп VI, который встал на сторону консулов Альби и сенешаля Каркассона [3, с. 35].

Однако, несмотря на это, проблема оставалась актуальной и в более поздние времена. В середине XVI в. лейтенант вигье Каркассона Делафон во время военного смотра, проведенного в Альби, вынужден был уточнять, что в смотре также принимали участие жители Кап дель Понт, так как предместье являлось частью города [7, с. 306]. А в 1552 г. чиновники сенешальства Тулузы предприняли очередную попытку взимать налоги в Кап дель Понт [3, с. 36].

Вместе с этим, несмотря на то, что жители предместья признавали власть консулов и епископа Альби, имели место и случаи неподчинения городским властям.

В 1343 и 1348 гг. жители Кап дель Понт отказывались платить налоги вместе с жителями Альби. Однако по окончании процесса девять королевских сержантов все же согласились с требованием уплаты налогов [7, с. 331–332]. Король вынужден был в очередной раз подтвердить, что Кап дель Понт – это часть Альби: «...жители вышеозначенного пригорода, находящегося возле моста названного города Альби, составляющие вместе с городом Альби единое общество и единый консулат...» – «...habitantes ville dictiberry in fine pontis dicte ville Albigenis... de corpore communie ville Albigenisfacientesunamcommuniam et unum consulatum...» (пер. мой. – Л.О.) [1].

В равной степени имели случаи неподчинения и сенешалю Тулузы. Так, в 1282 г. жители Кап дель Понт развели огонь на правом берегу реки, на холме, неподалеку от поселения Кастельно де Бонафу. Жители поселения взяли за оружие, чтобы изгнать оттуда пришедших. Для разрешения ситуации по указанию Эсташ де Бомарше, лейтенанта сенешаля Тулузы, в Альби были направлены комиссары. Жители Кап дель Понт при этом заявили, что их сеньором являлся епископ, ему принадлежал суд над ними, а территория, на которой был разведен огонь, была частью епископских владений [7, с. 324], следовательно, они действовали законно, а люди сенешаля Тулузы не имели над ними власти.

В этих случаях можно рассмотреть проявление идентичности жителей Кап дель Понт как поселения с особым статусом. При этом, одновременно с возможным признанием собственной уникальности, жители предместья, как правило, признавали себя частью более крупного образования – города Альби. В этом можно увидеть проявление множественной коллективной идентичности, характерной для средневековых городов [8, с. 2].

Таким образом, споры вокруг административной принадлежности жителей Кап дель Понт отчасти наложили отпечаток и на их самоидентификацию. Вполне вероятно, что вследствие своего особого географического положения жители предместья начали воспринимать себя в качестве обособленного сообщества. Поэтому в случае необходимости они могли апеллировать к неопределенности своего юридического статуса и отказываться подчиняться властям извне, будь то консулы Альби, или сенешаль Тулузы. В целом предместье не обладало какой-либо самостоятельностью, его идентичность так и не нашла своего юридического или символического выражения, и оно осмыслялось современниками лишь как часть более крупного образования – города Альби, либо округи города Корд.

1. Archives départementales du Tarn. 4 EDT FF 32. F 1 r.
2. Biget J.-L. Histoire d'Albi. Toulouse : Privat, 1983. 356 p.
3. Biget J.-L. Le «Bout-du-Pont» d'Albi au Moyen Âge. Conférence le 23 novembre 2018 aux Archives départementales du Tarn. Albi : Archives et Patrimoine, 2018. 39 p.
4. Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Provinces françaises. Languedoc Doat 108. Recueil de documents concernant Albi (924–1618). T. 4. 1290–1312. F48 v – F 49 r.
5. Boyer M. N. Rebuilding the Bridge at Albi, 1408–1410 // *Technology and Culture*. 1966. Vol. 7. No 1. Pp. 24–37.
6. Études historiques et documents inédits sur l'Albigeois, le Castrais et l'ancien diocèse de Lavaur / Éd. par C. Compayré. Albi: Imprimerie de Maurice Papailhiau, 1841. 571 p.
7. Jolibois É. Commune d'Albi (878-[1896]). 4 EDT (1297 articles). Répertoire méthodique détaillé. Albi, 1869. 427 p.
8. Gilli P., Salvatori E. L'autonomie et l'identité de la ville : une question sociale ? // *Les identités urbaines au Moyen Âge. Regards sur les villes du Midi français. Actes du colloque de Montpellier 8–9 décembre 2011* / Éd. par P. Gilli, E. Salvatori. Turnhout : Brepols, 2014. Pp. 1–5.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 930/94(347.991)

Хронологические рамки бытования азбук-прописей на территории Московской Руси

*Д. Д. Николиди**,
обучающийся 4-го курса
СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье отражены промежуточные итоги источниковедческого исследования таких «древнерусских» каллиграфических пособий, как азбуки-прописи XVII–XIX вв. Производится анализ структурного изменения азбук-прописей во времени, а также представлена хронология их существования.

Ключевые слова: древнерусские рукописи, раннее новое время, азбука-пропись, древнерусская скоропись, азбука-свиток

Первыми древнерусскими профессиональными пособиями по письму являются азбуки-прописи, появившиеся на рубеже XVI–XVII вв. Они содержат многообразие форм написания, примеры оформления не только актов документации, но и личной переписки. Таким образом, азбуки-прописи формировали как эстетические взгляды, так и социальные навыки учащихся.

Начиная со второй половины XIX в. азбуки-прописи регулярно становятся предметом научных интересов исследователей, вследствие чего на сегодняшний день мы имеем обширную библиографию, посвященную этим памятникам письменной культуры.

В историографии сложилась традиция связывать каллиграфическую литературу исключительно с XVII в., поскольку своего максимального эстетического расцвета азбуки-прописи достигли в период правления Алексея Михайловича. Однако данный тип пособий намного глубже уходит корнями в отечественную культуру.

Как уже говорилось ранее, азбуки-прописи появились на территории Московского государства на рубеже XVI–XVII вв. Самыми ранними известными датированными рукописями являются так называемая «Азбука фряская» 1604 г., хранящаяся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН в фонде 115 (Коллекция рукописных книг) под № 169, и азбука-свиток из Королевской библиотеки в Копенгагене [6, р. 69]. Структура, состав и

* Научный руководитель: *Д. О. Цыпкин*, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории западноевропейской и русской культуры, СПбГУ, г. Санкт-Петербург.

использование техники плоской печати данных каллиграфических пособий наталкивает на мысль, что при их создании использовались другие, более ранние азбуки-прописи, однако подтвердить подобную точку зрения на сегодняшний момент не представляется возможным. Таким образом, нижней границей существования азбук-прописей на территории Московской Руси является рубеж XVI–XVII вв.

Невозможно с уверенностью говорить о том, откуда пришла традиция создания азбук-прописей. Графические параллели и структурные составляющие наталкивают нас на мысль, что в основе древнерусских азбук лежат западные трактаты и прописи. Монокондильные композиции, входившие в состав самых ранних азбук-прописей, показывают, что ряд данных памятников отражает византийскую традицию [5]. Более того, сама форма свитка, которая была очень популярна при создании азбук, говорит о византийском наследии. Раскрытие этого вопроса в рамках данного очерка невозможно, поэтому мы планируем подготовить отдельную работу, здесь же отметим, что азбуки-прописи являются следствием влияния нескольких культур.

С течением времени азбуки-прописи стали самобытным элементом отечественной культуры и продолжили свое существование вопреки устоявшемуся мнению, вплоть до начала XIX в. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится целый ряд азбук-прописей, который можно отнести к поздним азбукам. В данной заметке хотелось бы остановиться подробнее на нескольких рукописях, ранее не привлекавших внимание исследователей.

К числу поздних азбук-прописей можем отнести рукопись Ф. 359.677 [2]. Выполненная курсивом, азбука имеет тетрадную форму и содержит различные примеры написания букв, буквенных соединений, завершающим композиционным элементом оформления каждой буквы являются отрывки из священного писания. Данную рукопись можно отнести к учебным пособиям, поскольку в ее состав также входят арифметические основы. Безусловно, рассматриваемая нами азбука существенно уступает своим предшественникам в профессионализме исполнения, по внешнему виду больше схожа с современными прописями. Примечательными являются горизонтальные линии, необходимые для корректировки размера букв. Подобные вспомогательные элементы уникальны для азбук-прописей, поскольку ни в одной другой рукописи схожие линии нами обнаружены не были. Азбука-пропись под шифром Ф. 359.677 выполнена на голубой бумаге с филигранью «1818 ЯБМЯ» [1, с. 14]. Филигрань позволяет нам определить примерные временные границы создания данной рукописи, а именно первая четверть XIX – не ранее 1818 г.

Примечательно, что данная тетрадь имеет поля, передающие форму свитка. Подобное обращение к форме свитка в азбуках-прописях XVIII–XIX вв. встречается достаточно часто. В качестве примера можем привести две азбуки с шифрами ОСРК F. III. 103 [3] и Ф. 775.758 [4], схожесть оформления и содержания которых наталкивает нас на мысль, что они создавались одним масте-

ром. Как и в случае предыдущей рукописи, обе азбуки-прописи выполнены на бумаге российского производства. Для ОСРК F. III. 103 использовалась бумага с фабрики Сиверса, для Ф. 775.758 – Гончарова [1]. Сопоставление с альбомами филиграней позволяет нам определить примерное время создания рукописей и отнести их ко второй половине XVIII в.

Обе азбуки представляют полноценные учебные пособия, поскольку содержат не только арифметику, но и письмовник и географические основы. Подобный расширенный состав достаточно часто встречается в поздних азбуках-прописях. Декоративное оформление рассмотренных нами рукописей отсылает нас к традиции азбук-свитков.

Таким образом, мы можем определить хронологию азбук-прописей, которая берет свое начало на рубеже XVI–XVII вв. продолжается вплоть до первой четверти XIX в. Так, традиция, которую мы условно обозначаем «древнерусской», претерпев некоторые изменения со временем, сохранила наследие письменной культуры допетровской Руси.

1. Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX веков. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1959. 306 с.

2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 359. Оп. 1. № 677.

3. ОР РНБ. Ф. 550. Оп. 1. № F. III. 103.

4. ОР РНБ. Ф. 775. Оп. 2. № 758.

5. Цыпкин Д. О. Древнерусская каллиграфия в контексте проблемы когнитивных трансформаций (некоторые замечания о монокондильных композициях раннего Нового Времени) // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. № 12. С. 688–704.

6. Svane G. Slavonic Manuscripts in The Royal Library. A Catalogue. Copenhagen: The Royal Library, 1993. 131 p.

УДК 93/94

Письма-конверты русской элиты в первой четверти XVIII в.

М. А. Новикова*,
обучающийся 3-го курса
СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Аннотация. В первой четверти XVIII в. в России распространяется мода на ведение регулярной переписки среди элиты. Привычные материальные аспекты письма

* Научный руководитель: **Д. О. Цыпкин**, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории западноевропейской и русской культуры, СПбГУ, г. Санкт-Петербург.

становятся ключом к реконструкции модели коммуникации и основных поведенческих стереотипов эпохи. В рамках исследования акцент сделан на изучении письма-конверта как элемента эпистолярной культуры первой четверти XVIII в. В работе описаны внешние характеристики писем, проведен сравнительный анализ писем разного вида. Сделан вывод о преимущественном использовании писем-конвертов представительницами женского пола и проанализированы причины указанного феномена. Полученные результаты исследования расширяют представление о модели коммуникации эпохи и могут быть использованы для выработки общей методологии анализа писем.

Ключевые слова: *эпистолярная культура, история России, XVIII в., русская элита, письмо, коммуникация*

Письмо в первой четверти XVIII в. играло важную роль в жизни русской элиты, формировалась новая модель межличностной коммуникации. Поскольку нами было рассмотрено такое явление, как письмо-конверт, то необходимо обозначить наше понимание данного понятия. Письмо-конверт – это сам лист с текстом письма, который определённым образом сложен и запечатан печатью сургуча или воска.

Наше исследование может выступать начальным этапом в рассмотрении заявленной темы, поскольку мы лишь обозначим предварительные замечания, связанные с изучением писем-конвертов. Во-первых, представляется необходимым объяснение возможных причин использования русской элитой писем-конвертов. Во-вторых, необходимо понимание широты распространения писем-конвертов среди писем, которые мы условно можем классифицировать как «частные». И наконец, важно не только провести общий анализ писем-конвертов, но и выявить их индивидуальные особенности, характерные для отдельных личностей.

В рамках работы были изучены женские и мужские письма в период с 1700 по 1730-е гг. Выбор русской элиты связан с тем, что именно данной категории людей в указанный период коснулись наибольшие изменения. В исследовании использовались частные письма. Под частным письмом мы понимаем такой тип письма, в котором присутствуют темы хозяйственно-бытового и интимно-личностного характера и в котором автор наиболее проявляет себя, отказываясь от делопроизводственной шаблонности. Однако необходимо обозначить, что для первой четверти XVIII в. мы лишь условно можем делить письма на деловые и частные. Так, в рамках одного письма может присутствовать обсуждение служебных дел и частных вопросов. Поэтому строгая внутренняя классификация писем данного периода связана с рядом сложностей.

Отправной точкой нашего исследования стал анализ возможных причин существования писем-конвертов. В качестве одной из причин использования русской элитой писем-конвертов можно выделить стремление авторов писем к

приватности. Концепция приватности личности начала зарождаться в государствах Западной Европы ещё в эпоху Возрождения, затронув сначала социокультурную, а впоследствии и политико-правовую сферу общества [1, с. 33]. Так, например, согласно английскому закону «о мировых судьях» 1361 г., говорилось о праве личности на приватность (включая и право личности на информационную приватность). Представление о приватности распространялось не только на территории Западной Европы, но и в России.

Рассматривая существование писем-конвертов в рамках концепции приватности личности, необходимо обратиться к особенностям доставки писем в России. Для русской элиты первой четверти XVIII в. основным способом доставки писем выступала передача писем через крепостного крестьянина, дворового холопа – нарочного [2]. Такие «курьеры» могли заниматься доставкой не только между соседними уездами, но и на большие дистанции. Обычно нарочный не только доставлял письмо адресату, но и приносил ответ на это письмо. Крестьянин, который ответственно выполнял доставку письма, зачастую становился постоянным посланником. Иногда доставка писем осуществлялась не через своих людей, а через знакомых, которые отправлялись в нужном направлении. Письма могли стать частью большой посылки. Помимо этого, доставку писем мог осуществлять родственник или друг. Известны случаи сосуществования разных видов доставки, обусловленные прежде всего социальным статусом корреспондентов. Так, в работе FayBound [9], посвящённой любовной переписке в Англии XVIII в., автор описывает ситуацию, когда зажиточный джентльмен отправлял письма своей возлюбленной через доверенного лица, слугу, а она передавала свои ответные письма через нескольких лиц.

В первой четверти XVIII в. уже существовали такие каналы доставки писем, как государственные курьеры и почта. Изначально почта предназначалась скорее для поддержания дипломатических и административных связей внутри страны. Однако с 90-х гг. XVII в. почта стала доступна для осуществления частной переписки у привилегированных слоёв населения [2]. В самих письмах иногда присутствует указание на выбор доставки почтой. Так, например, в письме Кривского царевне Прасковье Иоанновне присутствует фраза «...А какое рассмотрение об них чинить будет о том к вашему высочеству впредь через почту писать буду немедленно...» [7]. Но почта как способ доставки писем не пользовалась большой популярностью среди русской элиты. Преимущественно почта использовалась только в случае отправки писем на дальние расстояния. Мы связываем предпочтение элитой доставки письма нарочным с большим уровнем доверия к сохранению конфиденциальности переписки.

Необходимо также обозначить, что мы не всегда имеем сведения о способе доставки писем представителей русской элиты. Так, например, в письме царицы Марфы Матвеевны генерал-фельдмаршалу князю Александру Даниловичу

Меншикову присутствует благодарность за письмо, которое царица получила через посыльного [4]. Однако ввиду плохой сохранности письма невозможно установить имя лица, через которого оно было получено царицей Марфой Матвеевной.

Изучение распространенности использования русской элитой писем-конвертов непосредственно в рамках частной переписки связано с рядом сложностей. Во-первых, как уже было обозначено ранее, в целом существует проблема внутренней классификации писем указанного периода на деловые и частные. Во-вторых, возникает вопрос о том, кто (мужчины или женщины) вводят письмо-конверт как форму частной переписки. В рассмотренном нами комплексе писем частные письма-конверты чаще встречаются среди женщин. Однако мы не можем однозначно утверждать, что этот феномен имеет гендерную специфичность. Тем более что в рамках деловой переписки мужчины использовали письма-конверты. Например, в комплексе писем разных лиц к князю Григорию Ивановичу Волконскому [8], который представляет собой скорее деловую коммуникацию, было обнаружено преимущественно использование «писем-конвертов» как основной формы письма.

Говоря об особенностях писем-конвертов и их использовании отдельными лицами, обращает на себя внимание факт использования одним автором разных форм писем к одному адресату: писем в формате тетради (сложенный вдвое лист, текст письма может располагаться на 1-м и 2-х, 1-м, 2-х и 3-х страницах) и писем-конвертов. Например, царица Наталья Алексеевна использовала обе формы писем в своей коммуникации с генерал-фельдмаршалом князем Александром Даниловичем Меншиковым [5; 6]. Также супруга Александра Даниловича Меншикова, Дарья Михайловна Меншикова, использовала и письма в формате тетради, и письма-конверты в общении с мужем [3]. Мы предполагаем, что сосуществование разных форм может объясняться как особенностями доставки писем, так и их содержанием. Однако этот вопрос нуждается в более комплексном изучении.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов:

1) формирование концепции приватности личности служит причиной появления писем-конвертов. Секуляризация сознания русской элиты в первой четверти XVIII в., формирование особого представления о важности собственной личности и необходимости сохранения приватного пространства сподвигали русскую элиту на создание более «безопасной» среды для частной жизни, мыслей и эмоций;

2) вопрос о распространённости писем-конвертов в рамках частной переписки остаётся открытым. Нам не удалось установить, проникла ли данная форма в пространство частной переписки из деловой, или можно говорить о синхронном распространении писем-конвертов и в частной, и в деловой пере-

писке. Наше исследование показало использование указанной формы писем преимущественно представительницами женского пола;

3) характерной особенностью эпистолярной культуры первой четверти XVIII в. выступает использование разных форм письма личностью для одного и того же адресата. Существование разных форм писем связано со способами доставки писем и их содержанием. Использование автором разных форм писем может быть также отражением переходности указанного периода и становлением новой формы письма.

1. Ляпунов Б. А. Приватность личности: понятие, сущность и правовая природа // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 33–42.

2. Новохатко О. В. Россия. Частная переписка XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 663 с.

3. ОР РНБ. Ф. 480. № 16.

4. ОР РНБ. Ф. 650. № 5.

5. ОР РНБ. Ф. 650. № 93.

6. ОР РНБ. Ф. 650. № 94.

7. ОР РНБ. Ф. 650. № 156.

8. ОР РНБ. Ф. 905. № 443.

9. Bound F. Writing the self? Love and the letter in England, c. 1660 – c. 1760*// Literature & History. 2002. No 11 (1). Pp. 1–19.

УДК 94

Политическая карикатура как источник по истории Парижской коммуны

П. А. Зуева*,

обучающийся 1-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье рассматриваются карикатуры как источник по истории Парижской коммуны, отражающие события, идеи и мнение художников данного периода.*

***Ключевые слова:** Парижская коммуна, политическая карикатура, Молок, Пилотель, Саид, история Франции*

**Научный руководитель: В. С. Русанова, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.*

Политическая карикатура представляет собой определённую совокупность норм и ценностей и отражает мнение большинства граждан в политической сфере. Благодаря данному жанру искусства можно понять контекст событий с позиции современников и найти уникальную информацию.

Сложность же анализа политической карикатуры заключается в том, что она хоть и отражает коллективное сознание, при этом остается субъективной и в ряде случаев необъективной. Поэтому при изучении исторического события использовать карикатуру необходимо, привлекая и иные источники.

В качестве основных тем политических карикатур во Франции 1870–1871 гг. выступают Парижская коммуна, франко-прусская война и осада Парижа. Схожесть политических карикатур художников периода Парижской коммуны прослеживается в их тематике. Важно отметить, что художники времени Парижской коммуны создавали карикатуры и до её становления, поэтому частым явлением становится переплетение сюжетов Парижской коммуны и франко-прусской войны.

В период Парижской коммуны было множество художников-карикатуристов, отличившихся своим стилем и смысловым наполнением произведений. Среди них можно назвать Брюталя, О. Домье, П. Клена, Де Б. Фостена, Фронда и др. Для анализа карикатур данного периода остановимся на творчестве таких деятелей, как Молок, Пилотель и Саид. Их судьбы наиболее тесно связаны с Коммуной в отличие от остальных художников. Скажем несколько слов об упомянутых карикатуристах и остановимся подробнее на некоторых из их работ. Отметим, что к анализу биографий художников Парижской коммуны одними из первых обратились советские историки и искусствоведы [3].

Жорж Пилотель (1844–1918) являлся не только карикатуристом, но и активным участником революционного движения рабочих. Он принимал участие в восстании против правительства 22 января 1871 г. Во время становления Коммуны работал вместе с прокурором Раулем Риго в полиции. Со второй половины 1860-х гг. начал сотрудничать с сатирическими газетами. Его рисунки встречались в «Bouffon» (с фр. «Шут»), «Monde pourrire» (с фр. «Мир для смеха») и «Caricaturepolitique» (с фр. «Политическая карикатура»). Определённое влияние на работы Ж. Пилотеля оказало творчество Андре Жилля.

Карикатурист Альфонс Гектор Коломб (1849–1909) более известен под псевдонимом Молок, примыкал к республиканской оппозиции, а также сотрудничал во фрондирующей прессе. Во время становления Коммуны примкнул к ней. Работал в таких газетах, как «Fronde» (с фр. «Фронда»), в которой играл видную роль, а также сотрудничал с изданиями «Monde pourrire», «Eclipse» (с фр. «Затмение») и «Scie» (с фр. «Пила»).

Альфонс Леви (1843–1918), работавший под псевдонимом Саид, начал свою деятельность как карикатурист ещё в 1860-х гг. В отличие от Пилотеля и Моло-

ка Саид был не столь политически активен, однако его политическую позицию можно проследить в серии работ начала франко-прусской войны. Несмотря на то что в октябре 1870 г. А. Леви поддерживал Правительство национальной обороны, вскоре стал разочаровываться в его представителях и в 1871 г. поддержал Коммуну. Карикатуры Саида можно найти в таких газетах, как «La rue» (с фр. «Улица»), «Chronique illustree» (с фр. «Иллюстрированная Хроника»), «Bouffon».

В карикатурах «Обзор за неделю» [5, с. 43] и «Фавр ораторствует» [5, с. 58] Молок использует приём шаржа, таким способом подчёркивая особые черты изображаемых.

Карикатура «Обзор за неделю» состоит из ряда сатирических рисунков, повествующих о событиях с 9 по 16 мая 1871 г., среди которых видим, к примеру, падение форта Исси и разрушение Вандомской колонны. В отношении последней стоит отметить, что её судьба в дни Парижской коммуны была тесно связана с ещё одним художником-революционером – Густавом Курбе. Молок фиксирует в своей карикатуре реализацию декрета Коммуны от 12 апреля 1871 г., которая провозглашала: «Парижская Коммуна, считая, что императорская колонна на Вандомской площади является памятником варварству, символом грубой силы и ложной славы, утверждением милитаризма, отрицанием международного права, постоянным оскорблением побеждённых со стороны победителей... постановляет: Статья первая и единственная – колонна на Вандомской площади будет разрушена» [1].

Одной из художественных особенностей работы «Обзора за неделю» является цветовой акцент на центральном изображении. Примечателен и сам выбор цветов, ассоциирующихся с Третьей Французской республикой. На центральном рисунке изображены молящиеся Тьер, Фавр, Трошю и др. Этим автор подчёркивает отчаянное положение версальцев и успехи Коммуны в указанную майскую неделю.

Молок в своём сатирическом рисунке «Фавр ораторствует» изображает версальского министра иностранных дел, разъярённо бьющего кулаком по трибуне, на которой иронично написано «fraternité» (с фр. «братство»). Таким способом автор вызывает у зрителя противоречивые чувства, разделяя Жюля Фавра с народом.

В работе «Расстрел коммунаров» [5, с. 79] художник отказывается от шаржевого изображения, передавая таким образом трагизм происходящего, что также подчёркивается использованием неброских цветов при изображении коммунаров. Особое внимание Молок уделяет эмоциям персонажей карикатуры. Их ужас и безысходность передаётся и зрителю. Акцентом же является багровая кровь на телах стариков, женщин и детей. Тем самым Молок фиксирует

жестокость подавления версальскими властями пролетарского движения и отображает драматичность происходящего.

Отсутствие шаржа, в сюжетах с коммунарами, как отмечают советские историки, было характерно не только для работ Молока. К этому приёму в изображении рабочих обращались и Саид, и Пилотель, тем самым формируя их положительный образ в общественном сознании [4, с. 72].

Чаще всего в работах Пилотеля образ Коммуны представляет реалистически изображаемая девушка, её же противников художник рисует в технике шаржа. Е. Д. Твердюкова отмечает, что «в карикатуре XIX – начала XX в. сложились характерные образы каждой из мировых держав <...>; Франция – в образе Марианны во фригийском колпаке или барышни с петушиным гребнем» [2, с. 366]. В данном случае думаем, что девушка выступает в качестве собирательного образа Парижской коммуны. Это положение находит подтверждение и в других рисунках Пилотеля. К примеру, такое противопоставление можно встретить в изображении «Невежество и реакция на пути коммуны» [5, с. 47], где серьёзную девушку, стремящуюся уверенно идти вперёд, пытаются остановить «Невежество» и «Реакция». В данном сатирическом рисунке автор раскрывает проблему зависимости государства от церкви. «Невежество» отражает последствие влияния религии в сфере образования и изображается с нехарактерными для человека чертами для передачи чувства страха за будущее общества. В образе «Реакции» улавливаются черты Тьера, который показывает, что дальнейшее влияние церкви на образование будет приводить к правлению тех, кто не желает процветания Коммуны. Таким образом, Жорж Пилотель подчёркивает значимость декрета Коммуны об отделении церкви и государства от 2 апреля [4, с. 7] и его необходимость для развития образования и движения Парижской коммуны.

В карикатуре «Слишком малы!» [5, с. 24] образ Коммуны измеряет рост Тьера и других версальцев, не доросших до её идеалов. В данной работе образ девушки носит двойственный смысл. С одной стороны, это Парижская коммуна, с другой – использование в образе фригийского колпака отсылает к собирательному образу «Марианны» – символа Франции.

Отличительной чертой художественного стиля Саида является создание образов с помощью резких линий. Частым героем сатирических рисунков этого художника является А. Тьер.

Так, Фавру и Тьеру посвящена карикатура «Какая неприятность!» [5, с. 33]. Образ министра иностранных дел Франции вызывает ассоциацию с одиноким, высохшим деревом, на его лице отражается озлобленность. Эмоции Тьера зрителю сложно интерпретировать, однако обе фигуры блекнут на фоне изображаемых событий 18 марта 1871 г. Присутствующий в композиции образ солнца олицетворяет Коммуну.

Также образ солнца встречается в одной из известных карикатур Саида «Буржуа и пролетарий» [5, с. 37]. Владеющий собственностью худощавый буржуа, схватив богатства, убегает от восходящей Коммуны. Что не скажешь о простом труженике, который уверенно шагает под первыми лучами солнца-Коммуны. Примечательно с художественной точки зрения, что автор, для изображения капиталиста использует больше тёмных оттенков, нежели для рабочего.

В ряде сатирических рисунков Саид прибегает к использованию символа солнца как становление Парижской коммуны, тем самым подчеркивая в своих работах значимость данного события и своё отношение к ним.

Подводя краткий итог, отметим, что основными героями карикатур художников Парижской коммуны являются версальцы – Тьер, Фавр, Трошю. Также в работах можно встретить собирательные образы буржуазии, рабочих, аллегорические изображения Коммуны. Для усиления эмоционального воздействия карикатуристы зачастую используют шарж, при этом сохраняя особенности своего почерка в работах. Противников власти Коммуны рисуют озлобленными, надменными или же отчаявшимися людьми, вызывающими отрицательные эмоции, в то время как образ Коммуны и самих коммунаров вызывает чувства восторга, понимания или сопереживания. Деятельность художников Парижской коммуны была направлена не только на пропаганду власти коммунаров, поддержание революционного духа, но и на разоблачение деятельности членов Национального собрания Франции.

Карикатуры художников Парижской коммуны, прежде всего, были ориентированы на формирование общественного мнения сторонников власти коммунаров, фиксирование достижений пролетарского движения во Франции. Они позволяют глубже понять идеи, переживания, проблемы людей того времени. Как исторический источник карикатуры фиксируют события изучаемого времени, позицию художника, позволяют потомкам образно воспринимать прошлое. Однако историку при анализе и интерпретации изобразительного источника, безусловно, требуется не только знание исторического контекста, но и обращение к вспомогательным материалам.

1. Вандомская колонна и Парижская Коммуна. URL: <https://magisteria.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

2. Источниковедение : учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. М.: Юрайт, 2015. 396 с.

3. Калитина Н. Н. К истории политической карикатуры во время Парижской Коммуны 1871 г. // Французский ежегодник 1963 : статьи и материалы по истории Франции. М.: Наука, 1964. С. 283–309.

4. Парижская коммуна 1871 г. : в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. II. 708 с.
5. Революционная карикатура Парижской коммуны: [Март-май 1871] / авт. альбома: Е. Тепер, А. Алексеева, С. Маневич. М.; Л.: Изогиз, 1961. 83 с.

УДК 930/94

Источники по изучению дошкольного образования в Коми АССР в середине 1940-х – первой половине 1960-х гг.

*А. Н. Поташов**,
аспирант 1-го года обучения
КНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению источников по истории дошкольного образования в Республике Коми в середине XX в. В тексте рассматриваются законодательно-нормативные, делопроизводственные документы, обнаруженные в Национальном архиве Республики Коми, приводятся учебно-методическая литература, публикации в региональных средствах массовой информации и источники личного происхождения. Оцениваются сильные и слабые стороны каждой группы источников.*

***Ключевые слова:** дошкольное образование, дошкольное воспитание, Коми, дошкольный сектор, детский сад, народное образование*

Изучение и всесторонний анализ советской системы просвещения не только в целом формирует представление о развитии социалистического общества, различных областей народного хозяйства, но и полезен для применения отдельных, наиболее хорошо проявивших методов педагогики. Проблемы дошкольного образования в России, в том числе в регионах страны, весьма редко становятся предметом изучения. Правда, имеются и отдельные исключения. Так, история дошкольных учреждений в Коми АССР в 1918–1945 гг. уже затронута в ряде трудов [4]. Однако по послевоенному периоду указанные проблемы фактически не исследовались

Важным этапом всякого исторического исследования является поиск и определение его источниковой основы. Источники по изучению дошкольного образования в Коми АССР включают в себя архивные и опубликованные материалы, которые можно условно разделить на группы. К первой группе относятся законодательно-нормативные документы, которые позволяют раскрыть политику советской власти в области дошкольного образования, проследить процесс формирования законодательной базы: решения съездов партии, постанов-

* Научный руководитель: **П. П. Котов**, канд. ист. наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории, КНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

ления ЦК ВКП(б) (КПСС), указы Верховного совета и приказы Совета министров СССР и РСФСР [11]. Основная часть документов опубликована в сборниках, сводах и специальных изданиях.

На основе союзного законодательства формировалась республиканская система просвещения, включающая свои региональные особенности и нюансы. Политику Советского государства в области дошкольного образования в Коми АССР можно проследить по основополагающим документам Верховного совета Коми АССР. Например, на четвертой сессии второго созыва в сентябре 1948 г. поднимался вопрос: «О состоянии народного образования в Коми АССР» [3]. Депутаты обсуждали проблемы системы просвещения, по итогам заседаний принимались постановления, направленные на ее развитие и улучшение.

Необходимо отметить, что не все документы можно однозначно отнести к той или иной группе. Зачастую в законах указывались конкретные нормативы, регламентировался внутренний распорядок детских садов и т. п. Однако принятые республиканскими властями документы на территории региона имели статус закона.

Нормативные документы методического характера определяли работу каждого детского учреждения. Среди них «Руководство для воспитателя детского сада», которое содержало учебно-методические указания: задачи дошкольного учреждения и содержание деятельности воспитателей, особенности обучения по возрастам и игрового процесса, организация жизни детей и режим дня, занятия по физической культуре и родному языку, знакомство с окружающим миром, счет и музыкальное воспитание, работа с родителями и др. Кроме этого, к пособию прилагался перечень рекомендованных литературных и музыкальных детских произведений для осуществления образовательного процесса. В изучаемый исторический период было издано три «Руководства» в 1945, 1953 и 1962 гг. [12].

По вопросам педагогики для работников дошкольных учреждений издавалось большое количество учебной и методической литературы, разработанной специалистами Министерства просвещения, Академией педагогических наук, Управлением по дошкольному воспитанию, Центральным дошкольным научно-методическим кабинетом, например методическое письмо «Музыкальное воспитание в детском саду», в котором разъяснялась программа обучения музыке по возрастам [6].

В помощь воспитателям с 1928 г. ежемесячно выходил журнал «Дошкольное воспитание». В журнале публиковались статьи о теории и методике дошкольного воспитания, освещались вопросы педагогики и психологии, организации работы с родителями, лучшие воспитатели рассказывали о своей методике и опыте проведения занятий. В приложении к журналу печатались настоль-

ные игры, пособия для занятий и др. Статьи, посвященные педагогике, публиковались в «Учительской газете», журналах «Народное образование», «Семья и школа», «Советская педагогика» и др. На региональном уровне большую работу по разработке пособий и методических указаний проводил Коми республиканский дошкольный методический кабинет, который выпускал сборник «В помощь воспитателю» [1]. В пособии воспитатели Коми АССР делились опытом по проведению занятий по музыке, лепке, рисованию, счету, родному языку и всестороннему развитию детей.

Обширный массив документов хранится в фондах Национального архива Республики Коми. Они позволяют всесторонне охарактеризовать систему детских садов, выявить определенные этапы в развитии и дать им оценку. Источники имеют высокую степень объективности, так как изготавливались для внутреннего пользования. Необходимо отметить, что большая часть материалов не введена в научный оборот.

Значительная доля документов представляет вторую группу – делопроизводственные источники. К ним относятся внутренние приказы, распоряжения, служебные записки, отчеты и др., например приказы Совета министров Коми АССР по Министерству просвещения и приказы Министерства просвещения республики (фонд Р-241). По ним можно проследить процесс развития системы дошкольного образования: планы строительства новых детских садов, финансовую статистику, вопросы кадрового состава и др. Там же, в архиве, находятся приказы Совета министров Коми АССР по Министерству здравоохранения и приказы Министерства здравоохранения (фонд Р-668), в обязанности которого входила охрана здоровья детей. В них отражена организация санаторных детских садов, летней оздоровительной компании, мероприятий по укреплению здоровья и снижению заболеваемости детей. Документы формируют представление о проблемах и состоянии дошкольных учреждений в целом по республике.

Особую ценность, на наш взгляд, представляют годовые отчеты заведующих детских садов и районных отделов народного образования. В них отражены хозяйственные проблемы, например: о подвозе топлива или отсутствии игрового материала, нехватки хозяйственного и бытового инвентаря и др. Основная часть отчетных документов посвящена педагогике, что позволяет сделать выводы об успехах и неудачах в педагогической деятельности воспитателей, узнать об интересных подробностях из жизни малышей, чем они интересовались и во что любили играть [2, л. 93–102].

Ежегодно инспекторами РОНО осуществлялись проверки детских садов, по итогам которых составлялись подробные отчеты, оценивался процесс проведения занятий, качество приготовления пищи, санитарно-гигиеническое состояние помещений и т. п. Недостатки, выявленные в ходе обследования, подлежали устранению [9, л. 225–236]. Необходимо отметить, что в основном инспек-

цией занимались не узкопрофильные специалисты дошкольного сектора, а работники РОНО из школьного отдела, что, безусловно, снижало уровень контроля, так как дошкольное образование имело свою особую специфику.

Отделы образования составляли объединенные отчеты по районам, что дает возможность охарактеризовать ситуацию в целом по муниципальному образованию. Отчеты с районов анализировались дошкольным сектором при Министерстве просвещения республики. По итогу аналитической работы составлялся отчет, который заслушивался на заседании Министерства, где давалась оценка деятельности сектора, обозначались пути решения накопившихся проблем и строились планы на будущее [10, л. 1–49].

В архивных документах встречаются и статистические данные. В ежегодных отчетах публиковалась статистика по контингенту и количеству детских садов по районам республики, что позволяет провести анализ и проследить динамику численности детей и дошкольных учреждений [8, л. 108].

В Национальном архиве хранятся протоколы собраний первичной организации Коммунистической партии работников дошкольных учреждений г. Сыктывкара. В протоколах заседаний партийного комитета сохранились обсуждения постановлений центральных государственных органов и местных организаций КПСС, отчетов о состоянии детских садов, организации политического просвещения воспитателей. Например, на партийном заседании в ноябре 1955 г. на повестке дня обсуждался отчет о работе детского сада № 17, из документа мы узнаем, что все воспитатели имели среднее педагогическое образование со стажем работы от 4 до 15 лет [7, л. 132].

Публикации в средствах массовой информации формируют отдельную группу источников. О системе дошкольного воспитания выходили статьи в газетах Коми АССР: «За новый Север» [15], «Красное знамя» [5] и др. Журналисты освещали строительство и открытие новых детских садов, рассказывали о талантливых воспитателях и праздничных утренниках, проводимых в детских садах. Источники позволяют красочно представить отдельное событие или мероприятие, связанное с дошкольным образованием. Важно отметить, что к оценке публикаций в средствах массовой информации изучаемого исторического периода необходимо подходить критически, так как советские издания принадлежали государству, многие статьи были написаны к юбилейным датам или съездам партии по заказу государственных органов, в которых, безусловно, существующие проблемы могли замалчиваться, а достижения – преувеличиваться.

Интерес представляют источники личного происхождения. Сюда можно отнести воспоминания воспитателей, работников народного образования. Они позволяют узнать о тонкостях работы и интересных моментах из жизни дошкольного учреждения. Зафиксированные впечатления самих детей дошколь-

ного возраста дают возможность представить восприятие советской системы просвещения через детское ощущение действительности. Однако необходимо учитывать, что воспоминания ввиду давности событий подвержены искажениям и ошибкам, а также личные мнения и предубеждения могут повлиять на истолкование событий прошлого.

Источниковая база по изучению развития системы дошкольного образования в Коми АССР представлена широким перечнем документов, охватывающим все сферы деятельности, организации и функционирования дошкольного образования в изучаемый исторический период. Необходимо отметить указы правительства Союза ССР и руководства республиканского уровня как основополагающие законодательные и нормативные акты. Основным документом для нормирования работы детского сада являлось «Руководство для воспитателя», а также различные инструкции, письма по теории и методике дошкольного воспитания, подготовленные специалистами союзного и республиканского методических кабинетов. Кроме этого, делопроизводственная документация различных государственных структур, задействованных в функционировании детских садов, и в первую очередь архивные материалы Министерства просвещения Коми АССР и дошкольного сектора. Источники периодической печати представлены публикациями в республиканской прессе. Ценной группой для исследования являются воспоминания. Вышеприведенные источники позволяют провести глубокий и всесторонний анализ системы дошкольного образования в республике.

1. В помощь воспитателю. Выпуск третий : сборник статей из опыта работы воспитателей детских садов Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 40 с.

2. Национальный архив Республики Коми (далее – НА РК). Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 890.

3. Заседания Верховного Совета Коми АССР (четвертая сессия, второго созыва) 28–30 сентября 1948 г. : стенографический отчет. Сыктывкар: Коми государственное изд-во, 1948. 152 с.

4. Котов П. П., Мартынчук Т. А. В начале пути (система дошкольного воспитания в городе Сыктывкаре в 1918–1945 годах). Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2023. 68 с. DOI 10.19110/978-5-7934-1142-4; Котов П. П., Мартынчук Т. А. «Дошкольный поход» как элемент культурно-просветительской кампании конца 1920 – начала 1930-х гг.: по материалам Автономной области Коми (Зырян) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 1. С. 148–156. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-147-156; Котов П. П., Мартынчук Т. А. Общественное дошкольное воспитание в Коми АССР в 1920–1940-х гг. в российской историографии // Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми) : сб. статей. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2019. С. 103–111; и др.

5. Кузнецов В. Здесь любят детей // Красное знамя. 1956. 12 августа.
6. Музыкальное воспитание в детском саду : методическое письмо. М.: Учпедгиз, 1953. 48 с.
7. Национальный архив Республики Коми (далее – НА РК). Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 890.
8. НАРК. Ф. П-1217. Оп. 1. Д. 13.
9. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 655.
10. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 707.
11. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 838.
12. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. 560 с.
13. Руководство для воспитателя детского сада. Устав детского сада. М.: Учпедгиз, 1946. 168 с.; Руководство для воспитателя детского сада / Упр. по дошкольному воспитанию. М.: Учпедгиз, 1954. 168 с.; Программа воспитания в детском саду. М.: Учпедгиз, 1962. 192 с.
14. Усова Ф. Детский сад // За новый Север. 1946. 24 марта.

УДК 93/94

История Древнего мира в трудах Н. И. Кареева

*Е. С. Марданова**,
обучающийся 1-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. Николай Иванович Кареев (1850–1931) – один из известных представителей «русской исторической школы», который среди прочих своих научных интересов особое внимание уделял истории Древнего мира. Труды Кареева по истории Древнего мира являются ценнейшими материалами как для научного изучения, так и для применения в образовательном процессе. Древний мир для Кареева представляет собой такой же значимый период истории, как Средневековье или эпоха Нового времени. Данный доклад нацелен на анализ трудов Кареева по Древнему миру, представление комплексности и системности историка в рамках подготовки научного и учебного материала, стремление Николая Ивановича сделать историю понятной не только для ученых-профессионалов, но и для школьников.

Ключевые слова: Н. И. Кареев, история Древнего мира, новистика, античность, русская историческая школа

Многие великие российские историки изучали и изучают период Древнего мира, который представляет собой источник развития быта людей, образования

*Научный руководитель: А. А. Кутузова, канд. ист. наук, научный сотрудник сектора отечественной истории, КНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар; старший преподаватель кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

государств и городов. Не обошел своим вниманием проблему древней истории и выдающийся российский и советский ученый и исследователь Николай Иванович Кареев (1850–1931). Его имя, в первую очередь, ассоциируется с изучением истории Нового времени, революций во Франции и Англии, построения общей теории исторического процесса. Исследователи его творчества отмечают: «Перу Н. И. Кареева принадлежит более 1 000 печатных работ, однако многое из написанного им до сих пор хранится в различных архивах и остается неизвестным научному сообществу» [6, с. 347].

В то же время Н. И. Кареев исследовал вопросы и древней истории. Данное исследование представляет собой первую попытку представить общий обзор трудов Н. И. Кареева по указанной проблематике.

Изыскания Николая Ивановича Кареева, связанные с рассмотрением истории Древнего мира, целесообразно разделить на несколько групп:

1) общие работы, посвященные Древней истории;

2) труды, сосредоточенные на представлении узкоспециализированной проблематики (статьи и книги: «Миф и героический эпос», «Книга г. Гревса о римском земледелии» [2], «О причинах падения Римской Империи» и др.);

3) учебные материалы («Учебная книга по Древней истории» [4], «Лекции по древней истории, читанные проф. Н. И. Кареевым на Высших женских курсах» [5], «Город-государство античного мира» и др.).

Рассматривая работы ученого, можно заметить, что он раскрывает рассматриваемый этап развития общества не только как период истории, но и как предмет изучения в литературе, философии.

В своей работе «Идея всеобщей истории» историк излагает концепцию всеобщей истории как единого процесса развития общества [1]. Он считает, что каждый период исторического процесса важен. Одна эпоха порождает новую, внося свои изменения. Древний мир, античность представляют собой источник, базис, фундамент, на котором, по мнению историка, строится последующее эволюционное развитие цивилизации.

Изучение истории Древнего мира на примере конкретных стран способствует детальному рассмотрению периодов и развития общества в политическом, социальном, экономическом и культурном планах. Таким образом, можно проанализировать общий ход становления и формирования определенного государства на разных этапах его существования. На примере работ «История Древнего Востока», «История Древнего Рима» мы можем проследить историю стран от возникновения до их падения – Н. И. Кареев дает подробный анализ изменениям и трансформациям, которым подвергается государство.

Немаловажной выступает и третья группа работ ученого, которые связаны с необходимостью представить материал для учебных курсов в общеобразовательных учреждениях. Н. И. Кареев считал крайне важным дело воспитания и

просвещения молодого поколения. За время своего преподавания историк столкнулся с проблемой новистики и структурирования учебных материалов для школьников и студентов, после чего решил разработать свои учебники, которые удовлетворят его требования.

Учебные книги по древней истории представляют собой материал, который будет актуален не только для школьников, но и для учителей и студентов для изучения истории. Материалы написаны ясным и понятным языком, что делает их доступными для студентов и преподавателей с разным уровнем подготовки. В своей книге «Город-государство античного мира» (написана в 1903 г.) описаны его лекции для студентов экономического курса по Древнему миру. Этот курс Кареев приравнивал к типологическому, так как важной задачей было проследить эволюцию античного города-государства и не касаться внешней истории Древнего мира [5]. «Он понял, что студентам-экономистам нужно не то, что студентам историкам, и задумал читать особые, ...типологические курсы, в которых были бы со сравнительной и обобщающей точки зрения», впоследствии в период 1903–1908 гг. в свет вышли пять томов типологических курсов [3, с. 223].

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить широту исследовательских интересов Н. И. Кареева, Он не только общепризнанный специалист по истории стран Европы в Новое время, но и его перу принадлежат выдающиеся разработки по проблемам древней истории.

1. Кареев Н. И. Идея всеобщей истории. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете 9 сентября 1885 г. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1885. 20 с.

2. Кареев Н. И. Книга г. Гревса о римском землевладении // Русское богатство. 1900. № XI. С. 1–27; № XII. С. 1–20.

3. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. [с. 5–45] и коммент. В. П. Золотарева; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.

4. Кареев Н. И. Учебная книга древней истории: С ист. карт. : Учеб. дорев. России по истории / сост., авт. предисл. и примеч. Е. С. Скворцова. М.: Просвещение, Учебная литература, 1997. 320 с.

5. Лекции по древней истории, читанные проф. Н. И. Кареевым на Высших женских курсах. Курс I. 1890–1891 г. [СПб.]: Лит. В. Комарова, 1891. 696 с.

6. Мягков Г. П., Филимонов В. А. Н. И. Кареев и «толстые журналы» его времени: в поисках «своего» издания // Мир историка : историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. Вып. 6. С. 347–353.

В. В. Чубинский: исторический портрет**Ю. С. Шмаль***,

обучающийся 2-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье на основе анализа энциклопедической и научной литературы изложены биографические данные о Вадиме Васильевиче Чубинском (1926–2010), выделены основные этапы его жизни и профессиональной деятельности, предпринята попытка представить элементы интеллектуальной биографии ученого и общественного деятеля. Особое внимание уделено его исследовательской работе, посвященной Отто фон Бисмарку.*

***Ключевые слова:** В. В. Чубинский, советская историография, исторический портрет, интеллектуальная биография*

Биографические исследования в исторической науке традиционно являются одним из самых востребованных жанров. Особенно актуальным в современной историографии становится изучение жизненного и профессионального пути российских историков, научная деятельность которых пришлась на переходную эпоху: от советской к постсоветской исторической науке. Наследие этих историков требует научного осмысления, однако, прежде чем изучать наследие ученого, необходимо определить основные вехи биографии, оказавшие влияние на формирование его научных взглядов.

Цель настоящей статьи – определение основных этапов жизни и профессиональной деятельности ученого и общественного деятеля Вадима Васильевича Чубинского, анализ некоторых аспектов его научного наследия.

Следует сказать, что в историографии отсутствует отдельное научное исследование, посвященное В. В. Чубинскому и его взглядам. Однако на основе некоторых источников, в частности его мемуаров [7], а также данных энциклопедий и электронных ресурсов [13; 14; 15] можно выявить факты биографии историка и выделить основные этапы его жизни и научной деятельности.

Отметим, что биографию В. В. Чубинского можно разделить на несколько этапов: 1) с рождения и до окончания службы в армии (1926–1953), в этот период происходит также обучение в университете и выбор научной специализации, 2) с 1953 – научная деятельность, проявившаяся в защите диссертации, а

*Научный руководитель: **Т. В. Павлова**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

также преподавательская, административная (ректорство) и общественная деятельность.

Вадим Васильевич родился в Ленинграде 25 мая 1926 г. в семье ученых-зоотехников, с 1943 г. участвовал в Великой Отечественной войне. После войны, с мая 1946 г. по сентябрь 1950 г. служил в Советской военной администрации в Германии (СВАГ) и Советской контрольной комиссии (СКК) сначала военным переводчиком, позже военным журналистом – корреспондентом, начальником отдела культуры и искусства немецкоязычной газеты «Тэглихе-Рундшау» (Tägliche Rundschau), издававшейся СВАГ для немецкого населения советской оккупационной зоны [13]. Этому периоду в жизни он посвятил мемуары «Моя "оккупация Германии"» [6], которые были опубликованы в 2005 г. Вернувшись из Германии, с 1950 г. он стал ответственным секретарем спецредакций при политуправлении Ленинградского военного округа [14].

Началом второго этапа жизни и становления профессиональной деятельности В. В. Чубинского является окончание в 1952 г. филологического факультета Ленинградского государственного университета, на котором он обучался заочно, и демобилизация из армии (1953 г.). С этого периода он занялся историей русской журналистики, учился в аспирантуре, преподавал историю русской журналистики в ЛГУ (1953–1959 гг.). В 1957 г. он защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Публицистическая деятельность М. А. Антоновича в „Современнике“ (1859–1865 гг.)» [1].

С 1959 по 1990 г. он преподавал в Ленинградской высшей партийной школе сначала на кафедре журналистики (1959–1966 гг.), а потом (1966–1990 гг.) на кафедре международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения [14]. В этот период занимался исследованиями в области германской истории XIX в., деятельностью одного из основателей германской социал-демократии, публициста и главного редактора всех социал-демократических периодических изданий Вильгельма Либкнехта [8].

В 1986 г. Вадим Васильевич стал заведующим кафедрой исторических и международных движений в Ленинградской высшей партийной школе, а в 1991 г. возглавил кафедру мировой политики и международных отношений Ленинградского политологического института. В этом же году он выпускает «Сарозекские метафоры Чингиза Айтматова» [9].

В 1991 г. В. Чубинский становится первым проректором, а с 1993 по 2002 г. был ректором Северо-Западного кадрового центра (с 1995 г. преобразован в Северо-Западную академию государственной службы). Он также руководил кафедрой истории и мировой политики в академии и возглавлял ее докторский совет. В своей роли ректора Вадим Васильевич сделал значительный вклад в развитие образования будущих государственных служащих, организацию

учебно-методической деятельности и превратил академию в один из самых востребованных вузов Санкт-Петербурга [15].

В этот период он продолжает заниматься публицистической и научной деятельностью. В 1999 г. выходит в свет публикация «О месте исторического знания в подготовке государственных служащих» [8]). В начале 2000-х гг. Вадим Васильевич выпускает в печатном издании свои труды: «Русская газета в послевоенном Берлине» [9], «"Мы, германские социал-демократы" ... Жизнь, идеалы и борьба Вильгельма Либкнехта. Новое прочтение» [7], «Моя "оккупация" Германии. Русский офицер в Берлине и окрест 1946–1950» [6]. Совместно с Кавториним пишет «Уроки революции, невыученные или непонятные. Диалог в письмах» [11], «Что же это такое 37-й год? Диалог в письмах» [12].

Вадим Васильевич – автор более 150 научных, учебных, публицистических, литературно-критических публикаций по истории общественной мысли, государственного управления, политических движений, истории международных отношений. Особая сфера научных интересов – исследования в области истории Германии и российско-германских связей [14].

Среди значительных его трудов монография о видном русском критике XIX в. М. Антоновиче, жизнеописания В. Либкнехта и О. фон Бисмарка [5]. Ряд работ опубликован за рубежом.

Жизнеописание канцлера Отто фон Бисмарка историки оценивают как одну из первых работ в отечественной историографии. Однако стоит отметить, что Аркадий Самсонович Ерусалимский [3] также исследовал биографию Бисмарка, но гораздо раньше, чем Вадим Васильевич. При этом он больше внимания уделял Бисмарку как дипломату.

В своей монографии [4] В. В. Чубинский поставил задачи: рассмотреть биографию Бисмарка с рождения и до самой смерти; проанализировать политические события в период жизни Бисмарка и степени их влияния на мировое общество; выделить основные революционные движения, которые имели место в период жизни Бисмарка.

Основным источником биографии канцлера стали воспоминания Бисмарка [2], архивные материалы. Как отмечает сам В. В. Чубинский, он изучил научную литературу по вопросу, в частности труды таких историков, как Х. Бартель, В. Виттвер, Х. Вольтер, Г. Зеебер, Н. Канис, Х. Хельмерт, В. Шрёдер, А. Шрайнер, Г. Шульце, Э. Энгельберг [4]. Опирался он и на работы таких отечественных исследователей, как А. И. Молок, Л. И. Нарочницкая, С. В. Оболенская, В. Г. Ревуненков, Л. Роотс, Ф.А. Ротштейн, В. В. Сергеев, С. Д. Сказкин, В. М. Хвостов, Л. М. Шнеерсон [4].

На основе источников и научной литературы В. В. Чубинский умело скомбинировал биографию и политическую деятельность Отто фон Бисмарка в значимой для историографии монографии. Книга была выпущена в 1988 г. и имеет

10 глав. Подробно описываются процессы формирования и развития идейно-политических взглядов и психологии будущего канцлера, а также перипетии его жизненного пути, полные противоречий характер проводимой им внешней и внутренней политики и взаимоотношения с различными общественными силами, партиями и политическими деятелями. Глубокий анализ и живое изложение делают это исследование уникальным, сохраняя лучшие традиции российского историко-биографического жанра.

Цель книги – представить историю жизненного пути Бисмарка и его основную деятельность в их взаимосвязи. Автор стремился быть максимально объективным и справедливым в отношении героя, но придерживаясь исторических концепций марксистско-ленинской историографии, неизбежно создал гиперкритический портрет Бисмарка. Рассматриваются и его исторические заслуги, такие как создание единой Германской империи, и причины его неудач, связанные с сохранением полуабсолютистского государственного строя и милитаристских традиций Пруссии.

Автор особо подчеркивает, что Бисмарк несет историческую ответственность за превращение Германии в источник опасности в Европе и в конечном счете в очаг агрессии. Он делает вывод о том, что истинное величие может достичь лишь тот, кто служит действительному социальному, культурному и нравственному прогрессу своего народа и всего человечества. Бисмарк, по мнению автора, не обладает правом претендовать на такое величие, величие в истинном смысле этого слова.

1. М. А. Антонович Очерк жизни и публицистической деятельности / В. В. Чубинский; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л.: ЛГУ, 1961. 194 с.
2. Бисмарк О. Мысли и воспоминания : в 3 т. М.: Соцэкгиз, 1940. Т. 2. 288 с.
3. Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М.: Наука, 1968. 284 с.
4. Чубинский В. В. Бисмарк. Политическая биография. М.: Мысль, 1988. 416 с.
5. Чубинский В. В. Вильгельм Либкнехт – солдат революции. М.: Мысль, 1968. 213 с.
6. Чубинский В. В. Моя «оккупация Германии»: рус. офицер в Берлине и окрест., 1946–1950. СПб.: Образование – Культура, 2005. 526 с.
7. Чубинский В. В. Мы, германские социал-демократы ... Жизнь, идеалы и борьба Вильгельма Либкнехта. Новое прочтение. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010. 304 с.
8. Чубинский В. В. О месте исторического знания в подготовке государственных служащих : материалы дискуссии // Ежегодник'98: Государственная служба России. М.: РАГС. 1999. С. 20–26.
9. Чубинский В. В. Русская газета и немецкая культура (Берлин, 1949–1950) // Управленческое консультирование. 2005. № 3. С. 6–8.

10. Чубинский В. В. Сарозекские метафоры Чингиза Айтматова. Л.: Художественная литература. 1986. 333 с.
11. Чубинский В. В., Кавторин В. Уроки революции, невыученные или непонятные. Диалог в письмах // Нева. 2007. № 11. С. 165–190.
12. Чубинский В. В., Кавторин В. Что же это такое 37-й год? Диалог в письмах // Нева. 2008. № 11. С. 161–191.
13. Чубинский-Надеждин Вадим Васильевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чубинский-Надеждин,_Вадим_Васильевич. (дата обращения: 18.02.2024).
14. Чубинский-Надеждин Вадим Васильевич. URL: https://www.wikidata.ru-gu.nina.az/Чубинский-Надеждин,_Вадим_Васильевич.html. (дата обращения: 18.02.2024).
15. Чубинский-Надеждин Вадим Васильевич // Большая биографическая энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/17029/Чубинский. (дата обращения: 18.02.2024).

УДК 94(519)

С. О. Курбанов о традициях и национальном характере южных корейцев (по материалам записок востоковеда)

М. А. Сукгоев*,

обучающийся 3-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье представлены результаты анализа дневниковых записей С. О. Курбанова, российского корееведа, которые он делал во время посещения Корейского полуострова в конце 1980-х – начале 2000-х гг., предпринята попытка охарактеризовать записки С. О. Курбанова как исторический источник личного происхождения и определить его особенности.*

***Ключевые слова:** С. О. Курбанов, исторический источник, корееведение, Республика Корея*

В современной политической обстановке Российское государство в большей степени стало ориентироваться на восточные страны, среди которых восточно-азиатские государства занимают особое место. Уровень отношений между нашими странами в области политики, экономики, культуры должен соответствовать уровню взаимопонимания между народами, их населяющими. Это необходимо и для устойчивого развития отношений России со странами Северо-Восточной Азии, отмечает историк С. Ю. Врадий [1, с. 102]. Сложно с этим

**Научный руководитель: Т. В. Павлова, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.*

не согласиться, ведь культура создает «притяжение в международных отношениях, ведущих к добровольному действию» [9, с. 168], другими словами: культура – сила, позволяющая странам реализовывать собственные интересы в контексте сотрудиических отношений. Одновременно с этим в современном обществе культурному влиянию отводится больший приоритет, чем военной мощи или экономике.

Основным источником в статье являются дневниковые записи Сергея Олеговича Курбанова, который является профессором Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Его научная деятельность связана с историей Кореи, которой посвящены его кандидатская (1992 г.) и докторская диссертации (2005). Важно отметить, что он множество раз проходил языковую стажировку в КНДР и Республике Корея (1987–2007), в ходе которых и были сделаны записки, анализируемые в статье. Помимо этого, он зарубежный член Национального комитета по составлению истории Кореи, является автором более 130 научных работ на английском, русском и корейском языках, в том числе семи монографий [7]. Также имеется личный сайт «О Корее» (<http://www.all-on-korea.narod.ru/>).

В результате путешествий на Корейский полуостров в течение 24 лет (1987–2007) российский востоковед подготовил и издал сборник кратких заметок, непосредственно касающихся жизни, культуры, религии, экономики Южной и Северной Кореи под названием «С блокнотом по Корее: Записки востоковеда», изданных впервые в 2013 г. и переизданных в 2017 г. объемом 480 страниц. Работа носит характер дневниковых записей, и ее ценность определяется тем, что они были сделаны профессиональным историком, специалистом в области истории Кореи [6, с. 22].

Особенности дневника как исторического источника выделяет А. С. Кузнецов. Он отмечает, что «дневник по своей природе автокоммуникативен, в момент ведения он рассчитан главным образом на внутренние потребности самого автора, не предназначается к прижизненному обнародованию, часто секретен для окружающих – и это его качество остается достаточно стабильным в течение длительных исторических периодов» [4, с. 330]. Особенность дневника С. О. Курбанова в том, что записи были опубликованы при жизни автора, возможно, с целью познакомить россиян с культурными особенностями государств Корейского полуострова.

А. А. Демичев также называет отличие дневника от мемуаров: «дневники пишутся ежедневно или с меньшей регулярностью и отражают более точно как исторические факты, так и оценку своего времени, не искаженную последующим ходом событий» [3, с. 19]. В связи с этим следует отметить, что дневниковые записи С. О. Курбановым писались с регулярностью от трех-четырёх дней после того, как произошло описываемое событие или была получена информа-

ция. Историк старался отмечать важные моменты повседневности жизни корейцев. Например, он описывает технику окрашивания ногтей корейских женщин с помощью листьев бальзамина понсохва, отмечает, что традиционный корейский стол является частью посуды, поэтому его поверхность обработана красным лаком, которым обрабатывают деревянную посуду, он располагается низко, поэтому за ним сидят на полу [6, с. 48].

Работа С. О. Курбанова «С блокнотом по Корее: Записки востоковеда» разделена на две большие главы: Южная Корея и Северная Корея. Внутри каждой главы есть параграфы, которые систематизированы по признакам, отражающим суть записок (национальный характер, экономика, отношение к иностранцам и т. д.). Исходя из названий видно, что автор ставил целью описать повседневность и особенности культуры корейцев, не акцентируя внимание, например, на периодах истории государств.

Анализ работы С. О. Курбанова позволяет сформировать представление о характере корейцев. На примере описания архитектуры он выделяет такую черту характера этого народа, как «закрытость». Поднявшись на высоту «50–70 метров», он не увидел «никакого окошечка во внешний мир» [6, с. 7]. Но стоит отметить, что в этой записке С. О. Курбанов задаётся вопросом об этом феномене: архитектурное совпадение или же особенность корейской культуры в обращении в себя? Если обратиться к истории, то можно заметить, что страны Дальнего Востока, Азии развивались независимо от стран Европы и друг от друга. И, как пишет сам С. О. Курбанов: «история Дальнего Востока (Кореи) содержит примеры своих особых форм социально-экономической организации государства» [6, с. 7]. Это даёт нам понять, что такая консервативность дала толчок в развитие культуры обращения в себя у корейцев.

Также «закрытость» можно увидеть в том, что в корейских университетах все преподаватели «имеют свой персональный кабинет для работы» [6, с. 47]. Из одной записки можно выделить следующее: архитектура служит следствием особенного исторического пути развития Кореи вместе. Из этого можно выделить особенную черту корейской культуры – замкнутость. Помимо этого, данную записку можно использовать в качестве изучения географических данных Корейского полуострова.

Еще одну интересную деталь характера корейцев С. О. Курбанов подмечает в провинциальном этикете — неприятие джинсов. Наличие их у ученого не устроило его корейских коллег, поэтому ему сказали, чтобы востоковед одевался прилично и «желательно вообще никогда не надевал джинсы» [6, с. 47]. В этой записке нет объяснения, откуда такая неприязнь к джинсам у корейцев. Вероятно, она вызвана особым отношением к национальным костюмам и внутреннему рынку, что отсылает нас к историческому развитию Кореи, а также приверженности к традициям. В часть традиционного костюма корейцев входят

широкие штаны (пачжи), рубашки свободного кроя (чогори) [8, с. 33]. Такой свободный стиль одежды стал привычен для жителей Кореи, а джинсы довольно узкие по своему крою, поэтому они и не нравятся населению, а в корейском обществе доминирует принцип коллективизма, поэтому нелюбовь к джинсам распространена среди всех.

Стоит также отметить, что интерес к традиционной одежде постоянно растет: многие дизайнеры заимствуют элементы национального костюма для создания своих образов [6, с. 33]. И вследствие этого и появились клетчатые штаны, которые так нравятся корейцам.

Одной из традиций южных корейцев является поклонение духам. И одной из форм воплощения служит жертвоприношение – «коса». С. О. Курбанов отмечает, что жертвоприношение обосновывалось тем, что «на новом месте в новом деле все получалось удачно». Он описывает ритуал с головой свиньи [6, с. 37]. Но в записке историк не даёт ответа, почему именно это животное используется. Однако, как заметила А. С. Гаврилова, корейцами еще в «средневековье были мифологизированы жаба, сороконожка, червь, змея, а также свинья» [2, с. 75], что объясняет сакральность данного животного.

Также в записках историка отмечается, что корейцы живут по лунному календарю. Для этого у них есть специальные «карточки-удостоверения личности», где дни рождения прописаны по лунному календарю и все традиционные праздники справляются по нему же [6, с. 38].

В результате проведенного анализа можно выделить следующие особенности записок С. О. Курбанова. Он на примере обыденных ситуаций раскрывает как южнокорейскую, так и северную культуру, а вместе с ней и исторический контекст ее формирования. Записки написаны простым языком, что делает его доступным для прочтения. Дневниковые записи С. О. Курбанов писал с регулярностью от трех-четырёх дней после того, как произошло описываемое событие или была получена информация, отмечая мельчайшие детали повседневной жизни южных корейцев.

В своей работе по Южной Корее С. О. Курбанов разделил записки на главы: национальный характер, церемонии, этикет, традиции, праздники, нравы, роль личности и коллективизм, национально-государственные особенности, религиозная жизнь, отношение южных корейцев к иностранцам, отношение южных корейцев к русским, Россия в Корее, брак и свадьба, мужчины и женщины, климат, описание отдельных местностей, районов, описание домов, общественных мест, экономика, бизнес по-корейски, модернизация, торговля, транспорт, качество жизни, культура, молодежная культура, гражданское общество, армия и объединение Кореи, разное о Южной Корее [6, с. 3–14]. В связи с этим они могут рассматриваться в качестве исторического источника по этим вопросам.

Конечно, они носят субъективный взгляд на Корею, но информацию в них можно считать ценной со стороны того, что их писал профессиональный историк-востоковед, основывающийся на своих знаниях.

1. Врядий С. Ю. Об истоках формирования образа России в Северо-Восточной Азии // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2011. № 2 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-formirovaniya-obraza-rossii-v-severo-vostochnoy-azii> (дата обращения: 04.10.2022).

2. Гаврилова А. С. Символизм животных в корейских тотемических мифах // Казанский вестник молодых учёных. 2019. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolizm-zhivotnyh-v-koreyskih-totemicheskikh-mifah> (дата обращения: 17.02.2024).

3. Демичев А. А. «Дневник» А. В. Никитенко как источник изучения суда присяжных в пореформенной России // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2021. № 2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-a-v-nikitenko-kak-istochnik-izucheniya-suda-prisyazhnyh-v-poreformennoy-rossii> (дата обращения: 06.11.2022).

4. Кузнецов А. С. Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны) // Вестник КемГУ. 2020. № 2 (82). С. 329–339. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frontovye-dnevniki-soderzhanie-osobennosti-i-potentsial-istochnika-na-primere-istochnikov-perioda-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 16.02.2024).

5. Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. 626 с. URL: <https://djvu.online/file/kOBUEl53nLNr4?ysclid=lhsft9xrjw389472804> (дата обращения: 18.05.2023).

6. Курбанов С. О. С блокнотом по Корее: записки востоковеда. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2017. 480 с. URL: https://vk.com/doc8742636_620837840?hash=ZEUDw3hi2Q5IU1yFZxOrvFKMSpzs2cfNhFXME2IDbN0&dl=XzCtnsDV0eaprtz0JIqdzIBUawilJuaBEGegACpj8WL (дата обращения: 16.02.2024).

7. Курбанов Сергей Олегович. Информационный ресурс СПбГУ – ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ. URL: <https://orient.spbu.ru/index.php/ru/o-fakultete/sotrudniki/item/kurbanov-sergej-olegovich> (дата обращения: 18.02.2024).

8. Ли Я. В. Ханбок – как феномен корейской культуры // Корееведение в России: направление и развитие. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hanbok-kak-fenomen-koreyskoj-kultury> (дата обращения: 17.02.2024).

9. ЧойВу Ик. Восприятие южнокорейцами и россиянами культуры странпартнеров // Мониторинг. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-yuzhnokoreytsami-i-rossiyanami-kultury-stranpartnerov> (дата обращения: 17.02.2024).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

УДК37/37.01

Актуальность идеи народности общественного воспитания К. Д. Ушинского

*Е. С. Рогова**,
обучающийся 4-го курса
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. К. Д. Ушинский оказал значительное влияние на развитие отечественной педагогики. Константину Дмитриевичу принадлежат идеи о психологической системе обучения, важности труда и игры в процессе воспитания и обучения. Он автор одного из первых пособий для начальных классов. К. Д. Ушинский один из первых затронул проблему важности женского образования. В статье будет рассмотрена одна из ключевых его идей – народности общественного воспитания, обоснована ее актуальность для современного образования.

Ключевые слова: Константин Дмитриевич Ушинский, образование, обучение, воспитание, народность, преподавание

Родился К. Д. Ушинский 19 февраля 1823 г. (по старому стилю) в г. Туле в дворянской семье. Его отец, Дмитрий Григорьевич Ушинский, обучался в Московском университетском благородном пансионе, позже был на военной службе, являлся участником Отечественной войны 1812 г. В 1824 г. вышел в отставку и был назначен судьей в Новгород-Северский. Любовь Степановна, мать будущего педагога, руководила его домашним обучением. После смерти матери, когда Константину Дмитриевичу было 12 лет, Ушинский поступает сразу в третий класс Новгород-Северской гимназии, первые два класса ему были зачтены на основе приемных экзаменов.

В 1840 г. К. Д. Ушинский поступил в Московский университет на юридический факультет. Период обучения был благоприятен для его развития. В то время в университете преподавали П. Г. Редкин, Т. Н. Грановский, А. И. Чивилев. Ушинский увлекался чтением русских и зарубежных классиков, также считал необходимым посещение театра. В то же время Ушинский начинает писать свои первые литературные произведения. В справке об окончании Московского

*Научный руководитель: **О. В. Золотарёв**, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

университета в 1844 г. пишется: «Окончил курс Московского университета по юридическому факультету с примерным поведением и отличными успехами и удостоен совета университета степени кандидата» [2, с. 252].

После окончания университета был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. В 1846 г. переезжает в Ярославль и становится профессором камеральных наук в Демидовском лицее. В 1849 г. Ушинскому пришлось уволиться из лицея. Истинная причина ухода крылась в политических настроениях молодого педагога. Это можно понять из характеристики преподавателя от начальника ярославской губернии: «...к профессорам Ушинского и Львовскому, которые подали слишком невыгодное о себе понятие за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам» [2, с. 252].

Ушинский переехал в Санкт-Петербург и работал помощником столоначальника в департаменте духовных дел.

С 1852 по 1856 г. он сотрудничает с журналами «Современник», «Библиотека для чтения», «Вестник Императорского Русского географического общества». Педагог плодотворно трудился критиком и переводчиком, в его работах поднимаются проблемы воспитания.

В 1854 г. Константин Дмитриевич возвращается в педагогику и устраивается учителем русской словесности в Гатчинском сиротском институте. Через год он становится инспектором классов и находит в учебном заведении работы Е. О. Гугеля, которые, как в дальнейшем признавался Ушинский, оказали серьезное влияние на его мировоззрение. Впоследствии, под впечатлением прочитанных работ Гугеля, Константин Дмитриевич написал статью «О пользе педагогической литературы». Именно с этой работы Ушинского начинается развитие его идей о народности образования.

С 1859 по 1862 г. Ушинский работал в Смольном институте благородных девиц. За небольшой период ему удалось добиться реорганизации в учебном заведении. Не все изменения и способы преподавания были оценены начальницей института М. П. Леонтьевой. Из-за конфликта с руководством учреждения Ушинскому было предложено подать заявление об уходе. В итоге он был отправлен в командировку за границу для изучения педагогики в других странах.

Константин Дмитриевич побывал в Швейцарии, Германии, Франции, Бельгии, Италии. Свой опыт, полученный в командировке, он изложил в труде «Педагогическая поездка по Швейцарии». В этот период им были написаны работы «Родное слово», «Педагогическая антропология», «Детский мир» – эти книги были первыми массовыми общедоступными учебниками по педагогике.

Однако упорная деятельность в области научной педагогики и постоянные переезды ухудшали здоровье Ушинского. В письме А. И. Скребецкому педагог пишет: «Сыворотку я пью по четыре стакана, но она действует на меня плохо

<...> здоровье же не поправляется» [2, с. 193]. В 1867 г. он возвращается в Санкт-Петербург для определения старших детей в учебные заведения.

В последние годы жизни он полностью посвятил себя научной педагогике и стал видным общественным деятелем. Для поправки пошатнувшегося здоровья в 1870 г. ездил в Симферополь для встречи с коллегами. Побывал в Симферопольской казённой мужской гимназии, а также принял участие во II съезде учителей Таврической губернии. Летом того же года лечился в Крыму кумысом.

Семья Ушинского купила дом в Киеве, а сам Константин Дмитриевич вновь отправился в Крым лечиться. По дороге он простудился и остановился в Одессе, где и скончался 22 декабря 1870 г. Похоронен Ушинский в Киеве на кладбище Выдубицкого монастыря.

Идея народности воспитания – одна из центральных в трудах Ушинского. Важнейшим звеном в воспитании является нравственное совершенствование личности. Эти взгляды нашли свое отражение в работе «О народности в общественном воспитании».

К. Д. Ушинский отмечал, что в середине XIX в. была весьма важна развернувшаяся дискуссия о народности науки. Однако педагог считал, что науке не может быть дана характеристика «народность», так как сама наука, в отличие от воспитания, создается в независимости от «влияния тела и влияния характера» [3, с. 70] людей. Воспитание же, наоборот, берет в изучение всего человека, в особенности его характер, в котором и коренится народность.

Константин Дмитриевич в своих трудах поднимает проблему: какими средствами развивать народность в воспитании?

Педагог отмечает: нет единой системы воспитания для всех народов, она определяется особенностями каждой нации. У каждого народа существует своя система, поэтому заимствование воспитательных идей одним народом у другого является невозможным.

Стоит привести примеры представлений или же мыслей Константина Дмитриевича о воспитании в других странах. В Германии проявляется склонность к систематизации полученных знаний. Ушинский описывает народность германцев так: «Глубокомыслие и ученость – лицевая сторона этой народной склонности; педантизм и резонерство – оборотные ее стороны» [3, с. 77]. Для них воспитание было наукой, целью которой являлось создание совершенного немца. Программа обучения многосложна, включает себя систему различных наук. Для немца человек ученый и хорошо воспитанный – одно и то же, в этом и кроется причина популярности науки в этой стране.

Англия, по мнению К. Д. Ушинского, является противоположностью германского воспитания. Для англичан наука – средство для становления истинного джентльмена. Характер и образование – главное в английском воспитании. Соблюдение правил, законов, строгость и правильность действий являются по-

стулатами для обучения англичан. Государство не занимается общественным воспитанием, этот груз положен на плечи частных лиц. И хотя правительством был создан воспитательный комитет, надзирающий за школами, его деятельность была враждебно встречена обществом.

Ушинский отмечает, что к середине XIX в. во Франции образование не имело ценности, поэтому в стране было мало хорошо подготовленных специалистов. Педагог считает, что французам необходимо общественное воспитание, при этом отмечает: «Педагогическая дисциплина вся направлена к тому, чтобы развить самолюбие воспитанников и заставить соревноваться с друг другом» [3, с. 100]. Константин Дмитриевич отмечал основы французского воспитания – внешний блеск, тщеславие и материальную пользу.

Педагог, изучая развитие образования в различных странах, пытается определить особенности воспитания у каждого народа. В основе *особенной идеи о воспитании* лежат *особые идеи о человеке* и его идеале. Общественное воспитание создает народный идеал, который является уникальным, неповторимым. Движущей же силой развития воспитания в обществе является осознание личностью своей несхожести с народным идеалом.

Сама же народность обусловлена географическими, историческими и природно-климатическими условиями. Ушинский писал так: «Есть одна только общая для всех прирожденная склонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью» [3, с. 160].

Не педагогика и педагоги, а только сам народ прокладывает дорогу к будущему. Именно по ней и предстоит идти воспитанию, взаимодействуя с другими общественными силами. Воспитание окажется действенным, только если его деятельность в состоянии найти ответы на общественные, значимые семейные вопросы. Если же система общественного воспитания не в состоянии ответить на общественные запросы общества, то она становится бессильной. Общественное мнение – прочная основа всяких благоприятных перемен в воспитании и обучении.

Можно утверждать, что К. Д. Ушинский разработал основы воспитательно-образовательной системы, которая в полной мере учитывала народные интересы, развивала и укрепляла нравственные качества, такие как патриотизм, любовь и преданность к Родине. Основой ее являлась народность, именно поэтому педагог требовал от своих воспитанников освоения родного языка, знакомства с устным народным творчеством, с элементами народной культуры.

Сегодня многие из положений, высказанных педагогом, учтены в российской системе образования. Федеральная образовательная программа основного общего образования по предмету «История» имеет цель «формирование у обучающихся целостной картины российской и мировой истории, понимание места и роли современной России в мире, важности вклада каждого ее народа, его

культуры в общую историю страны и мировую историю, формирование личностной позиции по отношению к прошлому и настоящему Отечества» [1, с. 3]. Не так давно в российских школах появились «Разговоры о важном», которые являются инструментом воспитания народности. А ведь именно об этом и писал К. Д. Ушинский, подчеркивая, что одной из задач образования является **воспитание** обучающихся в духе патриотизма, уважения к своему Отечеству,

Идеи Константина Дмитриевича всегда были и остаются востребованными в нашей стране. Константину Дмитриевичу удалось создать целостную педагогическую концепцию, которую на сегодняшний день применяют на практике в школах. Накопленный педагогический опыт он передал будущим поколениям через свои труды, которые в XXI в. известны в России и за рубежом.

1. Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования : приказ Министерства просвещения России от 18.05.2023 № 371. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/09/frp_istoriya_5-9-klassy-1.pdf (дата обращения: 06.02.2024).

2. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. / сост. В. Я. Струминский. М.: Академия педагогических наук, 1952. Т. 11. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t11_1952/fs,1/ (дата обращения: 04.02.2024).

3. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. / сост. В. Я. Струминский. М.: Академия педагогических наук, 1948. Т. 2. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t2_1948/go,6;fs,1/ (дата обращения: 03.02.2024).

УДК 373.1

Королева Елизавета I Тюдор в дореволюционных и советских учебниках: сравнительный анализ

И. В. Фаст*,

обучающийся 5-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье представлен сравнительный анализ репрезентации политики Елизаветы I Тюдор в дореволюционных и советских учебниках. Сделаны выводы о специфике отражения эпохи Елизаветы I Тюдор в отечественных учебниках. Отмечено, что в дореволюционных учебниках акцентировалось внимание на деятельности королевы в отношении парламента, религии, торговой и промышленной полити-*

**Научный руководитель: Т. В. Павлова, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.*

ки в стране. В советских учебниках изменение методологических ориентиров привело к смещению акцентов в анализе политики английской королевы.

Ключевые слова: репрезентация власти, дореволюционные учебники, советские учебники, Елизавета I Тюдор

В период обучения в школе не только формируется кругозор, элементарная научная база индивида, но и закладываются определённые идеологемы, позволяющие ему осознать собственную историко-культурную идентичность и сформировать целостное представление о других государствах. Стоит отметить, что от характера изображения портретов иностранных монархов в школьных учебниках зависят мировоззренческие установки настоящего общества. При этом получается, что концепт, который закладывается в содержание учебников, является эффективным инструментом государства, посредством которого оно может воздействовать на общественное сознание. Настоящие положения верны и в отношении рассмотрения личности и периода правления Елизаветы I Тюдор.

Историография в исследовании организована по проблемному принципу. Общую панораму правления Елизаветы I демонстрирует монографическое исследование Дж. Гая [9], И. И. Буровой [4], О. В. Дмитриевой [10]. Второй блок исследований посвящен проблематике рассмотрения репрезентации зарубежной истории в отечественной литературе, стоит отметить исследование Ю. Валенского [5]. Относительно методов и специфики анализа учебников были использованы наработки И. С. Огоновской [13]. В качестве вывода можно отметить, что в историографическом поле отсутствуют работы, посвящённые рассмотрению характера представления образа Елизаветы I Тюдор в отечественных учебниках.

Методология исследования построена на традиционных принципах современной исторической науки – историзма и объективности. Также были использованы общенаучные методы, а именно анализ, синтез, сравнение. Относительно исторических методов использовались хронологический и историко-сравнительный, также метод компаративного анализа.

Дореволюционный педагог-историк и учёный, секретарь Главного Педагогического института А. И. Смирнов (1842–1905 гг.) – автор учебника по всемирной истории, даёт положительную оценку правлению «знаменитой королевы Елизаветы», отмечает, что она смогла успокоить церковные волнения в своём государстве, умела повелевать народом и во внешнем отношении возвысила Англию как могущественную державу [16, с. 114].

Другой автор учебников по истории С. Н. Смарагдов (1805–1871 гг.) характеризует правление Елизаветы как новый и блестящий период для Англии. Особое внимание в описании правления Елизаветы в учебнике автор уделяет

теме Реформации в Англии: «Восстановив протестантские обряды богослужения, она удержала католическую иерархию» [15, с. 23]. Внешняя политика Елизаветы I Тюдор характеризуется такими событиями, как противостояние с Испанией, казнь шотландской королевы католички Марии Стюарт, казнь которой автор определяет как «черное пятно на памяти Елизаветы».

Директор народных училищ Санкт-Петербургской губернии, педагог, автор учебников истории С. Е. Рождественский (1834–1891 гг.) указывает, что королева утвердила господство англиканской церкви, представлявшей смесь протестантизма с католицизмом, и была первой государыней в Европе, которая высказывала терпимость в религии. Это, в свою очередь, повлияло на усиление развития промышленности, науки, торговли и искусства в Англии [14, с. 180].

В отличие от приведенных выше характеристик королевы в учебнике профессора Императорского Московского университета П. Г. Виноградова (1854–1925 гг.) акцентируется внимание на отношениях парламента и Елизаветы I, стремившейся контролировать его фракции и использовать их соперничество, чтобы добиваться нужных для себя результатов. В целом, автор учебника высказывается положительным образом о королеве, отмечая, что «она действительно управляла Англией по-своему и давала чувствовать свою силу подданным...» [3, с. 63].

Русский историк В. Я. Шульгин (1822–1878 гг.) в своем учебнике отмечает, что, утвердив господство англиканской церкви, Елизавета обратила свое внимание на развитие промышленности, также благодаря внешней политике Елизаветы в Англии сильно развилась и заграничная торговля [18, с. 9].

В учебнике, написанном прославленным историком Н. И. Кареевым (1850–1931 гг.), подчеркивается, что парламент при Елизавете созывался даже реже, чем при Генрихе VIII, поскольку реформация усилила королевскую власть. Он отмечает, что «в её царствование улучшилось состояние английского земледелия; стали заметно развиваться промышленность и торговля... В культурном отношении это была эпоха расцвета английской литературы» [11, с. 104].

Другой выдающийся историк, специалист по всеобщей истории Р. Ю. Виппер (1859–1954 гг.) в своем учебнике отмечает, что «классы, имевшие представителей в парламенте, были довольны правлением Елизаветы» [7, с. 131]. Автор указывает, что королева не питала симпатии к протестантам, но организовывала им защиту. Благодаря этому, по мнению Р. Ю. Виппера, Англия отчасти одержала победу над флотом Филиппа II. Р. Ю. Виппер отмечал, что политика Елизаветы открывала простор деятельности среди дворянства и титулованных сеньоров. А сельские жители имели выгоду от внешней торговли. Это говорит о том, что Р. Ю. Виппер оценивал внешнюю политику королевы положительно.

Далее рассмотрим взгляд на правление Елизаветы I Тюдор сквозь призму советских учебников, представленных в образовательной системе СССР.

Отражение мировой истории в русских образовательных материалах после Революции 1917 г. приняло иной ракурс. Как справедливо отмечает А. В. Сперанский, «до 1990-х гг. в отечественной истории господствовала марксистская методология...» [17, с. 240]. Безусловно, это не могло не сказаться на репрезентации политики отдельных зарубежных персоналий.

В 1928 г. увидел свет новый учебник Р. Ю. Виппера, в котором автор, в целом, не изменил оценку правления Елизаветы. Он по-прежнему указывал на то, что успешная внешняя политика создала королеве большую популярность в Англии. Однако о внутренней политике Елизаветы в учебнике говорится крайне мало по сравнению с учебником 1907 г.

Следует отметить, что в дореволюционных учебниках время правления Елизаветы попадает в Новое время, а в советских учебниках – в эпоху Средневековья. В СССР с конца 1930-х гг. считалось, что конец Средневековья приходится на середину XVII в. – время Английской революции XVII в. и завершения Тридцатилетней войны 1618–1648 гг.

Е. А. Косминский (1886–1959 гг.) – советский историк, специалист по аграрной истории средневековой Англии и историографии, в своем учебнике 1941 г. правление Елизаветы не рассматривает, в издании 1960 г. он характеризует его как время английского абсолютизма [12, с. 159].

Е. В. Агибалова и Г. М. Донской – школьные учителя истории, в их учебнике издания 1962 г. о политике, проводимой королевой, сказано не много. Авторы отмечают, что она покровительствовала торговле и мореплаванию, поддерживала пиратство. А также упоминается, что «Елизавета не желала поддерживать Россию в её борьбе за выход к Балтийскому морю» [1, с. 199]. В издании учебника 1981 г. содержание во многом осталось неизменным. Авторы характеризуют Елизавету как хитрую, властную правительницу, неуклонно защищавшую интересы Англии, и отмечают, что путем жестокой эксплуатации трудящихся своей страны и пиратства английская буржуазия накопила огромные богатства [2, с. 208].

В целом, в советских учебниках при изложении истории Англии в первую очередь обращается внимание на развитие в этой стране традиций политической свободы. Следовательно, эпоха Елизаветы Тюдор в некоторой степени растворялась. Центральным звеном английской истории становилась Революция в 1640–1660 гг. Поэтому политика королевы почти не рассматривалась.

Таким образом, в работе был проведен анализ репрезентации политики Елизаветы I Тюдор в дореволюционных и советских учебниках. Отмечено, что при описании внутренней политики Елизаветы I Тюдор в дореволюционных учебниках делается упор на деятельность королевы в отношении парламента, религии, торговой и промышленной политики в стране. Образ королевы представлен в положительном русле. Что касается советских учебников, то изменение

методологических ориентиров сместило акценты в анализе внутренней и внешней политики английской королевы: противоречиво рассматриваются представители флота Елизаветы, внутренняя политика обсуждается незначительно.

1. Агибалова Е. В., Донской Г. М. История средних веков : учебник для 6 класса. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1962. 267 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/istoria-06-1981.htm> (дата обращения: 01.02.2024).

2. Агибалова Е. В., Донской Г. М. История средних веков : учебник для 6 класса. 20-е изд. М.: Просвещение, 1981. 271 с.

3. Акройд П. История Англии. Тюдоры: От Генриха VIII до Елизаветы I / пер. с англ. И. А. Черненко. М.: КоЛибри, 2020. 656 с.

4. Бурова И. И. Две тысячи лет истории Англии. М.: Гуманитарная академия, 2017. 616 с.

5. Валенский Ю. Косминский и вопросы интерпретации истории Средних веков в советской школе. Мюнхен, 1954. 110 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/valensky_akademik_kosminsky_i_interpretatsiya_istorii_v_sovetskoj_skole_1954_text.pdf (дата обращения: 11.03.2023).

6. Виноградов П. Г. Учебник всеобщей истории. Новое время. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1896. 247 с.

7. Виппер Р. Ю. Учебник новой истории. 3-е изд. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1908. 513 с. URL: http://starienki.info/Knigi/V/Vipper_R_Uchebnik_Novoj_istorii_1908.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

8. Виппер Р. Ю. Учебник новой истории. М.: Государственное издательство, 1922. 247 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/722532> (дата обращения: 05.02.2024).

9. Гай Дж. Елизавета. Золотой век Англии / пер. с англ. В. И. Фролова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 592 с.

10. Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 320 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=198661&p=1> (дата обращения: 10.02.2024).

11. Кареев Н. И. Учебная книга новой истории. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 350 с. URL: <http://rushist.com/index.php/tutorials/kareev-tutnewtime/479-reformation-in-england> (дата обращения: 05.02.2024).

12. Косминский Е. А. История средних веков : учебник для 6 класса. 1960. 187 с. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/istoria-67-1960.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

13. Огоновская И. С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. 2011. № 12. С. 264–286. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19764/1/dais-18-12-2011.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

14. Рождественский С. Е. Отечественная история в связи с всеобщей (средней и новой). СПб.: Типография д-ра М. А. Хана, 1882. 437 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/810583> (дата обращения: 01.02.2024).

15. Смарагдов С. Н. Краткое начертание всеобщей истории для первоначальных училищ. 6-е изд. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1855. 133 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/713571> (дата обращения: 05.02.2024).

16. Смирнов А. И. Руководство к изучению всеобщей истории. СПб.: Тип. Штаба воен. учеб. заведений, 1842. 143 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/713766> (дата обращения: 01.02.2024).

17. Сперанский А. В. Концепция тоталитаризма как методологическая интерпретация истории России XX века // Историко-педагогические чтения. 2006. № 10. С. 238–245.

18. Шульгин В. Я. Курс истории новых времен для воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений. СПб.: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1898. 384 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/806136> (дата обращения: 01.02.2024).

УДК 93/94

«Эра Варгаса» на страницах школьных и университетских учебников

*Е. А. Уварова**,

обучающийся 2-го курса

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье на основе сравнительного анализа двух популярных учебных пособий по всеобщей истории предпринимается попытка оценить степень информативности сюжета о периоде правления президента Бразилии Жетулио Варгаса (1930–1945).

Ключевые слова: «Эра Варгаса», Жетулио Варгас, политика «Нового государства»

3 октября 1930 г. после государственного переворота в Бразилии к власти пришёл губернатор штата Рио-Гранди-ду-Сул – Жетулио Варгас. Время правления Варгаса назовут «эрой», которая будет характеризоваться установлением диктаторского режима, вошедшего в историю как «Новое государство» и сменой внешнеполитического курса Бразилии в годы Второй мировой войны. Варгас управлял страной 15 лет и был свергнут в октябре 1945 г. в результате государственного переворота.

Время президентства Варгаса было переломным для Бразилии. Годы его правления – принципиально важный эпизод в истории страны, к изучению которой обращаются историки по всему миру, в том числе российские. Цель настоящего исследования – провести сравнительный анализ содержания учебных материалов различных уровней образования по предложенной теме. В ис-

* Научный руководитель: **В. С. Русанова**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

следовании рассматриваются два учебных пособия: университетского уровня – «Новейшая история стран Латинской Америки» (автор – А. И. Строганов) и школьного уровня – «Мир в XX веке» (авторы – О. С. Сорока-Цюпа, В. П. Смирнов, А. И. Строганов).

Учебное пособие А. И. Строганова, вышедшее в 1995 г., позиционирует себя как пособие, объединившее всю историю стран Латинской Америки с 1918 до 1995 г. Правлению Жетулио Варгаса в нём уделено значительное внимание. Изучение бразильской истории происходит параллельно с историей других латиноамериканских стран, поэтому информация о каждом государстве, в том числе о Бразилии, отрывистая. Однако из начала параграфа сразу же читатель узнаёт о буржуазной революции в Бразилии, вспыхнувшей в 1930 г. В пособии рассказано о пути становления Варгаса в должность президента, кем он был до этого, а также о программе, с которой он шёл на выборы. Будущий президент Бразилии заручился поддержкой «тенентистов», а одним из его тезисов в программе стало требование демократизации страны и «общенациональной революции в интересах всего народа» [3, с. 51]. В пособии сообщается об экономическом подъёме с начала правления нового президента: активно укреплялись позиции национального капитала, введены протекционистские таможенные тарифы. При Варгасе был разработан закон о трудовом праве [3, с. 52], появились корпоративные профсоюзы, вводился режим «социальной гармонии». И хоть порядок в стране начал постепенно устанавливаться, упомянуть о нестабильности в эпоху Варгаса автор пособия не забывает, указывая на забастовки рабочих и мятеж «кофейной» олигархии, который был подавлен в 1932 г.

В 1934 г. Жетулио Варгас объявил о восстановлении конституционных форм правления, что автор пособия трактует как «сохранение диктатуры, но в завуалированном виде» [3, с. 68]. Непокойная обстановка в Бразилии и рост тоталитарных настроений в политических кругах способствовали установлению режима «Нового государства» в 1937 г., направленного против левых и демократических сил. При новом режиме вводились запреты на политические партии и корпоративные системы, развивалась национальная промышленность, ограничивающая привилегии иностранных компаний. В период правления Варгаса в Рио-де-Жанейро было проведено III консультативное совещание министров иностранных дел американских государств, в ходе которого была принята резолюция о создании Межамериканского совета обороны [3, с. 77].

С началом Второй мировой войны Бразилия сохраняла нейтралитет, но уже 22 августа 1942 г. объявила войну странам «Оси». Бразилия стала единственной латиноамериканской страной, чьи вооруженные силы приняли непосредственное участие в боевых действиях в Северной Италии [1]. В целом, «Эра Варгаса» достаточно подробно описана в учебном пособии А. И. Строганова. Автор стремится осветить этот период в истории Бразилии всесторонне.

В учебнике для учащихся 11-го класса, изданном при участии трёх авторов: О. С. Сороко-Цюпы, В. П. Смирнова, А. И. Строганова, развитие Латинской Америки в XX столетии рассматривается в двух параграфах. Политическую обстановку в Бразилии авторы учебника характеризуют схоже. В частности, отмечается, что власть была сосредоточена в руках «кофейной» олигархии и в выборах участвовало около 30 % граждан [2, с. 135]. Авторы школьного учебника обращают внимание на то, что во время правления Жетулио Варгаса осуществлялась поддержка национального капитала, а сама экономическая политика была направлена на сочетание «с социальными уступками трудящимся» [2, с. 138]. В отличие от учебного пособия под редакцией А. И. Строганова в школьном учебнике отсутствует информация о вкладе бразильских солдат в победу над фашистской Германией во Второй мировой войне, хотя бразильская дивизия активно сражалась на территории Южной Атлантики и Италии [1]. Авторы не сообщают ни о создании бразильского корпуса, ни о его участии в боевых действиях. В целом, вопрос о развитии Бразилии в эпоху Жетулио Варгаса на страницах данного учебника раскрыт недостаточно, информация о президенте будто обрывается на развитии государственной политики путём поощрения национального капитала. Кроме того, важная часть истории Бразилии, связанная с окончанием «Эры Варгаса» – государственный переворот 1945 г., когда президент был свергнут, в школьном учебнике также не описана.

Таким образом, в рассматриваемых учебных пособиях тема периода правления Жетулио Варгаса раскрыта на базовом уровне, чтобы школьники и студенты могли познакомиться с личностью президента и краткой информацией о времени его правления. Учебное пособие для студентов представляет более широкую информацию о первом президентстве Варгаса, в то время как некоторые принципиально важные моменты этого периода не раскрыты в школьном учебнике.

1. Моисеев А. П. Как Латинская Америка боролась против фашизма. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/40242> (дата обращения: 02.03.2024).

2. Сороко-Цюпа О. С., Смирнов В. П., Строганов А. И. Мир в XX веке : учебник для 11 класса общеобр. учреждений. М.: Дрофа, 2000. 336 с.

3. Строганов А. И. Новейшая история стран Латинской Америки : учебное пособие. М.: Высш. шк., 1995. 415 с.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

XXIII Всероссийская научная конференция студентов
и аспирантов

Сборник статей

Ответственный редактор
Любовь Анатольевна Максимова

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word

Системные требования:

ПК не ниже Pentium III; 256 Мб RAM; не менее 1,5 Гб на винчестере;
Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2); Microsoft Office 2003 и выше;
видеокарта с памятью не менее 32 Мб; экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек;
4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше; мышь.

Редактор *Е. М. Насирова*

Верстка и компьютерный макет, техническое редактирование *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

2,0 Мб. 1 компакт-диск, пластиковый бокс, вкладыш.

Подписано к использованию 22.07.2024 г.

Заказ № 46. Тираж 50 экз.

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина
167001. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 23Б
Тел. (8212)390-472, 390-473.

E-mail: ipo@syktsu.ru

<http://www.syktsu.ru/>

[Титул](#)

[Об издании](#)

[Производственно-технические сведения](#)

[Содержание](#)